А. Аверченко

Разсказы

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3476
.A92
A6
1911,Kn.3

a 00003 424565

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAY 30 1995			
	MAR 06 '95		

Form No. 513, Rev. 1/84

PG3476
.A92
A6
1911
kn. 3

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

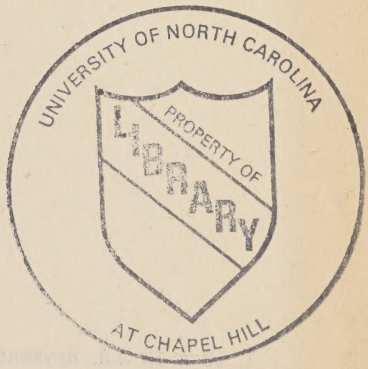
РАЗСКАЗЫ

(ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ)

Razskazy
(Umoristicheskie)

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ



ИЗД. ШИПОВНИКЪ СПБ.
1911

1, 12 и 13 л.л. печатаны въ типографіи „т-ва В. Андерсонъ и Г. Лойцянскій“
СПБ., Вознесенскій пр. 53,

а

2—11 л.л. въ типографіи журнала „Сатириконъ“, Бассейная, 3—5.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/razskazy03aver

ДЕБЮТАНТЪ.

Нѣкоторыя болѣзни требуютъ героическихъ средствъ.

I.

Все несчастье въ томъ, что я очень мягокъ и добросердеченъ. У меня никогда не хватаетъ духу прямо сказать дураку, что онъ глупъ, или осадить нахала, когда онъ этого заслуживаетъ...

Въ качествѣ театральнаго режиссера, я хотѣлъ бы для себя болѣе твердости и прямизны въ обращеніи съ людьми. Но разъ у меня этого нѣтъ—я избираю другіе пути . .

. . . . . .

Вчера, послѣ репетиціи, въ мой кабинетъ ввалился какой-то грузный бородатый человѣкъ и, ни слова не говоря, плюхнулся въ кресло около моего стола.

— Вы, что-ли, режиссеръ?—кивнулъ онъ на меня лохматой головой.

Я поспѣшилъ удовлетворить его любопытство.

— Вамъ, вѣроятно, нужны способные талантливые артисты?

Дружеское подмигиваніе глазомъ, послѣдовавшее за этимъ вопросомъ, пробило брешь въ сухой оффиціальности нашей бесѣды, и я, хлопнувши его по колѣнкѣ, игриво отвѣтилъ:

— Голубушка!! Кому и когда они не нужны?!

Онъ всталъ, заложилъ одну руку за бортъ сюртука, а другой—небрежно взъерошилъ себѣ волосы.

— Въ такомъ случаѣ, какъ я вамъ нравлюсь?

Бросивъ на него бѣглый взглядъ, я, безъ всякаго колебанія, поспѣшилъ сказать, что лично противъ него—ничего не имѣю.

— Вотъ видите!.. Я, можетъ быть, рожденъ этимъ... какъ его!.. Тамберликомъ, а мнѣ приходится служить бухгалтеромъ кирпичнаго завода.

Выраженное мною горькое сожалѣніе и опасеніе, что подобные ужасные случаи, вѣроятно, не единичны,—заставили его ободриться.

— Знаете, вы, кажется мнѣ, человѣкъ понимающій.. Сколько бы вы могли дать мнѣ жалованья, а?..

Головокружительная быстрота, съ которой посѣтитель перескочилъ къ матеріальной сторонѣ предполагаемой сдѣлки, немного испугала меня... Я вкрадчиво замѣтилъ:

— Но я, простите... не знаю вашихъ способностей!. Если бы дать вамъ дебютъ.

— Натурально! Но я въ себѣ не сомнѣваюсь. А скажите... 400—500 рублей въ мѣсяцъ не показались бы вамъ высокимъ жалованьемъ?

Я незамѣтно улыбнулся и сказалъ:

— Это? Да это гроши! Если дѣло сладится, я вамъ, можетъ быть, ухитрюсь дать и больше... Вы гдѣ же играли раньше?

— Вы Помидоровыхъ знаете? Нѣтъ? Изумительно! Я у нихъ два раза игралъ на любительскихъ спектакляхъ!! Успѣхъ колоссальный!!! Одинъ разъ я игралъ „На порогѣ великихъ событій“, а другой—„Простодушная и вѣтренная“.

— Это, кажется, хорошія пьесы,—осторожно замѣтилъ я, дѣлая надъ собой нѣкоторыя усилія, чтобы сохранить серьезный дѣловой видъ.—И такъ, чтобы не откладывать въ долгій ящикъ, приходите завтра въ театръ. По случаю воскреснаго дня, у насъ идетъ дневной спектакль, и если вы придете около часу, то, можетъ быть, я дамъ вамъ роль. Я думаю, что съ вашими способностями, вы съумѣете сыграть безъ репетиціи, подъ суфлера.

— О-о, помилуйте! Для человѣка способнаго, репе-

тиція только и является тѣми кандалами, которые сковываютъ полетъ его свободнаго творчества! Не правда-ли?..

— Вы разсуждаете, какъ Гаррикъ!

Потолковавши о подробностяхъ, мы разстались очень довольные другъ другомъ.

Весь вечеръ я былъ въ великолѣпномъ настроеніи, и за ужиномъ, среди своихъ мыслей, неожиданно засмѣялся.

II.

Воскресенье. Часъ пополудни. Вслѣдствіе страшной духоты іюльскаго дня, всѣ мы ходимъ, какъ разваренные. Полусонные, задыхающіеся отъ жары актеры, лѣниво перебраниваются въ своихъ уборныхъ. Желѣзная крыша и стѣны театра накалены такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ больно притронуться.

Бухгалтеръ кирпичнаго завода былъ аккуратенъ, какъ всякій бухгалтеръ, и появился смущенный, но счастливый, ровно въ часъ. Я едва узналъ его, потому что усы и борода были сбриты, и даже волосы на головѣ коротко острижены.

— Для удобства, въ смыслѣ парика,—пояснилъ онъ мнѣ послѣ, поглаживая голову.

Въ рукахъ у него было узелъ съ костюмами, парикъ и ящикъ гриммировальныхъ красокъ.

Лѣнь и истома моментально покинули меня. Я встрѣтилъ его преувеличенно-восторженно и тотчасъ же потащилъ въ свою уборную, провожаемый вопросительными взглядами актеровъ.

— Раздѣвайтесь! У насъ сегодня идетъ «Ревизоръ», и вамъ, кажется, есть ролька. Вы помните пьесу?

Его радостный взоръ омрачился.

— Д-да... Ре...ревизора! Помню... но очень смутно!

— Это пустяки! Вѣдь вамъ сказать только нѣсколько словъ и то подъ суфлера... Вы будете играть отца Хлестакова.

— Ага! Отца... Кажется, что мое... это какъ его... амплуа—именно отцы.

— Ну, вотъ видите. На первый разъ я одѣну и загриммирую васъ. Раздѣвайтесь! Вотъ такъ... Нѣтъ, ужъ будьте добры и сорочку снять!

— За...зачѣмъ-же сорочку?..

— А какъ же! Вы, вѣроятно, знаете, что самый некрасивый жестъ на сценѣ,—когда артистъ нелѣпо вздѣнетъ руки кверху. Это жестъ, отъ котораго не могутъ отвыкнуть самые лучшіе актеры... И вотъ есть средство, которое помѣшаетъ вамъ сдѣлать это.

Я взялъ два большихъ куска треса *) изъ бухгалтерскаго запаса и, намочивъ ихъ обильно лакомъ, положилъ обнаженному дебютанту подъ мышки.

Онъ былъ изумленъ чрезвычайно.

— Представьте, что я этого не зналъ!!

— Какъ же! Теперь одѣвайтесь... Такъ какъ вы должны дать типъ очень полнаго человѣка, то вамъ нужно надѣть, по крайней мѣрѣ, трое брюкъ... Вотъ такъ! Теперь четыре или пять сорочекъ дадутъ вамъ необходимую полноту верхней части тѣла.

Пыхтя и отдуваясь, онъ натянулъ все предложенное мною, и, съ мужественнымъ видомъ, сталъ ждать дальнѣйшаго.

— Что-то мнѣ кажется, что вы все еще худоваты... Правда, сверху будетъ зимнее пальто, но этого мало. Вотъ что... У насъ есть зипуны изъ бытовыхъ пьесъ... Я могу подобрать парочку на вашъ ростъ... А сверху пальто! Правда, будетъ душновато, но для типа... Жертва святому искусству! Какъ? Вы говорите—сапоги очень жмутъ? Ага! Это потому, что они тѣсные. Ну, потерпите! Это тоже жертва... Не такъ-ли?...

Его оживленіе стало пропадать, и онъ нерѣшительно согласился со мною.

---

*) Волосы для наклеиванія усовъ и бородъ.

Черезъ пять минутъ передо мною стояло ужасное чудовище необъятной толщины. Отъ тяжести одеждъ, оно качалось на ногахъ, какъ тростинка, и потъ стекалъ съ пылающаго лица обильными ручьями.

— Теперь я васъ загриммирую... Садитесь.

Онъ безпомощно заморгалъ глазами.

— Дѣло въ томъ... Что я не могу сѣсть!..

— Ага! Вамъ мѣшаетъ пальто,—догадался я.—Ну, это можно сдѣлать стоя.

Натянувъ на него громадный рыжій парикъ, я вынулъ карандаши и сталъ безъ толку, первыми попавшимися цвѣтами, разрисовывать его лицо. Онъ любовался на себя въ зеркало и вдругъ въ ужасѣ воскликнулъ:

— Послушайте, зачѣмъ-же вы мнѣ носъ намазали зеленымъ?..

Я снисходительно улыбнулся.

— Вы, вѣроятно, не знаете, дорогой мой, что со сцены зеленый кажется розовымъ. Это вина проклятаго электрическаго освѣщенія... Но мы уже приспособились къ этому! По той-же причинѣ я вамъ щеки сдѣлаю свѣтло-голубыми. Это придастъ вамъ видъ хорошо пожившаго человѣка.

Онъ благоговѣйно посмотрѣлъ на меня и, смущенный, замолчалъ.

Его шарообразная фигура въ рыжемъ парикѣ, съ размалеваннымъ по индѣйски лицомъ, производила убійственное впечатлѣніе. Я заклеилъ ему ухо тресомъ и облегченно вздохнулъ:

— Готово! Теперь запомните: роль отца Хлестакова заключается въ томъ, что онъ выходитъ, неся въ одной рукѣ персидскій коверъ, а въ другой—кулекъ съ винами и сахаромъ... Выйдя на сцену, онъ обращается къ городничему со словами: „Получите обратно вашъ коверъ и эти купеческіе подарки! Знайте, что Хлестаковы, вообще, а мой сынъ, въ частности, не берутъ взятокъ!!“. Каратыгинъ говорилъ эти слова такъ, что театръ дрожалъ отъ рукоплесканій. Вѣроятно, и вы не ударите лицомъ въ грязь?..

Онъ страдальчески улыбнулся и прохрипѣлъ, что не ударитъ.

Я навьючилъ его тяжёлымъ ковромъ, кульками и повелъ за рукавъ къ кулисамъ, выбравши то мѣсто, гдѣ стѣна наиболѣе накалена безпощаднымъ солнцемъ.

— Вотъ, стойте здѣсь! Боже васъ сохрани поставить эти вещи на полъ, потому что я могу каждую минуту попросить васъ на сцену, а нагибаться вамъ будетъ трудно!

Онъ покорно сталъ на мѣсто, а я обратился къ другимъ, менѣе важнымъ, дѣламъ.

III.

Первый и второй актъ я былъ занятъ по горло, но передъ третьимъ, заглянувши въ уголъ, былъ совершенно удовлетворенъ видомъ ужасающей горы платья... Наверху этой горы, подобно заходящему солнцу, пылало багровое лицо, съ котораго ручьи пота смыли весь гримъ...

Послѣ четвертаго акта я подумалъ, что онъ умеръ, такъ какъ засталъ его прислонившимся къ раскаленной стѣнѣ, но слабое морганіе потускнѣвшихъ глазъ успокоило меня.

Послѣ пятаго акта раздался взрывъ апплодисментовъ. Я распорядился не поднимать пока занавѣса на вызовы, а побѣжалъ къ дебютанту и крикнулъ:

— Выходите!!

Онъ посмотрѣлъ на меня безсмысленнымъ взглядомъ и что-то промычалъ.

— Выходите, чортъ возьми, или вы провалите мнѣ пьесу!!

Шатаясь, при моей помощи, онъ выбрался на сцену, сопровождаемый словами: помните-же «Получите обратно вашъ коверъ» и т. д.

Всю эту галиматью бухгалтеръ добросовѣстно повторилъ заплетающимся языкомъ, подъ апплодисменты пуб-

лики и передъ опущенной занавѣсью,—чего онъ даже не замѣтилъ.

Я втащилъ его обратно въ уборную и сказалъ:

— А молодцомъ вы сыграли!.. Слышите, какіе аплодисменты? Раздѣвайтесь!

Онъ упалъ на диванъ и глухо простоналъ:

— Вся штука въ томъ... что я... не могу поднять рукъ!

Я весело улыбнулся.

— А... это тресъ дѣйствуетъ! Вы можете убѣдиться въ радикальности средства!

— Я убѣдился.

Для того, чтобы раздѣть его, потребовалось пригласить двухъ плотниковъ. Пять нижнихъ сорочекъ были мокрыя, и даже одинъ армякъ пропитался потомъ.

Я вытеръ бухгалтеру лицо вазелиномъ и, умывши его, дружески сказалъ:

— Ну-съ, а какъ же условьице?.. Подпишемъ? Вы мнѣ нравитесь.

— Я...—прохрипѣлъ онъ страдальчески,—я... устрою свои нѣкоторыя дѣла, а потомъ... по... подумаю.

Избѣгая моего взгляда, онъ распрощался и ушелъ.

Больше я его не видѣлъ.

КОРЕНЬ ЗЛА.

(Вагонъ конки, переполненный публикой. Кондукторъ тянетъ за рукавъ плохо одѣтаго, угрюмаго господина въ опоркахъ и кричитъ ему на ухо):

— Эй, ты! Покажь билетъ!

Желчный господинъ, сидящій около (возмущенно).—Что ты, скотина, съ нимъ брудершафтъ пилъ, что-ли? Будь повѣжливѣе!

Бритый господинъ (сочувственно). Эти свиньи, если видятъ, что человѣкъ плохо одѣтъ, то и...

Желч. госп. (язвительно).—Ахъ, онъ, по вашему плохо одѣтъ?.. Если вы нацѣпили дурацкій красный галстухъ, то и думаете, что важный баринъ?

Брит. госп. (кричитъ, багровѣя).—Что-о?! Вы пьяны, вѣроятно! Нахалъ!! (обращаясь къ сосѣдкѣ слѣва, съ подвязанной щекой). Какъ вамъ это нравится?

Сосѣдка слѣва.—Слушайте, не кричите мнѣ надъ ухомъ! Вы совсѣмъ меня оглушили...

Брит. госп.—Ахъ, отстаньте отъ меня съ вашимъ ухомъ!..

Гимназистъ справа (задорно).—Будьте вѣжливѣе съ дамами, милостивый государь!..

Мастеровой (сзади иронически). Вы-бы, барчукъ, молоко мамашино на губкахъ обтерли...

Сосѣдка слѣва (не разслышавши). Какой мамаши? Что вы меня называете въ мамаши каждому мальчишкѣ!

Гимназистъ.—Я не мальчишка и, вообще, прошу васъ...

Сосѣдка слѣва.—Кондукторъ, кондукторъ, меня здѣсь оскорбляютъ.

Брит. госп. (указывая на желчнаго).—Кондукторъ! Убери этого человѣка, онъ грубитъ пассажирамъ...

Желч. госп.—А зачѣмъ онъ привязался ко мнѣ! Вишь ты, костюмъ у моего сосѣда плохъ! Тоже, птица важная!..

Гимназистъ (носъ у него покраснѣлъ и на глазахъ видны слезы).—Кондукторъ, будьте свидѣтелемъ, эта дама назвала меня мальчишкой!

Брит. госп.—А вотъ этотъ сказалъ, что у меня галстукъ дурацкій...

Кондукт.—Не кричите всѣ заразъ, господа. Васъ много, а я одинъ! (къ брит. госп.). Онъ васъ оскорбилъ?

Желч. госп.—Нѣтъ, не я его, а онъ меня! Па-азвольте!! Онъ говоритъ...

Кондукт.—Пожалуйте съ конки. Здѣсь нельзя безобразить...

Брит. госп.—Съ какой стати! Вотъ еще...

Дама слѣва.—И вотъ этого мастерового, кстати, уберите! Онъ грубитъ. Пьянъ, кажется...

Мастеровой.—Не на твои деньги напился...

(Страшный шумъ. Конка посреди̇нѣ пути останавливается. Больше всѣхъ кричатъ: бритый господинъ, желчный, дама слѣва, гимназистъ и мастеровой. Плохо одѣтый господинъ прижался въ уголъ и, молча, пугливо озирается. Слышны возгласы остальныхъ, желающихъ двинуться дальше:—Городовой! Городовой!.. Медленно подходитъ городовой. Онъ лѣниво обводитъ глазами пассажировъ и съ апатіей на деревянномъ лицѣ спрашиваетъ):

— Ну, чего тутъ еще не поладили? Ты, рыжій, чего руками размахался?! Не птица, не полетишь!

Дама.—Вотъ его возьмите!

Мастеровой.—Меня-а? Ловка больно!

Городовой.—Ты чего же это? Вотъ я те шею, какъ наглажу!..

Мастеровой.—Да что жъ я, господинъ городовой! А какъ эти, будемъ говорить, гимназисты...

Гимназистъ.—Ну! А я-то причемъ!

Городовой.—Такъ, какъ же это вы, молодой человѣкъ, а?..

Гимназистъ (гордо).—Прежде всего, представителю отживающаго полицейско-бюрократическаго режима я никакихъ показаній давать не намѣренъ. Но для возстановле... возстановленія истины долженъ сказать, что эта дама оскорбила меня неумѣстнымъ прозвищемъ мальчишки...

Дама.—А зачѣмъ-же вы...

Гимназ. Я за васъ заступился! Этотъ господинъ кричалъ вамъ на ухо...

Брит. госп.—Да какъ же не кричать, если вотъ этотъ говоритъ мнѣ, что у меня галстукъ дурацкій...

Желчн. госп.—Потому и сказалъ, что вы позволили себѣ отозваться невѣжливо о костюмѣ этого вонъ человѣка (указываетъ на плохо одѣт. господина).

Плохо од. госп. (конфузливо, робко).—Я что же... Я ничего не имѣю...

Городовой (до сихъ поръ тупо выслушивающій претензіи, оживляется и устремляетъ строгій взглядъ на плохо одѣт. госп.).—Это ты что же! А? Безобразить? Да я тебя!!.. Пошелъ вонъ съ конки!

Пл. одѣт. госп.—Господа! Милостивые государи! За что же я-то...

Городовой.—Но-но-но! Поговори еще! Проваливай!

Кондукторъ.—Такъ его, такъ! Смуты только изъ-за него! (выпроваживаетъ, вмѣстѣ съ городовымъ).

Желчн. госп. (глядя вслѣдъ удаляющемуся пл. одѣт. госп.).—А у него, знаете ли, въ самомъ дѣлѣ, что-то подозрительное въ лицѣ...

Брит. госп. (дружелюбно).—Ну, не я ли это первый замѣтилъ!..

Дама слѣва.—Такому и въ карманъ залѣзть—плевое дѣло!

Мастеровой.—Обломать бы ему бока, зналъ бы тогда... (къ гимназисту). Дозвольте папироску!..

Гимназистъ.—Сдѣлайте одолженіе! Вы эсъ-эръ или эсъ-декъ?

ИЗ КНИГ
С. А. Тустановского
№

КОСА НА КАМЕНЬ.

I.

Репортеръ Шмурыгинъ вышелъ изъ редакціи въ крайне угнетенномъ состояніи духа. Удручала его проборка, заданная редакторомъ за доставленіе несвѣжаго матеріала.

Послѣднюю остроту редактора онъ находилъ даже пошлой:

— Если вы думаете, что всякая дичь должна быть не свѣжей, то жестоко ошибаетесь. Тѣмъ болѣе, что ваши утки, большей частью, доморощенныя.

— Это ты кому говоришь!—шепталъ, идя по улицѣ, пасмурный репортеръ. — Ты говоришь, волосатый чертъ, представителю прессы! За это теперь отвѣчаютъ!..

Потомъ онъ сталъ мечтать:

— Хорошо бы, если бы этотъ домъ вдругъ моментально провалился! Эффектная вещь. Строкъ на сто. Или какой-нибудь автомобиль, чтобы съ размаху въѣхалъ въ зеркальное стекло кондитерской. Воображаю, какъ позеленѣлъ бы Абзацовъ! А то онъ всюду со своимъ длиннымъ носомъ первый поспѣетъ.

Съ житейскихъ событій онъ перешелъ на политическія.

— Хорошо бы депутатовъ стравить на драку... Потомъ—впечатлѣній, интервью, показаній очевидцевъ—рублей на сорокъ. Пойти развѣ и сказать одному правому депутату, что другой правый депутатъ назвалъ его идіотомъ.

Тотъ ему задастъ за идіота! Развѣ можно такъ оскорблять парламентскаго дѣятеля!? Да что толку... Потасовки-то вѣдь я не увижу. Ну, времена! Хотя бы на самоубійство какое, самое паршивое, наскочить.

И вслѣдъ за этой мыслью репортеръ вздрогнулъ, будто пронизанный электрической искрой...

Онъ увидѣлъ себя на пустынномъ мосту черезъ Фонтанку, куда завели его сладостныя грезы о несбыточномъ, и увидѣлъ не только себя, но и другого человѣка, свѣсившагося черезъ перила моста и якобы любовавшагося гаснущимъ закатомъ.

— Э!—сказалъ самому себѣ Шмурыгинъ,—зачѣмъ бы этому фрукту торчать здѣсь безъ дѣла и любоваться чертъ знаетъ на что. Ясно, что парень ждетъ удобной минуты. чтобы,—онъ не былъ бы репортеромъ, если бы не сказалъ этой фразы,—чтобы покончить всѣ расчеты съ жизнью.

У него ни на минуту не явилось мысли удержать предполагаемаго утопленника отъ самоубійства. Человѣкъ въ немъ спалъ безпробудно. Проснулся репортеръ, настойчивый, любопытный и хладнокровный.

— Можетъ быть, черти унесутъ меня отсюда. Но самъ я ни за что не отойду отъ этого моста. Покажу я имъ, какая у меня дичь бываетъ. Самъ, напишу, видѣлъ. Га! Восторгъ, что такое!!

И онъ, какъ воронъ у падали, сталъ кружиться около моста.

II.

Молодой человѣкъ не замѣчалъ ничего, что дѣлалось вокругъ него.

Репортеръ ясно видѣлъ, какъ онъ, стоя все въ той же позѣ, судорожно цѣплялся пальцами за верхушку перилъ, что-то бормоталъ про себя и, нахмуривъ брови, упорно, сосредоточенно смотрѣлъ на плескавшуюся подъ нимъ влагу.

— Тоже не легко бѣднягѣ рѣшиться,—проснулся на

секунду въ Шмурыгинѣ человѣкъ, но репортеръ внутренно показалъ человѣку кулакъ, и тотъ спрятался.

— И чего тянуть волынку. Не понимаю! — сказалъ репортеръ.

Такъ, въ томительномъ ожиданіи съ одной стороны и бормотаніи, съ нахмуреннымъ страдальческимъ взглядомъ, обращеннымъ на воду— съ другой, прошло полчаса.

Шмурыгину такъ надоѣло нудное ожиданіе, что онъ рѣшилъ помочь событіямъ.

Подойдя къ периламъ и тоже облокотясь на нихъ, Шмурыгинъ, сталъ беззаботно смотрѣть вдаль.

Потомъ покосился на сосѣда и непринужденно сказалъ:

— Каковъ закатецъ-то, а?

— Чтобы чертъ побралъ этотъ закатецъ. Меня бы это вовсе не огорчило!—отвѣтилъ угрюмо молодой человѣкъ.

— Ага! Меланхолія!—торжествующе подумалъ репортеръ.—Тѣмъ лучше!

— Въ сущности говоря, вы правы. Что такое закатъ? И что такое наша жизнь, вообще? Такъ, одни страданія.

Собесѣдникъ промолчалъ, и это ободрило репортера.

— Такъ вотъ, вдумаешься въ жизнь и приходишь къ заключенію: ну, что въ ней хорошаго? И я преклоняюсь передъ тѣми, которые по своей волѣ рвутъ эту сѣрую, скучную нить жизни...

— Идіотская жизнь,—поддержалъ молодой человѣкъ.— Я вотъ цѣлый часъ стою здѣсь и ничего мнѣ не приходитъ въ голову.

— То-есть, вы не рѣшаетесь?

— На что?

Репортеръ смутился.

— Ну, какъ вамъ сказать... Людей съ характеромъ очень мало. Это вѣдь не то, что взять, да и выпить бутылку этой зловонной воды.

— Повѣрьте, что мнѣ легче выпить бутылку этой зловонной воды.

— Еще бы,—сочувственно поддакнулъ репортеръ,—не въ примѣръ легче. А все-таки, если вдуматься, то какой это пустякъ: шагъ за перила, одинъ мигъ — и тебя уже нѣтъ. Прелестно.

III.

Молодой человѣкъ отодвинулся.

— Вы это о чемъ-же?

— Спугнулъ!—подумалъ Шмурыгинъ.

И смущенно продолжалъ:

— Я говорю насчетъ эпидеміи самоубійствъ. Въ наше проклятое время они имѣютъ большой резонъ д'этръ, какъ выражается нашъ передовикъ.

Молодой человѣкъ сочувственно закивалъ головой.

— Ей Богу, вы правы! Да вотъ взять хоть бы меня сейчасъ: въ самую пору внизъ головой съ моста прыгнуть.

— И вы думаете, я буду васъ отговаривать? Нѣтъ. Я очень понимаю, что значитъ, когда нѣтъ выхода. Впрочемъ, простите, я вамъ мѣшаю. Можетъ, мой разговоръ въ такія минуты непріятенъ.

— О, нѣтъ, не безпокойтесь. Я все-равно, сейчасъ ухожу. Пойду въ другое мѣсто, можетъ быть, тамъ что-нибудь выйдетъ.

Репортеръ похолодѣлъ, какъ трупъ, только что вытащенный изъ воды.

— Ради Бога! Куда-же вы? Развѣ здѣсь такъ плохо?

— А развѣ хорошо? Я вотъ уже сколько времени часъ за часомъ безцѣльно трачу здѣсь время. Прощайте!

Репортеръ задрожалъ отъ ужаса.

— Но будто вамъ не все равно! Повѣрьте, жизнь такъ дурна... Каждый лишній часъ, проведенный на этой безсердечной земной корѣ, такое мученье... Тѣмъ болѣе, что нигдѣ по близости нѣтъ ни людей, ни лодокъ... Колоссальное удобство.

Неизвѣстный нахмурился.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю! Что вы говорите? Затѣмъ, это волненіе такъ подозрительно...

Шмурыгинъ покраснѣлъ и потупился.

— Послушайте. Я буду съ вами откровененъ... Вѣдь вы меня не обманете! Я прекрасно понялъ, что вы собираетесь топиться. Ну, хотите топиться—Христосъ съ вами—топитесь. Идея не глупая. Но какого черта вамъ искать другого мѣста. Чѣмъ здѣсь, спрашивается, плохо? Мѣсто пустынное, вода глубокая—превосходно! Фюить! Какъ камень. А тащиться куда-то, гдѣ васъ всегда могутъ вытащить, это,—простите,—даже глупо.

IV.

Молодой человѣкъ выслушалъ горячую рѣчь репортера, сосредоточенно думая о чемъ-то другомъ.

— Вы знаете, я, кажется, долженъ быть вамъ очень благодаренъ... Но, скажите откровенно, для чего вамъ понадобилось, чтобы я утонулъ, именно, здѣсь?

— Хотѣлъ лично видѣть все это.

Неизвѣстный покачалъ головой.

— Жестокое, безсмысленное любопытство!

Репортеръ ударилъ себя ладонью въ грудь.

— Жестокое? Безсмысленное? Ошибаетесь! Я думалъ, что имѣю дѣло съ умнымъ человѣкомъ. Вѣдь, поймите, вамъ рѣшительно все равно, а я, въ качествѣ репортера, заработаю на этомъ дѣлѣ. Вы не можете представить, въ какой цѣнѣ очевидцы.

Веселое выраженіе появилось на лицѣ незнакомца.

— А-а!.. Позвольте пожать вамъ руку. Не зная того сами, вы оказали мнѣ большую услугу!

— Боже мой! Какую?

— Вы мнѣ дали тему для разсказа.

— Чертъ возьми! А... топиться?—разочарованно воскликнулъ Шмурыгинъ.

— Да съ чего вы взяли, дубовая голова, что я хочу прыгнуть въ воду? Просто я стоялъ на мѣстѣ, гдѣ мнѣ никто не мѣшалъ, и хотѣлъ выжать тему для новаго фельетона. Иногда мысль совершенно не работаетъ. А вы мнѣ дали прекрасный сюжетъ. Хе-хе. Всего хорошаго—побѣгу писать.

Какъ пришибленный, поплелся репортеръ за фельетонистомъ.

И въ мозгу зашевелились мысли:

— Хорошо, если бы вѣтромъ занесло сюда на Фонтанку какой-нибудь воздушный шаръ... Чтобъ въ лепешку шмякнулись, голубчики! Или, чтобы тотъ, идущій рабочій, поскользнулся, и въ карманѣ у него разорвалась бомба. Жаль только, прохожихъ мало—жертвъ почти не будетъ...

Человѣкъ въ немъ спалъ.

СПЛЕТНЯ.

Контролеръ чайно-разсыпочнаго отдѣленія Ѳедоръ Ивановичъ Аквинскій шелъ въ купальню, находящуюся въ двухъ верстахъ отъ нанимаемой имъ собачьей будки, которую только разгоряченная фантазія владѣльца могла считать «дачей»...

Войдя въ купальню, Аквинскій быстро раздѣлся, и, вздрагивая отъ мягкаго утренняго холодка, осторожно спустился по ветхой, шаткой лѣсенкѣ къ водѣ. Солнце свѣтлое, только что омытое предразсвѣтной росой, бросало слабые теплые блики на тихую, какъ зеркало, воду.

Какая-то не совсѣмъ проснувшаяся мошка, очертя голову, взлетѣла надъ самой водой и, едва коснувшись ея крыломъ, вызвала медленные, лѣнивые круги, тихо расплывшіеся по поверхности.

Аквинскій попробовалъ голой ногой температуру воды и отдернулъ, будто обжегшись. Купался онъ каждый день и каждый-же день по полчаса собирался съ духомъ, не рѣшаясь броситься въ холодную, прозрачную влагу...

И только что онъ затаилъ дыханіе и вытянулъ руки, чтобы нелѣпо, по-лягушечьи прыгнуть, какъ въ сторонѣ женской купальни послышались всплески воды и чья-то возня.

Аквинскій остановился и посмотрѣлъ налѣво.

Изъ-за сѣрой, позеленѣвшей внизу отъ воды, перегородки показалась сначала женская рука, потомъ голова и, наконецъ, выплыла полная рослая блондинка въ голу-

бомъ купальномъ костюмѣ. Ея красивое бѣлое лицо отъ холода порозовѣло, и когда она сильно, по-мужески, взмахивала рукой, то изъ воды отчетливо показывалась высокая пышная грудь, чуть прикрытая голубой матеріей.

Аквинскій, смотря на нее, почему-то вздохнулъ, потрепалъ голой рукой съѣденную молью бородку и сказалъ самъ себѣ:

— Это жена нашего члена таможни купается. Ишь ты, какой костюмъ! Читалъ я, что заграницей, въ какой-то тамъ Ривьерѣ, и женщины, и мужчины купаются вмѣстѣ... Ну, и штука!

Когда онъ, выкупавшись, натягивалъ на тощія ноги панталоны, то подумалъ:

— Ну, хорошо... скажемъ, купаются вмѣстѣ... а раздѣваться какъ-же? Значитъ, все-таки, какъ ни вертись, нужно два помѣщенія. Выдумаютъ тоже!

Придя на службу въ таможню, онъ, послѣ обычной возни въ пакгаузѣ, сѣлъ на ящикъ изъ-подъ чаю и, спросивъ у коллеги Ниткина папиросу, съ наслажденіемъ затянулся скверным дешевымъ дымомъ...

— Купался я сегодня, Ниткинъ, утромъ и смотрю— изъ женской купальни наша членша Тарасиха выплываетъ... Ну, думаю, увидитъ меня, да мужу скажетъ... Смѣхъ! Ужъ очень близко было. А вотъ за границей, въ Ривьерѣ, говорятъ, мужчины и бабы вмѣстѣ купаются... Гы!.. Туда-то бы поѣхать.

Когда, черезъ полчаса послѣ этого разговора, Ниткинъ пилъ въ архивѣ съ канцеляристами водку, то, накладывая на ломоть хлѣба кусокъ ветчины, сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Вотъ штука! Аквинскій сегодня съ женой нашего члена Тарасова въ рѣкѣ купался... Говоритъ, что въ какой-то тамъ Ривьерѣ всѣ вмѣстѣ — и мужчины и женщины купаются. Говоритъ—поѣду въ Ривьеру. Поѣдешь, какъ-же... На это деньги надо, голубчикъ!

— Отчего-же!—вмѣшался пакгаузный Нибелунговъ.- У него тетка, говорятъ, богатая, можетъ у тетки взять...

Послышались шаги секретаря, и вся закусывающая компанія, какъ мыши, разбѣжалась въ разныя стороны.

А за обѣдомъ, экспедиторъ Портупеевъ, наливая борщъ въ тарелку, говорилъ женѣ, маленькой, сухенькой женщинѣ съ колючими глазками и синими жилистыми руками:

— Вотъ дѣла-то какія, Петровна, у насъ въ таможнѣ!.. Аквинскій, чтобъ ему пусто было, собрался къ черту на кулички въ Ривьеру ѣхать и Тарасова жену съ собой сманилъ... Деньги у тетки беретъ! А Тарасиха съ нимъ вмѣстѣ сегодня купалась и разсказывала ему, что заграницей такъ принято... Хе-хе!

— Ахъ, безстыдники! — застѣнчиво потупилась Петровна.—Ну, и ѣзжали бы себѣ подальше, а то—на-ко здѣсь развратъ заводитъ! Только куда ему съ ней... Она баба здоровая, а онъ такъ—тьфу!

На другой день, когда горничная Тарасовыхъ, жившихъ недалеко отъ Портупеевыхъ, пришла къ Петровнѣ просить по-сосѣдски утюги для барыниныхъ юбокъ, душа госпожи Портупеевой не выдержала:

— Это что-же, для Ривьеры глаженныя юбки понадобились?

— Ахъ, что вы! Слова такія!..—усмѣхнулась, стрѣльнувъ глазами, горничная, истолковавшая фразу Петровны совершенно невѣдомымъ образомъ.

— Ну, да! небось, тебѣ-то, да не знать...

Она скорбно помолчала.

— Эхъ-ма, дурость бабья наша... И чего нашла она въ немъ?

Горничная, все-таки не понимавшая въ чемъ дѣло, вытаращила глаза...

— Да, ваша Марья Григорьевна — хороша, нечего сказать!.. Съ пакгаузной крысой Аквинскимъ снюхалась! Хорошъ любовничекъ! Да-съ. Сговорились въ какую-то дурацкую Ривьеру, на купанье бѣжать и деньги у тетки

онъ достать посулился... Достанетъ, какъ же! Скрадетъ у тетки деньги, вотъ и все!

Горничная всплеснула руками.

— Да правда ли это, Анисья Петровна!

— Врать тебѣ буду. Весь городъ шуршитъ объ этомъ.

— Ахъ, ужасти!

Горничная опрометью, позабывъ объ утюгахъ, бросилась домой и на порогѣ кухни столкнулась съ самимъ членомъ таможни, который безъ сюртука и жилета несъ въ стаканчикѣ воду для канарейки.

— Что съ вами, Миликтриса Кирбитьевна? — прищуривъ глаза и взявъ горничную за пухлый локоть, пропѣлъ Тарасовъ, — Вы такъ летите, будто спасаетесь отъ привидѣній вашихъ погубленныхъ поклонниковъ...

— Оставьте! — огрызнулась горничная, не особенно церемонившаяся во время этихъ случайныхъ tête-a-tête. — Вѣчно вы проходу не дадите!.. Лучше бы за барыней смотрѣли покрѣпче, чѣмъ руками...

Пухлое, невозмутимое лицо члена таможни пріобрѣло сразу совсѣмъ другое выраженіе.

Господинъ Тарасовъ принадлежалъ къ тому общеизвѣстному типу мужей, которые не пропустятъ ни одной хорошенькой, чтобы не ущипнуть ее, зѣвая—въ то же время въ обществѣ жены до вывиха челюстей, и стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ замѣнить домашній очагъ неизбѣжнымъ винтомъ или chemin de fer'омъ.

Но учуявъ какой-нибудь намекъ на супружескую невѣрность жены, эти кроткіе, безобидные люди превращаются въ Отелло, съ тѣми особенностями и отклоненіями отъ этого типа, которыя налагаются пыльными канцеляріями и присутственными мѣстами.

Тарасовъ выронилъ стаканчикъ съ водой и опять схватилъ горничную за локоть, но уже другимъ образомъ.

— Что? Что ты говоришь, п-подлая? Повтори-ка!!?

Испуганная этимъ неожиданнымъ превращеніемъ

члена таможни, горничная слезливо заморгала глазами и потупилась:

— Баринъ, Павелъ Ефимовичъ, вотъ вамъ крестъ, я тутъ не при чемъ! Мое дѣло сторона! А какъ весь городъ уже говоритъ, то чтобъ послѣ на меня чего не было... Скажутъ—ты помогала! А я какъ передъ Господомъ!..

Тарасовъ выпилъ воды изъ кувшина, стоявшаго на столѣ, и, потупивъ голову, сказалъ:

— Разсказывай: съ кѣмъ и когда?..

Горничная почуяла подъ собой почву.

— Да все съ этимъ-же... трухлявымъ! Ѳедоромъ Ивановичемъ... что въ прошломъ году раковъ вамъ въ подарокъ принесъ... Вотъ тебѣ и раки! И какъ они это ловко... Уже все и уговорено: онъ у тетки деньги изъ комода скрадетъ — тетка евонная богатая, — и вмѣстѣ купаться поѣдутъ въ Ривьеру, куда-то... Срамъ-то, срамъ какой! Надо думать, завтра съ вечернимъ поѣздомъ и двинутъ, голубчики!..

Сидя за покосившимся столикомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей собачьей будки, контролеръ чайно-разсыпочнаго отдѣленія Аквинскій что-то писалъ, склонивъ на бокъ голову и любовно выводя каждое слово.

Дерево, подъ которымъ стоялъ столикъ, иронически помахивало пыльными вѣтвями, и пятна свѣта скользили по столику, бумагѣ и сѣрой головѣ Аквинскаго.. Бородка его, какъ будто приклеенная, шевелилась отъ вѣтра, и общій видъ казался измученнымъ и вялымъ.

Похоже было, что кто-то, по небрежности, забылъ пересыпать никому не нужную вещь — Аквинскаго — нафталиномъ и сложить на лѣто въ сундукъ... Моль и поѣла Аквинскаго.

Онъ писалъ:

«Милая тетенька! Осмѣлюсь васъ увѣдомить, что я нахожусь въ полнѣйшемъ недоумѣніи... За что-же? Я васъ

спрашиваю. Впрочемъ, вотъ передаю, какъ было дѣло... Вчера досмотрщикъ Сычевой сказалъ, подойдя къ моему столику, что меня требуютъ членъ таможни господинъ Тарасовъ, тотъ самый, которому я въ прошломъ году отъ усердія поднесъ сотню раковъ. Я пошелъ, ничего не думая, и, вообразите, онъ наговорилъ мнѣ столько странныхъ и ужасныхъ вещей, что я ничего не понялъ... Сначала говоритъ: «Вы», говоритъ, «Аквинскій, кажется, въ Ривьеру собираетесь?»—«Никакъ нѣтъ», отвѣчаю... А онъ какъ закричитъ: «Такъ вотъ какъ!!! Не лгите! Вы», говоритъ, «попрали самые священные законы естества и супружества! Вы устои колеблете!! Вы ворвались въ нормальный очагъ и произвели водоворотъ, въ которомъ — предупреждаю — вы же и захлебнетесь!! Ужасно эти ученые люди туманно говорятъ... Потомъ и про васъ, тетенька... «Вы», говоритъ, «вашу тетку порѣшили ограбить... вашу старую тетку, а это стыдно! безнравственно!!» Откуда онъ могъ узнать, что я уже второй мѣсяцъ не посылаю вамъ обычныхъ десяти рублей на содержаніе? Какъ я уже Вамъ объяснялъ—это произошло потому, что я заплатилъ за дачу впередъ на все лѣто. Завтра я постараюсь выслать вамъ сразу за два мѣсяца. Но все-таки — не понимаю. Обидно! Вотъ я теперь уволенъ со службы... А за что? какіе-то устои, водоворотъ... Насчетъ же семейной жизни, что онъ говорилъ, такъ это совсѣмъ непостижимо! Какъ вамъ извѣстно, тетенька,—я не женатъ»...

ДУРАКЪ.

Раку приходится сталкиваться съ человѣческимъ характеромъ тогда, когда его бросаютъ въ кипятокъ. И онъ краснѣетъ... краснѣетъ за людей.

Теперь, когда я смотрю на его худую нескладную фигуру, блѣдно-желтые усы и жалкую улыбку человѣка, ожидающаго неизвѣстно откуда пинка, мнѣ хочется и смѣяться и плакать, прижавши къ своей груди эту пустую взлохмаченную голову, такую смѣшную.

Когда я впервые вводилъ его въ нашу компанію, всѣ были уже предупреждены.

— Познакомьтесь.

— Графъ Каліостро,—гордо представился одинъ.

— Баронъ Мюнгаузенъ!

— Виконтъ Подходцевъ.

Дуракъ смотрѣлъ на всѣхъ восторженно недоумѣвающими глазами, будучи, очевидно, сильно польщенъ пребываніемъ въ такой титулованной компаніи.

— Повѣрьте, господа...—началъ онъ, не зная куда дѣвать завернутую въ бумагу сотню живыхъ раковъ и ноты, которыя онъ держалъ въ рукахъ.

Я освободилъ его отъ свертковъ и пригласилъ сѣсть.

Опредѣленнаго плана мы не имѣли, но «виконтъ» Подходцевъ нашелся:

— Что у васъ въ бумагѣ?

— Раки. Иду это я и думаю—дай куплю раковъ!

Такъ и купилъ.

— Гм!.. Такъ и купили? Можно посмотрѣть?

Подходцевъ сдѣлалъ въ свертк‍ѣ отверстіе и вынулъ одного рака.

— Здорово сдѣланъ! — похвалилъ онъ, держа рака двумя пальцами передъ лампой.

Дуракъ растерялся.

— Какъ... сдѣланъ? Да онъ, представьте, живой!

Подходцевъ обидчиво усмѣхнулся.

— Шутить изволите-съ? Не ребенокъ же я, чтобы не отличить живого рака отъ механическаго Помоему, это нюренбергская работа...

Дуракъ нагнулся и снизу посмотрѣлъ въ глаза говорившему, желая отыскать въ нихъ тѣнь улыбки.

Однако Подходцевъ былъ невозмутимъ, сохраняя въ лицѣ выраженіе оскорбленнаго человѣка.

— Неужели вы... серьезно?—сконфуженно пробормоталъ Дуракъ.

— Я серьезенъ, но серьезны ли вы, сударь!!—вскричалъ Подходцевъ, багровѣя.—Окончивши два съ половиной факультета, я дурачить себя не позволю! Вѣдь всѣмъ извѣстно, что настоящіе раки бываютъ красные!

Тяжелая неповоротливая мысль Дурака усмотрѣла гдѣ-то вдали проблескъ выхода изъ этого страннаго, нелѣпаго положенія.

— Нѣтъ, насколько я знаю, раки бываютъ черные!

— Вы слышите, господа!—съ обидчивымъ удивленіемъ обратился къ намъ Подходцевъ.—Сей мужъ имѣетъ смѣлость увѣрять, что раки бываютъ черные! Зачѣмъ же тогда говорятъ: покраснѣлъ, какъ ракъ?..

— Варенный!—тоскливо перебилъ гость.

— Нѣтъ-съ, извините! Ежели какой-либо предметъ хотятъ сравнить съ другимъ, общеизвѣстнымъ, то берутъ для этого его видъ или, въ данномъ случаѣ, цвѣтъ не случайный и рѣдко встрѣчающійся, а тотъ, въ которомъ предметъ чаще всего можно наблюдать въ природѣ. На-

примѣръ, если говорятъ: «онъ прыгнулъ, какъ тигръ»,— то это не значитъ, что онъ прыгнулъ, какъ *жаренный* тигръ!

И, проговоривъ эти странныя слова, Подходцевъ гордо оглядѣлъ компанію.

Мы давились отъ хохота, избѣгая отчаяннаго взгляда Дурака, который озирался, ища хотя въ комъ-нибудь поддержки.

Наконецъ, онъ взялъ злополучнаго рака двумя пальцами и сказалъ боязливо-торжествующе:

— Глядите, онъ движется! Ей Богу, это живой ракъ!

— А вы зачѣмъ же пальцами на брюшко надавливаете?! Ясно, внутри пружина! Знаемъ мы эти штуки.

Мы громко поддержали Подходцева, выражая негодованіе на то, что насъ хотятъ одурачить какимъ-то механическимъ ракомъ, какъ малыхъ ребятъ.

— Такъ сломаемъ его и я вамъ покажу!—въ приливѣ вдохновенія рѣшилъ Дуракъ.

— Зачѣмъ же вещь портить?—нашелся Подходцевъ.— Вѣдь она рубля полтора стоитъ.

Въ порывѣ безысходнаго отчаянія, Дуракъ отвелъ меня въ сторону и тихо спросилъ:

— Послушайте... Неужели, они это серьезно?

— Безъ сомнѣнія! Объясните мнѣ,—участливо прошепталъ я,—гдѣ вы ихъ раздобыли? Не подшутилъ ли кто надъ вами?

Онъ посмотрѣлъ на меня долгимъ взглядомъ.

Никогда послѣ этого мнѣ не случалось встрѣчать человѣка, который былъ бы болѣе увѣренъ въ своей правотѣ и менѣе всего могъ бы доказать ее. Что за тяжелый, кошмарный мозгъ лежалъ подъ этой толстой мозговой коробкой...

Дуракъ молча взялъ изъ рукъ Подходцева рака и, положивъ обратно въ бумагу, отошелъ къ окну.

Лица его, обращеннаго къ темнымъ заплаканнымъ отъ дождя стекламъ, я не видѣлъ, но согнутая спина и

руки, которыми онъ усиленно теръ виски, давали такое впечатлѣніе напряженнаго раздумья и тоски, что я, желая развеселить его, принялъ на себя роль любезнаго хозяина и повлекъ всю компанію къ столу.

За ужиномъ разговоръ принялъ мрачный, зловѣщій оттѣнокъ. Присутствіе Дурака вдохновляло самыхъ неразговорчивыхъ.

— Скажите, графъ,—неожиданно обратился Подходцевъ къ одному юношѣ, — въ какомъ положеніи ваше дѣло о кражѣ пальто изъ передней клуба?

Графъ ухмыльнулся.

— Придется сидѣть, чертъ ихъ дери. Изъ-за какого-то пальто, а? И вѣдь, представьте, почти совсѣмъ удралъ— около Биржи нагнали.

Толстый Клинковъ обратился къ удивленному Дураку и благодушно сказалъ:

— Ненавижу я эту мелкую работу... Ну, что такое пальто? Каждое дѣло должно быть цементировано кровью. Помнишь, виконтъ, какъ мы тогда эту старуху ловко ухлопали. Одними бумажками девять тысячъ, не считая золота!

Дуракъ, съ расширенными до послѣднихъ предѣловъ глазами, сидѣлъ безъ единаго звука, и кусокъ ветчины, который онъ держалъ на вилкѣ, такъ и застылъ въ воздухѣ.

— Конечно,—пожалъ плечами Подходцевъ, — но въ каждомъ такомъ дѣлѣ нужна логика. Что можетъ быть глупѣе, напримѣръ, случая, съ барономъ, когда онъ, чтобы сократить въ пріемной доктора очередь, отравилъ воду, которую пили больные, пришедшіе раньше его? Или когда онъ поджегъ дѣтскій пріютъ, чтобы ему, пьяному, при освѣщеніи было легче найти номеръ своего дома. Все это не забавно и безполезно.

Дуракъ сидѣлъ, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ, и тщетно пробовалъ разжевать пробку отъ горчицы, которую кто-то потихоньку вздѣлъ ему на вилку, вмѣсто колбасы. Крупныя капли пота блестѣли на его лбу, и весь

онъ напоминалъ большую кошку, которую шутники окунули въ воду.

Опомнился Дуракъ только тогда, когда всѣ, вставая, задвигали стульями. Съ трудомъ ворочая своимъ суконнымъ языкомъ, онъ поблагодарилъ меня за гостепріимство, но выразилъ твердое желаніе отправиться домой.

— И не думайте!—радушно воскликнулъ я.—Мы еще выпьемъ кофе, поболтаемъ... Не правда ли, многимъ есть, что разсказать? Жаль, нѣтъ сейчасъ самаго интереснаго человѣка—сидитъ въ централкѣ за маленькое убійство...

Но Дуракъ былъ уже въ пальто, обнявъ руками своихъ раковъ и громадный свертокъ нотъ.

Когда онъ прощался со всѣми, угрюмо смотря куда-то въ сторону, Подходцевъ не утерпѣлъ и разсыпался передъ нимъ въ извиненіяхъ.

— Вы знаете, я относительно рака-то ошибся... я, вообразите, полагалъ, что онъ нюренбергской работы, а ужъ послѣ разглядѣлъ на клешнѣ фабричную марку: «И. Павловъ. Тула». Кустарная работа оказывается.

Дуракъ молча вышелъ, и мы, отъ нечего дѣлать, стали слѣдить за нимъ въ окно.

Смѣшная, нелѣпая фигура перешла пустынную улицу и торопливо приблизилась къ фонарю.

Дуракъ раскрылъ зонтикъ, сложилъ подъ него ноты, порылся въ сверткѣ раковъ и, вынувъ одного изъ нихъ, близко поднесъ его къ фонарю.

Лицо нашего гостя выражало напряженное любопытство и нетерпѣніе. Фонарь подмигивалъ и, качая пламенемъ, подсмѣивался надъ Дуракомъ, который внимательно осмотрѣлъ рака и, оторвавши хвостъ, сталъ,—по одной—отламывать клешни и лапы.

И лицо его все болѣе прояснялось.

Когда отъ всего рака осталась только спинка, онъ отбросилъ ее отъ себя, бодро выпрямился, покачалъ кому то укоризненно головой, забралъ свои свертки, и—сплошная сѣтка дождя быстро затушевала его фигуру.

Дождь ли былъ тому причиной,—но скука охватила всю компанію. Мы быстро пожали другъ другу руки и разошлись, каждый въ свою сторону. Одинъ я, выйдя изъ дому, пошелъ безъ всякой цѣли.

На спинѣ ощущалось холодное прикосновеніе дождевыхъ капель, какъ чьихъ-то равнодушныхъ слезъ.

Дождь ли былъ тому причиной, но мнѣ была противна и слякоть, рыдавшая подъ досками стараго деревяннаго тротуара, и мракъ, и противнѣе всего былъ мнѣ я самъ.

ИЗМѢНА.

Мѣняла Вилкинъ заперъ свою лавченку, которая среди его знакомыхъ носила громкое названіе банкирской конторы, и, подергавъ замокъ, сказалъ самъ себѣ:

— Сегодня я въ «Черный лебедь» не пойду. Ну, его! Каждый день— надоѣло. Не все же дома оставлять молодую жену безъ мужа. Хе-хе!

Подходя къ дому, онъ обратилъ вниманіе на то, что въ окнѣ спальни жены свѣта не было.

— Неужели, спитъ? Странно!

Все происшедшее дальше—было такъ обычно, что противно разсказывать.

Конечно, онъ прошелъ черезъ незапертую дверь чернаго хода въ столовую, оттуда въ спальню и, конечно, увидѣлъ жену не одну, а съ какимъ-то молодымъ господиномъ, который, по ближайшемъ размотрѣніи, оказался знакомымъ Вилкина — Грохотовымъ. Конечно, для мѣнялы все это было очень неожиданно, но читающую публику такія вещи должны утомлять. Объ этомъ такъ часто писали и еще чаще это дѣлали.

Профессія мѣнялы—очень рѣдкая профессія и только, можетъ быть, именно, поэтому, развязка навязшей всѣмъ въ зубахъ исторіи о явившемся неожиданно домой мужѣ, который застаетъ жену съ другомъ дома,—получила нѣсколько оригинальную, чуждую шаблона, окраску.

Замѣтивъ, что костюмъ Грохотова измѣнилъ свое обычное мѣстопребываніе и, вмѣсто того, чтобы покоиться на плечахъ и ногахъ владѣльца, безпомощно висѣлъ на

стулѣ, Вилкинъ всплеснулъ руками и вскричалъ злобно-торжествующе:

— Ага, голубчики! Попались... Нѣтъ, не пытайтесь отпираться...

Грохотовъ сѣлъ на кровати и, зѣвая, хладнокровно сказалъ:

— Вотъ дуракъ старый! Никто и не думаетъ отпираться. Подумаешь, тоже.

Вилкинъ сдѣлалъ грозное лицо, но втайнѣ почувствовалъ, что теряетъ подъ собой почву.

Все вышло какъ-то не по настоящему: жена не упала передъ нимъ на колѣни, съ мольбой о пощадѣ, и любовникъ, вмѣсто того, чтобы спасаться бѣгствомъ, сидѣлъ, зѣвая, на его супружескомъ ложѣ и равнодушно болталъ босыми ногами.

— Да какъ вы смѣете?!

— Что такое?

— Позоръ!.. Съ чужой женой, въ квартирѣ, за которую платитъ ея мужъ...

— У васъ со своими дровами квартирка? — съ явной насмѣшкой спросилъ Грохотовъ.

Вилкинъ метался по комнатѣ, скрежеща зубами отъ злобы, и мучительно старался вспомнить, какъ, вообще, поступаютъ мужья въ такихъ случаяхъ...

Нечаянно онъ нащупалъ въ карманѣ пальто револьверъ, который всегда носилъ отъ жуликовъ, и, выхвативъ его, осѣненный непоколебимымъ рѣшеніемъ вскричалъ:

— На колѣни, несчастный!! Молись, пока не поздно! Даю тебѣ минуту сроку!!

— Не строй дурака!—уже сердито рявкнулъ Грохотовъ и, вскочивъ съ кровати, бросился къ несчастному мужу.

Онъ ловко поймалъ его за руку, державшую револьверъ, и между ними завязалась недолгая борьба, на которую хорошенькая Вилкина смотрѣла, приподнявшись съ подушекъ, съ плохо скрытымъ любопытствомъ и удовольствіемъ...

Черезъ минуту атлетически сложенный Грохотовъ подмялъ подъ себя тщедушнаго Вилкина, отнялъ у него револьверъ и, вставая, неизвѣстно для чего пребольно ударилъ его три раза сзади въ спину, затылокъ и въ оба уха.

— А, такъ ты... драться!! Вотъ я сейчасъ кликну дворниковъ—они тебѣ покажутъ!

Поправляя дрожащей рукой оторванный галстукъ, Вилкинъ въ безсильномъ бѣшенствѣ двинулся къ дверямъ, но Грохотовъ предупредилъ его.

— Э, нѣтъ милый. Ты еще, въ самомъ дѣлѣ, сдуру накличешь дворниковъ — вѣдь я твою подлую натуришку знаю! Никуда я тебя не выпущу.

Повернувъ ключъ въ дверяхъ, Грохотовъ выдернулъ его и крѣпко зажалъ въ кулакѣ.

Вилкинъ постоялъ у запертыхъ дверей, потомъ обернулся и сдавленно прошипѣлъ:

— Убирайтесь отсюда!

— Да, надо будетъ, ничего не подѣлаешь. Кстати, мнѣ и пора... Вилкинъ, который часъ?

Вилкинъ хотѣлъ сказать что-то очень обидное для Грохотова, но, покосившись на дверной ключъ, зажатый въ могучій кулакъ его бывшаго пріятеля, только заскрипѣлъ зубами и, нервно выдернувши часы, поднесъ къ глазамъ:

— Пять минутъ десятаго.

— Ого! Время-то какъ летитъ... Надо собираться.

Грохотовъ собралъ разбросанныя части своего туалета и сталъ неторопливо одѣваться.

Вилкинъ, не говоря ни слова, ходилъ изъ угла въ уголъ, сопровождаемый молчаливымъ взглядомъ жены, ходилъ, пока Грохотовъ не сказалъ досадливо:

— Не мотайся ты, ради Бога, передъ глазами. Мѣшаешь только. Сядь вонъ тамъ въ углу на диванъ и сиди...

Послѣ возбужденнаго состоянія духа, у мѣнялы на-

ступила полная реакція... Чувствуя въ спинѣ и затылкѣ сильную ноющую боль, онъ вздохнулъ и, потоптавшись на мѣстѣ, съ наружно независимымъ видомъ исполнилъ желаніе своего мучителя.

Сѣлъ на диванъ, закурилъ папиросу и сталъ уныло слѣдить за туалетомъ Грохотова.

— Ну, вотъ... Ахъ ты, Господи! Проклятые воротнички! Прачка ихъ крахмалитъ ссвсѣмъ, какъ дерево... Ого! А гдѣ же это запонка? Выскочила, анаѳемская... Вилкинъ, ты не видалъ моей запонки?

— Отстаньте вы отъ меня съ вашей запонкой,—угрюмо проворчалъ Вилкинъ.

— Чудакъ-человѣкъ! Какъ же я одѣнусь безъ запонки?!

— На полъ обронили, навѣрно! Тоже кавалеры, подумаешь...

Вилкинъ горько усмѣхнулся.

— Однако, ты, Вилкинъ, не очень-то... У меня характеръ, самъ знаешь, тяжелый... Ты, можетъ, поискалъ бы ее, мой блѣднолицый братъ, а?

— Можете сами.

— Н-но?!

Вилкинъ въ отчаяніи схватился руками за голову и застоналъ:

— Навязались вы на мою голову!!

Впрочемъ, тутъ же опустился на колѣни и сталъ шарить руками по полу.

Жена, свѣсившись съ постели, указала ему рукой:

— Посмотри подъ комодомъ... Не тамъ... дальше, лѣвѣе... Охъ, какой ты безтолковый!

— Вотъ!

Вилкинъ, торжествующій, поднялъ запонку и, отирая съ лица потъ, протянулъ Грохотову.

— Скажите мнѣ спасибо! Если бы не я—ни за что не нашли бы.

— Молодецъ, Вилкинъ. Старайся.

По мѣрѣ того, какъ Вилкинъ морально слабѣлъ и

опускался, Грохотовъ все наглѣлъ, командуя Вилкинымъ, безъ зазрѣнія совѣсти...

Онъ одѣлся, поцѣловалъ галантно у madame Вилкиной руку, а мужу сказалъ фамильярно:

— Возьми, Ножиковъ, свѣчу и выпусти меня въ парадную дверь.

Мѣняла зажегъ свѣчу, сумрачно ворча:

— Ножиковъ! Будто не знаетъ, что моя фамилія—Вилкинъ.

— Хорошо, хорошо! Назову тебя хоть цѣлымъ Сервизовымъ—только проводи меня.

Въ передней Грохотовъ потребовалъ, чтобы мѣняла подалъ ему пальто, а когда мѣняла выпускалъ Грохотова въ дверь, тотъ дружескимъ жестомъ протянулъ ему руку. Вилкинъ, растерявшись, хотѣлъ пожать ее, но, вмѣсто пожатія, ощутилъ въ своей рукѣ какой-то предметъ.

Затворивши дверь, онъ разжалъ кулакъ и увидѣлъ на ладони потертый двугривенный...

Отъ обиды даже слюна во рту у него сдѣлалась горькой. Онъ погрозилъ въ пространство кулакомъ, опустилъ монету въ карманъ и, пройдя въ спальню, гдѣ жена уже спала, посмотрѣлъ на нее искоса и сталъ потихоньку раздѣваться.

ЖАЛКОЕ СУЩЕСТВО.

Мы столкнулись съ ней на поворотѣ улицы, и первыя слова ея были:

— Удивительно! Вы въ Петербургѣ?

— Я въ этомъ увѣренъ, и доказательствомъ служитъ то, что будь я въ Кіевѣ или Одессѣ, вамъ сейчасъ было бы трудно задать этотъ вопросъ.

— Какой вы смѣшной! Проводите меня.

Мы пошли рядомъ, разговаривая. Пройдя сотню шаговъ, я замѣтилъ, что моя спутница все время тревожно оглядывалась на мостовую.

— Что съ вами, Вѣрочка?

— Прежде всего не Вѣрочка, а Вѣра Валентиновна...

— Да что вы! Я давно это подозрѣвалъ...

— То есть, что—«это»?

— Такъ, вообще... Жизнь наша—цѣпь случайностей! А, скажите, что васъ такъ притягиваетъ къ этой мостовой?

— Онъ везетъ ее за мной.

— Кто онъ?

- Онъ, извозчикъ.

— Чего же вы идете, а она ѣдетъ?

— Вы что-то путаете... Она—это лампа.

— Чортъ возьми! Я думалъ—пріятельница.

— У васъ вѣчно на умѣ пріятельницы... Просто я устраиваю себѣ столовую и, вотъ, купила лампу. Зайду въ два-три магазина и домой...

— Но почему же вы не можете оторвать глазъ отъ извозчика? Онъ кажется мнѣ парнемъ не въ вашемъ духѣ...

— Я боюсь, что онъ удеретъ!

— Такъ вы бы замѣтили номеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Надо будетъ это сдѣлать. Зайдемъ сейчасъ только въ этотъ магазинъ.

Мы вошли въ оружейный магазинъ.

Я сѣлъ поодаль и сталъ наблюдать это милое, нелѣпое существо, такое безпомощное въ обыденной жизни...

Діалогъ между Вѣрочкой и приказчикомъ былъ, приблизительно, слѣдующій:

— Здравствуйте. Есть у васъ этотъ, гм... порохъ?

— Порохъ? Есть, сударыня. Вамъ какой прикажете?

— Такой... обыкновенный. Пять фунтовъ.

Приказчикъ сталъ заворачивать пакетъ и, смотря въ окно, сказалъ:

— Охота въ этомъ году неудачная... Дожди.

— Неужели? Терпѣть не могу охоты. Ненавижу дожди.

Приказчикъ вѣжливо ухмыльнулся и замѣтилъ:

— Но вашъ супругъ, вѣроятно, страстный охотникъ... Потому что такой запасъ пороха...

Вѣрочка расхохоталась.

— Какой вы смѣшной! Откуда вы взяли, что у меня есть мужъ? Просто я покупаю порохъ для столовой.

Приказчикъ очень удивился.

— Для... столовой?

— Ну да. Я купила столовую лампу и тамъ наверху есть такой шаръ, въ который насыпается порохъ для вѣса. Скажите, пять фунтовъ достаточно?

— Сударыня!! Вамъ, вѣроятно, нужно дроби?!

— Ну, дроби.

Приказчикъ, въ изумленіи, искалъ моего взгляда, но я отвернулся.

Мы вышли изъ магазина, я — навьюченный дробью, она—веселая, жизнерадостная, съ какой-то картонкой въ рукѣ.

— Вы знаете, что было бы, если бы приказчикъ далъ вамъ для лампы порохъ?

Мой зловѣщій тонъ испугалъ ее.

— А что? Оно бы загорѣлось?

— «Оно» взорвало бы весь домъ на воздухъ.

— Что вы говорите! Какой ужасъ! А дробь опасна?

Я пожалъ плечами.

— Въ вашихъ рукахъ—пожалуй.

Когда мы подошли къ дому, она пригласила меня зайти отдохнуть. Мы втащили въ столовую лампу, дробь, и Вѣрочка сейчасъ же захлопотала.

Энергія у нея была изумительная.

— Марья! Дай гвоздь, принеси керосину, спичекъ и скамеечку. А вы сядьте пока тамъ въ углу и не мѣшайте мнѣ. Я это сдѣлаю въ двѣ минуты.

Такъ какъ столъ былъ уже накрытъ, то она отодвинула приборы, поставила скамеечку, и съ гвоздемъ потянулась къ потолку.

— Чѣмъ же я его забью? Молотка у насъ, кажется, нѣтъ...

Она попробовала спичечной коробкой. Спички разсыпались и коробка сломалась. Она подумала, бросила коробку и взяла со стола чайный стаканъ. При столкновеніи съ гвоздемъ, онъ разлетѣлся въ дребезги, и Вѣрочка, улыбаясь сквозь слезы, стала сосать обрѣзанную руку. Пущенные послѣдовательно въ дѣло ножъ, вилка и разливательная ложка встрѣтили со стороны коренастаго гвоздя самое тупое, рѣшительное сопротивленіе.

Наконецъ, въ дѣло вмѣшалось тяжелое, солидное пресспанье. Оно исполнило возложенную на него миссію удовлетворительно, хотя съ большимъ ущербомъ для себя, потолка, гвоздя и пальцевъ хозяйки. Послѣ этого, лампа безъ суда и слѣдствія, была торжественно повѣшена.

— Какъ вы думаете, крѣпко держится?

Я высказалъ предположеніе, что ходьба по полу

верхняго этажа можетъ довести лампу до самаго легкомысленнаго паденія.

— Неужели? Марья! Пойди скажи, чтобы наверху поменьше ходили.

— Вы лучше попросите ихъ съѣхать съ квартиры, — посовѣтовалъ я.

Она подумала.

— Нѣтъ, знаете... это неудобно.

— Отчего, неудобно? Если вы предложите имъ выборъ между тѣмъ, чтобы сгорѣть заживо или разстаться съ квартирой—я увѣренъ, они выберутъ второе.

— Нѣтъ, пустяки. Ничего не случится... виситъ же она уже пять минутъ, и ничего. Теперь только налить керосину, зажечь, и мы можемъ обѣдать.

Она взяла со стола бутылку, вылила керосинъ въ резервуаръ и зажгла фитиль.

Фитиль погасъ.

Она поболтала лампой и опять зажгла.

Фитиль опять погасъ.

Были мобилизованы всѣ наличныя силы: я и Марья.

Лампа заявила, что горѣть она не будетъ ни подъ какимъ видомъ.

Мы дули въ нее, выкручивали фитиль, разбирали горѣлку, снова зажигали, а она, подмигнувъ насмѣшливо, сейчасъ же гасла.

— Очевидно, васъ съ лампой надули. Пошлите Марью перемѣнить.

Такъ какъ Вѣрочка изнемогала отъ усталости, то согласилась немедленно.

— Керосинъ только вылью. Марья, дай бутылку!

Потомъ до меня донесся удивленный голосъ Вѣрочки:

— Чудеса! Недавно изъ этой бутылки вылила керосинъ, а она опять полна. Ничего не понимаю.

Заинтересованный, я подошелъ.

— Позвольте, Вѣрочка! Вы не въ ту бутылку льете.

— Много вы понимаете! Та съ уксусомъ. Глупая Марья забыла ее на столѣ.

— Она не съ уксусомъ, а пустая.

Вѣрочка опустила лампу и растерянно посмотрѣла на меня:

— Вы знаете, почему лампа не горѣла?

Я подошелъ къ ней ближе и сказалъ:

— Теперь я знаю. Несчастное существо!.. Куда вы годитесь?!

— Пустите меня! Какъ вы смѣете цѣловаться? Это наглость... Вы непорядочный человѣкъ!

— Кто, я? Негодяй первой степени. Развѣ вы не знали?

— Вы пользуетесь тѣмъ, что я одна!

— Чего же отъ меня и ожидать хорошаго... Конечно, условія воспитанія, полная заброшенность въ дѣтствѣ, фребелевскій методъ обученія...

Она старалась вырваться, но, очевидно, возня съ лампой такъ утомила ее, что голова ея опустилась на мою грудь.

Она посмотрѣла на меня и сказала:

— Какой вы смѣшной!

Потомъ рѣшила, что лучшій выходъ изъ положенія— отвѣтить мнѣ такимъ же сочнымъ поцѣлуемъ.

Бѣдное, безпомощное созданіе!

Это было единственное, что она умѣла дѣлать, какъ слѣдуетъ.

ДРУГЪ.

I.

Душиловъ вскочилъ съ своего мѣста и, схвативъ руку Крошкина, попытался выдернуть ее изъ предплечья.

Онъ былъ бы очень удивленъ, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что эта хирургическая операція имѣла очень мало сходства съ обыкновеннымъ дружескимъ пожатіемъ.

— Крошкинъ, дружище! Кой чертъ тебя дернулъ на это?

Душиловъ помолчалъ и взялъ руку Крошкина на этотъ разъ съ осторожностью, какъ будто дивясь прочности крошкиныхъ связокъ послѣ давешняго рукопожатія.

— Видишь, ты уже раскаиваешься... Вѣдь я эти глупые романы знаю—вотъ какъ! Я какъ будто сейчасъ вижу завязку этой гадости: когда, однажды, никого изъ ближнихъ не было, ты ни съ того, ни съ сего взялъ и поцѣловалъ ее въ физіономію. У нихъ иногда, дѣйствительно, бываютъ такія физіономіи... забавныя. Она, конечно, какъ полагается въ хорошихъ домахъ, повисла у тебя на шеѣ, а ты, вмѣсто того, чтобы стряхнуть ее на полъ,—сдѣлалъ предложеніе... было такъ?

Крошкинъ пожалъ плечами.

— Ужъ очень ты оригинально излагаешь! Впрочемъ, что-то подобное было. Но что подѣлаешь... Глупость совершена—предложеніе сдѣлано.

— Ахъ, ты Господи! Можно все еще исправить. Ты еще можешь разойтись.

— Чортъ возьми! какъ?!

Душиловъ впалъ въ суровое раздумье.

— Не могъ ли бы ты... поколотить ея отца, что-ли!.. Тогда, я полагаю, все бы разстроилось, а?

— То-есть, какъ поколотить? За что?

— Ну... причину можно найти. Явиться не въ своемъ видѣ—прямо къ старику. Ты что молъ, дѣлаешь? Газету читаешь? Такъ вотъ тебѣ газета! Да по головѣ его!

— Послушай... Какъ ты думаешь: можетъ дуракъ хотя иногда чувствовать себя дуракомъ?

— Иногда, пожалуй, — согласился Душиловъ серьезно. — Но сейчасъ я не чувствую въ себѣ припадка особенной глупости: обычное хроническое состояніе. Хотя старика, пожалуй, бить жалко...

— Ну, вотъ видишь! Ахъ, если бы она меня разлюбила! Не нашелъ бы ты человѣка счастливѣе меня!

Душиловъ сдѣлалъ новую попытку вывихнуть руку Крошкина, но тотъ привычнымъ движеніемъ спряталъ ее въ карманъ.

— Другъ Крошкинъ! Хочешь, я это сдѣлаю? Хочешь, она тебя разлюбитъ?

— Можетъ, ты ее собираешься поколотить?

— Фи, что ты! Я только буду имѣть съ ней разговоръ... въ которомъ немного преувеличу твои недостатки, а?

Крошкинъ подумалъ.

— Знаешь, удавъ,—это мысль! Только ты можешь все испортить?! А?

— Кто, я? Будетъ сдѣлано геніально.

— Сумасшедшій, постой! Куда ты?

Боясь, чтобы другъ не раздумалъ, Душиловъ схватилъ шапку, опрокинулъ столикъ, оторвалъ драппировку и исчезъ.

II.

Душиловъ сидѣлъ въ саду съ прехорошенькой блондинкой и велъ съ ней крайне странный разговоръ.

— Итакъ, вы, Душиловъ, чувствуете себя превосходно... я рада за васъ! А что подѣлываетъ Крошкинъ?

— Какой Крошкинъ?

— Ну, вашъ другъ!

— Онъ мнѣ теперь не другъ!

— Что вы говорите! Почему?

— Потому что онъ не Крошкинъ!

— А кто же онъ?

Душиловъ сокрушенно вздохнулъ.

— Человѣкъ, который живетъ по фальшивому паспорту, не можетъ быть моимъ другомъ.

Блондинка поблѣднѣла и открыла широко испуганные глаза.

— Что вы говорите!! Зачѣмъ ему это понадобилось?

— Вы читали въ прошломъ году объ убійствѣ въ Москвѣ стараго ростовщика? Убійца его, студентъ Звѣревъ, до сихъ поръ не найденъ... Теперь вы понимаете!?

— Душиловъ... Вы меня... съ ума сведете.

— Еще бы! Я и самъ хожу теперь, какъ потерянный!

— Боже мой... Такой симпатичный, скромный, непьющій...

Душиловъ развелъ руками.

— Это онъ-то непьющій?! Потомственный почетный алкоголикъ... Вчера онъ у васъ не былъ?

— Не былъ.

— Вчера ночевалъ въ участкѣ. Докторъ говоритъ, что скоро будетъ бѣлая горячка. Погибшій парень!

— Я съ ума сойду! Вѣдь онъ былъ такой добрый... Когда умерла его тетка, онъ пришелъ къ намъ и навзрыдъ плакалъ...

— Комедія! Если бы отрыть тетку и произвести экспертизу внутренностей...

— Господи! Вы думаете...

— Я увѣренъ.

— Ахъ!.. Но каково это его сестрѣ!?

Душиловъ грубо расхохотался.

— Полноте! Вы имѣете наивность думать, что это его сестра!? У нихъ въ Могилевѣ была фабрика фальшивыхъ монетъ, а познакомились они въ Кіевѣ, гдѣ оба обобрали одного соннаго сахарозаводчика. Хорошая сестра! Хо-хо!

На глазахъ дѣвушки стояли слезы.

— Вы знаете, что онъ хотѣлъ на мнѣ жениться?

— Знаю! Онъ вамъ говорилъ о своемъ намѣреніи совершить свадебную поѣздку по Черному морю?

— Да... Мы такъ мечтали!..

— Знайте же, слѣпая безумица, что вы должны были попасть въ продажу на константинопольскій рынокъ невольницъ. У нихъ съ сестрой уже это все было устроено!..

Добрые, сочувственные глаза Душилова съ искреннимъ состраданіемъ смотрѣли на дѣвушку.

— Душиловъ... одинъ вопросъ: значитъ онъ меня не любилъ?

— Видите ли... У него есть любовница—француженка Берта, отбывшая въ прошломъ году въ парижскомъ Сенъ-Лазарѣ наказаніе за кражи и развратъ.

Дѣвушка глухо, беззвучно плакала.

— Этого... я ему никогда не прощу.

— И не прощайте! Я васъ вполнѣ понимаю... Кстати, у васъ столовое серебро въ цѣлости? Не пересчитывали?

— Ка-акъ? Неужели, онъ дошелъ до этого?

— Ничего не скажу... Вы знаете, — я не люблю сплетничать, но вчера мнѣ удалось видѣть у него двѣ столовыхъ ложки съ инціалами вашей доброй мамы. Ну, мнѣ пора. Прикажете передать Крошкину, alias Звѣреву, отъ васъ привѣтъ?

Дѣвушка вскочила съ растрепавшейся прической и гнѣвнымъ лицомъ:

— Скажите ему... что онъ самый низкій мерзавецъ!.. Что ему и имени нѣтъ!

— Такъ и скажу. Хотя имя у него есть, и даже цѣлыхъ четыре. Я еще скажу, что онъ, кромѣ мерзавца: поджигатель и дѣтоубійца — я нисколько не ошибусь. Ну-съ, всего добраго. Поклонъ уважаемому папашѣ!

Душиловъ ушелъ изъ сада въ самомъ благодушномъ настроеніи.

III.

На другой день онъ рѣшилъ зайти къ другу Крошкину подѣлиться удачными результатами.

Вбѣжавши, какъ всегда, безъ доклада, онъ заглянулъ въ кабинетъ друга и увидѣлъ его въ странной компаніи.

За столомъ сидѣлъ судебный слѣдователь и сухо, оффиціально спрашивалъ блѣднаго, перепуганнаго Крошкина:

— Итакъ, убійство ростовщика вы рѣшительно отрицаете? Лучше всего вамъ сознаться. Хорошо-съ! А не скажете ли вы намъ, чѣмъ вы занимались въ прошломъ году въ Могилевѣ съ вашей сообщницей, которую вы выдаете за сестру, и которая такъ ловко оперировала въ дѣлѣ съ сахарозаводчикомъ... Не согласитесь ли вы сознаться, что смерть вашей несчастной тетки устроена не природой, а человѣкомъ, и этотъ человѣкъ были вы,—при соучастіи любовницы, француженки Берты, которую полиція сегодня тщетно разыскиваетъ. Не запирайтесь, вы видите, что *правосудію все извѣстно!*..

ЛЮДИ ЧЕТЫРЕХЪ ИЗМѢРЕНІЙ.

I.

— Удивительно они забавные! — сказала она, улыбаясь мечтательно и разсѣянно.

Не зная, хвалитъ-ли женщина въ подобныхъ случаяхъ или порицаетъ, я отвѣтилъ, стараясь быть неопредѣленнымъ:

— Совершенно вѣрно. Это частенько можно утверждать, не рискуя впасть въ ошибку.

— Иногда они смѣшатъ меня.

— Это мило съ ихъ стороны, — осторожно замѣтилъ я, усиливаясь ее понять.

— Вы знаете, онъ—настоящій Отелло.

Такъ какъ до сихъ поръ мы говорили о старикѣ-докторѣ, ихъ домашнемъ врачѣ, то я, удивленный этимъ страннымъ его свойствомъ, возразилъ:

— Никогда этого нельзя было подумать!

Она вздохнула.

— Да. И ужасно сознавать, что ты въ полной власти такого человѣка. Иногда я жалѣю, что вышла за него замужъ. Я увѣрена, что у него голова расшиблена до сихъ поръ.

— Ахъ, вы говорите о мужѣ! Но вѣдь онъ...

Она удивленно посмотрѣла на меня:

— Голова расшиблена не у мужа. Онъ ее самъ расшибъ.

— Упалъ, что-ли?

— Да нѣтъ. Онъ ее расшибъ этому молодому человѣку.

Такъ какъ послѣдній разъ разговоръ о молодыхъ людяхъ былъ у насъ недѣли три тому назадъ, то «этотъ молодой человѣкъ», если она не называла такъ доктора, былъ, очевидно, для меня личностью совершенно неизвѣстной.

Я безпомощно взглянулъ на нее и сказалъ:

— До тѣхъ поръ, пока вы не разъясните причины несчастья съ «молодымъ человѣкомъ», судьба этого незнакомца будетъ мнѣ чужда.

— Ахъ, я и забыла, что вы не знаете этого случая! Недѣли три тому назадъ мы шли съ нимъ изъ гостей, знаете, черезъ скверъ. А онъ сидѣлъ на скамейкѣ, пока мы не попали на полосу электрическаго свѣта. Блѣдный такой, черноволосый. Эти мужчины иногда бываютъ удивительно безразсудны. На мнѣ тогда была большая черная шляпа, которая мнѣ такъ къ лицу, и отъ ходьбы я очень разрумянилась. Этотъ сумасбродъ внимательно посмотрѣлъ на меня и вдругъ, вставши со скамьи, подходитъ къ намъ. Вы понимаете — я съ мужемъ. Это сумасшествіе. Молоденькій такой. А мужъ, какъ я вамъ уже говорила, — настоящій Отелло. Подходитъ, беретъ мужа за рукавъ. «Позвольте,— говоритъ, — закурить». Александръ выдергиваетъ у него руку, быстрѣе молніи наклоняется къ землѣ и какимъ-то кирпичемъ его по головѣ — трахъ! И молодой человѣкъ, какъ этотъ самый... снопъ,—падаетъ. Ужасъ!

— Неужели, онъ его приревновалъ ни съ того, ни съ сего?!

Она пожала плечами.

— Я же вамъ говорю,—они удивительно забавные!

II.

Простившись съ ней, я вышелъ изъ дому и на углу улицы столкнулся съ мужемъ.

— Ба! Вотъ неожиданная встрѣча! Что это вы и глазъ не кажете!

— И не покажусь, — пошутилъ я. — Говорятъ, вы кирпичами ломаете головы, какъ каленые орѣхи.

Онъ захохоталъ.

— Жена разсказала? Хорошо, что мнѣ подъ руку кирпичъ подвернулся. А то, — подумайте, — у меня было тысячи полторы денегъ при себѣ, на женѣ брилліантовыя серьги...

Я отшатнулся отъ него.

— Но... причемъ здѣсь серьги?

— Вѣдь онъ ихъ съ мясомъ могъ. Скверъ пустой и глушь отчаянная.

— Вы думаете, что это грабитель?

— Нѣтъ, атташе французскаго посольства! Ха-ха! Подходитъ въ глухомъ мѣстѣ человѣкъ, проситъ закурить и хватаетъ за руку—ясно, кажется.

Онъ обиженно замолчалъ.

— Такъ вы его... кирпичомъ?

— По головѣ. Не пискнулъ даже... Мы тоже эти дѣла понимаемъ.

Недоумѣвая, я простился и пошелъ дальше.

III.

— За вами не поспѣешь! — раздался сзади меня голосъ.

Я оглянулся и увидѣлъ своего пріятеля, котораго не видѣлъ недѣли три.

Вглядѣвшись въ него, я всплеснулъ руками и не удержался отъ крика.

— Боже! Что съ вами сдѣлалось?!

— Сегодня только изъ больницы вышелъ; слабъ еще.

— Но... ради Бога чѣмъ вы были больны?

Онъ слабо улыбнулся и спросилъ въ свою очередь:

— Скажите, вы не слышали: въ послѣднія три недѣли

въ нашемъ городѣ не было побѣговъ изъ дома умалишенныхъ?

— Не знаю. А что?

— Ну... не было случаевъ нападенія бѣжавшаго сумасшедшаго на мирныхъ прохожихъ?

— Охота вамъ такимъ вздоромъ интересоваться!.. Разскажите лучше о себѣ.

— Да что! Былъ я три недѣли между жизнью и смертью... До сихъ поръ шрамъ.

Я схватилъ его за руку и съ неожиданнымъ интересомъ воскликнулъ:

— Вы говорите — шрамъ!? Три недѣли назадъ? Не сидѣли ли вы тогда въ скверѣ?

— Ну, да. Вы, вѣроятно, прочли въ газетѣ? Это самый нелѣпый случай моей жизни... Сижу я какъ-то теплымъ, тихимъ вечеромъ въ скверѣ. Лѣнь, истома. Хочу закурить папиросу, — чертъ возьми! Нѣтъ спичекъ... Ну, думаю, будетъ проходить добрая душа, — попрошу. Какъ разъ минутъ черезъ десять проходитъ господинъ съ дамой. Ее я не разсмотрѣлъ: — рожа, кажется. Но онъ курилъ. Подхожу, трогаю его самымъ вѣжливымъ образомъ за рукавъ: «Позвольте закурить». И—что же вы думаете! Этотъ бѣсноватый наклоняется къ землѣ, поднимаетъ что-то — и я, съ разбитой головой, безъ памяти, лечу на землю. Подумать только, что эта несчастная беззащитная женщина шла съ нимъ, даже не подозрѣвая, вѣроятно, что это за птица.

Я посмотрѣлъ ему въ глаза и строго спросилъ:

— Вы... дѣйствительно, думаете, что имѣли дѣло съ сумасшедшимъ?

— Я въ этомъ увѣренъ.

IV.

Черезъ полтора часа я лихорадочно рылся въ старыхъ номерахъ мѣстной газеты и наконецъ, нашелъ, что мнѣ требовалось.

Это была небольшая замѣтка въ хроникѣ происшествій:

«Подъ парами алкоголя.—Вчера утромъ сторожами, убиравшими скверъ, былъ замѣченъ неизвѣстный молодой человѣкъ, оказавшійся по паспорту дворяниномъ, который, будучи въ сильномъ опьяненіи, упалъ на дорожкѣ сквера такъ неудачно, что разбилъ себѣ о лежавшій неподалеку кирпичъ голову. Горе несчастныхъ родителей этого заблудшаго молодого человѣка не поддается описанію»...

Я сейчасъ стою на соборной колокольнѣ, смотрю на движущіеся по улицѣ кучки сѣрыхъ людей, напоминающихъ муравьевъ, которые сходятся, расходятся, сталкиваются и опять безъ всякой цѣли и плана расползаются во всѣ стороны...

И смѣюсь, смѣюсь.

НОВОСЕЛЬЕ.

Онъ былъ такой чистенькій, новенькій, будто бы его сейчасъ только отлакировали и выпустили въ продажу... Новенькая студенческая фуражка, убійственные синіе брюки, сверкающіе воротнички. Когда онъ вошелъ въ нашу комнату, получилось впечатлѣніе вынутой изъ мѣшка Жаръ-Птицы.

Онъ вѣжливо щелкнулъ однимъ каблукомъ о другой переложилъ фуражку подмышку и, откашлявшись, сказалъ:

— Не могъ ли бы я надѣяться на согласіе ваше откушать нынче вечеромъ у меня на новоселье.

Такъ онъ и сказалъ, негодяй: откушать.

Коллега Финкель лежалъ въ это время на географической картѣ Европы, разостланной на полу, и ѣлъ арбузъ, сплевывая косточки непосредственно въ Средиземное море.

Коллега Васькинъ, обладатель пары ногъ, поразительно разнообразныхъ по внѣшности въ томъ отношеніи, что одна была въ красномъ чулкѣ, а другая въ старинномъ ботинкѣ,—занимался тѣмъ, что, держа другой ботинокъ въ рукѣ, широкими рѣпинскими мазками, замазывалъ чернилами всѣ рыжія мѣста.

Финкель положилъ недоѣденную корку арбуза на Аппенинскій полуостровъ, всталъ, закурилъ папиросу и, стряхнувши пепелъ на прекрасныя брюки гостя, солидно сказалъ:

— Надѣяться вы можете. Самое ужасное, когда человѣкъ, лишенный всякихъ надеждъ, сидитъ въ тупикѣ безнадежности. Но надѣйтесь только въ томъ случаѣ, если будетъ что ни только от-кушать, но и от-выпить.

— Я люблю, преимущественно, коньякъ, и, преимущественно, пиво,—разоблачилъ себя Васькинъ, смотря на гостя ясными глазами.

— Прейскурантъ напитковъ изданія 1908 года суть мое любимое произведеніе беллетристики,—падая со смѣлостью опытнаго пловца на Нѣмецкое море, — сообщилъ Финкель.

— И я назвалъ бы мелкимъ негодяемъ всякаго цензора, который осмѣлится сдѣлать тамъ цензурныя урѣзки.

— Будетъ исполнено, ваше превосходительство, — сказалъ растерявшійся юноша, неудачно стараясь попасть въ тонъ хладнокровному Финкелю.

— Браво, старикъ! Я всегда, не смотря на происки твоихъ высокопоставленныхъ враговъ, былъ о тебѣ хорошаго мнѣнія... Иди и твори. Только, если у тебя на новосельи будетъ тамбовскій генералъ-губернаторъ, мы демонстративно уйдемъ.

Финкель прекрасно зналъ, что никакого губернатора не будетъ и предупредилъ юношу только для приданія себѣ вѣса.

Съ юноши взяли торжественное обѣщаніе не приглашать особъ первыхъ четырехъ классовъ и, наконецъ, отпустили, занявши предварительно три рубля.

— Для начала новой жизни, — какъ объяснилъ безцѣльный, вообще, въ своихъ поступкахъ, Финкель.

Собралось народу не мало.

Юноша, по имени Жердь, два студента безъ, именъ, замѣчательныхъ только тѣмъ, что одинъ былъ юристомъ, а другой медикомъ, два студента съ именами, но затруднявшихся указать свои факультеты, одинъ студентъ, заявившій съ самаго начала, что его фамилія Сидоровъ и

ни на какія другія сдѣлки онъ не пойдетъ, Васькинъ, упорно старавшійся выдвинуть изъ тѣни запятнанный чернилами ботинокъ, и, наконецъ, Финкель, явившійся позже всѣхъ и выразившій неудовольствіе по поводу того, что толпа не встрѣтила его кликами восторга и неподдѣльнымъ народнымъ ликованіемъ.

— А, впрочемъ, чортъ съ вами! Покажи, старикъ, свою трущобу.

Вмѣсто трущобы, Финкелю и другимъ были показаны двѣ прехорошенькихъ, чистенькихъ комнаты, съ чистенькими занавѣсками и чистенькими олеографическими картинками.

Финкель потрогалъ руками занавѣски, покачалъ головой и тономъ опытной хозяйки опредѣлилъ:

— Занавѣски.

Осмотрѣлъ, сопровождаемый толпой, картины и, не колеблясь, заявилъ:

— Картины.

Толпа, пораженная его знаніями, обратила вниманіе эксперта на стоявшаго въ углу этажерки фарфороваго амура. Финкель осмотрѣлъ его, поцарапалъ ногтемъ и сказалъ:

— Это вещь не дешевая. Заграничная. Съ ней нужно осторожно.

Впрочемъ, тутъ же онъ ее и разбилъ, уронивши на полъ.

Въ комнатѣ, исполнявшей роль гостинной, былъ сервированъ столъ, уставленный разнообразными бутылками и кушаньями.

Финкель сѣлъ рядомъ съ хозяиномъ и сказалъ, что только изъ уваженія къ памяти его родителей, онъ будетъ пить, кромѣ другихъ напитковъ, виски.

— Виски пьется обычно съ водой, — тономъ опытнаго, неисправимаго пьяницы заявилъ, конфузившійся до сего, хозяинъ.

— Хорошо, старикъ, — согласился Финкель. — Я

буду пить виски, а ты воду. Потомъ мы можемъ слиться въ одномъ дружескомъ объятіи.

А Васькинъ почтительно спросилъ хозяина:

— Вы, вѣроятно, много путешествовали, дяденька, что такъ хорошо все знаете?

Когда кушанья были съѣдены до тла, студентъ до сихъ поръ упорствовавшій въ своемъ желаніи сохранить за собою фамилію Сидорова, всталъ и заявилъ хозяину:

— Коллега, я хочу танцовать.

Хозяинъ выразилъ неопредѣленное опасеніе насчетъ старухи-хозяйки, женщины крайне нервной и раздражительной, но Финкель его успокоилъ:

— Ты думаешь, что она испугается шуму? Видишь ли, если мы постепенно будемъ начинать шумѣть, это ее раздражитъ, но если мы сразу произведемъ какой-нибудь адскій звукъ — все остальное покажется ей тихой музыкой. Мы сейчасъ тебя застрахуемъ.

Не будучи человѣкомъ, у котораго слово расходится съ дѣломъ, Финкель немедленно ударилъ палкой въ мѣдный тазъ и обрушилъ съ высоты своего роста пару тяжелыхъ креселъ.

За стѣной послышались стоны, крикъ, и въ комнатѣ спустя минуту, появилась делегація, въ видѣ толстой кухарки.

Финкель съ изысканной любезностью преподнесъ ей стаканъ рому, затѣмъ сдѣлалъ на ухо заманчивое предложеніе, а затѣмъ, получивъ отказъ, строго заявилъ, что въ случаѣ протеста хозяйки, она будетъ выслана въ 24 часа по петербургскому времени.

Кухарка ушла, и молодежь стала рѣзвиться, по прежнему. Сидоровъ съ огонькомъ протанцовалъ на неубранномъ столѣ джигу, а потомъ всѣ хоронили коллегу Васькина.

Покойникъ лежалъ поперекъ кровати, обнявши руками подушку, и въ такой необычайной для мертвеца позѣ находилъ еще силы неясно и глупо хихикать.

Финкель выступилъ впередъ и, пошатываясь отъ горя, предложилъ сказать надгробную рѣчь. Количество времени, которое онъ употребилъ на то, чтобы сдѣлать это предложеніе, заставило хозяина опасаться за хладнокровіе слушателей во время воспріятія самой рѣчи, но — напрасно, потому что Финкель, послѣ словъ:

— Милссс... Въ наше время, когда воздухъ во всѣхъ направленіяхъ исчерченъ аэропланами, прозванными за свою прытkость дирижаблями...—заплакалъ навзрыдъ и, махнувъ рукой, сѣлъ на фуражку хозяина.

Студентъ безъ факультета попытался пощупать покойнику пульсъ, но такъ какъ онъ шарилъ эту часть организма на ногѣ, то выяснилось полное его незнакомство съ медицинскимъ факультетомъ.

Юноша, по имени Жердь, читавшій до сего времени по усопшемъ, вмѣсто псалтири, «Генриха IV» Шекспира, святотатственно схватилъ покойника за носъ и воскликнулъ:

— Смотрите! Онъ все болѣе и болѣе приближается къ типу настоящаго покойника...

Раздался крикъ ужаса.

Сидоровъ, мирно пившій до сихъ поръ въ уголку изъ бутылки пиво, вскочилъ и со стономъ заявилъ:

— Господа! Мнѣ все кажется вверхъ ногами.

Имъ заинтересовались медики, со стороны скорѣе научной.

— Все, рѣшительно?

— Все. Ей-Богу! Вотъ смотрю такъ—и все вверхъ ногами—и столъ, и картины, и комодъ и умывальникъ.

Сидоровымъ заинтересовались всѣ.

Кто-то сообразилъ, что если поставить Сидорова на голову, то онъ увидитъ все въ нормальномъ видѣ. Поставили. Ассистенты держали его за ноги, а предложившій опытъ, суетился подлѣ, спрашивая:

— Ну, что? Легче?

Оказалось легче, но Сидоровъ сталъ жаловаться на тяжесть въ головѣ.

Тогда выступилъ опытный во всѣхъ передрягахъ Финкель.

— О чемъ тутъ толковать? Если бѣдному малому картины, столъ, комодъ и умывальникъ кажутся вверхъ ногами, то наше дѣло, какъ товарищей его, выручить бѣднягу: нужно просто всѣ эти предметы перевернуть и переставить вверхъ ногами, — тогда все станетъ для него простымъ и понятнымъ.

За идею ухватились съ жаромъ.

Работа закипѣла. Нѣкоторые переворачивали вещи, другіе срывали картины, вѣшая ихъ внизъ головой, и для крѣпости вбивали гвозди прямо въ центръ полотна. Отходили къ противоположной стѣнкѣ и любовались любопытнымъ и страннымъ зрѣлищемъ, которое представляла комната.

Финкеля огорчило только то, что умывальникъ, даже не имѣя пробоины, далъ течь.

Тотъ, для кого дѣлалась эта титаническая работа, къ сожалѣнію, мирно спалъ...

На другой день къ намъ въ комнату опять вошелъ хозяинъ вчерашней пирушки. Платье его потускнѣло, фуражка была смята и глаза намѣчались такъ слабо, что, не будь на лицѣ бровей, такъ бы и невозможно было опредѣлить ихъ мѣстоположеніе.

Онъ, по давешнему, переложилъ фуражку подмышку и, стукнувъ каблукомъ о каблукъ, сказалъ:

— Не могъ ли бы я надѣяться на согласіе ваше откушать нынче вечеромъ у меня на новосельи.

Отъ изумленія Финкель чуть не проглотилъ папиросу, которую курилъ.

— Старикъ! Да вѣдь мы вчера уже, тово...

Гость подмигнулъ съ выраженіемъ закоренѣлой на-

глости, которая появилась на его кроткомъ лицѣ со вчерашняго дня.

— Хватились! Старая дура еще сегодня утромъ мнѣ отказала. Сегодня вечеромъ я буду праздновать новоселье на другой квартирѣ...

ОСКОРБЛЕНІЕ ДѢЙСТВІЕМЪ.

Монументовъ чувствовалъ себя такимъ веселымъ, жизнерадостнымъ, что еле удерживался отъ желанія пуститься въ плясъ безъ всякой музыки, какъ козленокъ.

Сейчасъ только онъ сказалъ барышнѣ въ голубомъ платьѣ, что любитъ ее, и она ему сказала, что любитъ его, а оба вмѣстѣ они рѣшили, что имъ нѣтъ никакого основанія не быть счастливыми и, поэтому, гдѣ-то за портьерой, въ двухъ шагахъ отъ танцующихъ, даже поцѣловались.

Потомъ рѣшили дать исходъ волнѣ нахлынувшаго на нихъ счастья и веселья—купили по мѣшечку конфетти и, задорно хохоча, стали бросать пригоршнями въ лицо другъ другу разноцвѣтные кружочки...

Монументовъ, запорошивъ глаза барышнѣ въ голубомъ платьѣ, сжалился надъ ней и принялся осыпать горстями конфетти танцующихъ и публику, которая скучающе слонялась изъ угла въ уголъ.

Около дверей сидѣлъ старый геморроидальный чиновникъ Катушкинъ и, брезгливо выпятивъ нижнюю плохо бритую губу, презрительно наблюдалъ танцы.

Онъ чувствовалъ себя нехорошо.

Ему было жаль рубля, который онъ истратилъ, заплативъ за входъ, было обидно, что онъ старый и не можетъ танцовать, а, главное, раздражала его полуоторванная пуговица фрака, которая висѣла на ниточкѣ и могла каждую минуту оторваться.

Когда онъ потихоньку дергалъ ее, она какъ будто бы держалась, но старый Катушкинъ не вѣрилъ ей и злобно думалъ, что стоитъ ему только забыть о пуговицѣ,—она сейчасъ же оторвется и потеряется.

— Танцуютъ... дьяволы! — съ нечеловѣческой злобой размышлялъ Катушкинъ. — Чѣмъ дѣломъ какимъ-нибудь полезнымъ заниматься — они скачутъ, какъ ученыя собаченки. Чтобъ вы тамъ себѣ ноги ваши переломали!

Онъ сталъ мечтать о томъ, что хорошо бы незамѣтно перерѣзать проволоку для электрическаго освѣщенія, или чтобы музыканты вдругъ почему либо отказались играть.

— Не желаемъ, молъ, играть для разныхъ дураковъ!

Жизнерадостный Монументовъ проходилъ мимо угрюмаго Катушкина, подъ руку съ голубенькой барышней, и говорилъ ей:

— Какъ это красиво все: и этотъ благотворительный балъ, и прекрасная музыка, и веселые, изящные танцующіе.

Потомъ онъ увидѣлъ желтое сердитое лицо Катушкина, и ему захотѣлось чѣмъ-нибудь развлечь этого мрачнаго, неподвижнаго старика. Ласково улыбнувшись ему, онъ вынулъ изъ мѣшечка остатокъ конфетти и игривымъ жестомъ избалованнаго шалуна осыпалъ цѣлымъ дождемъ голову Катушкина.

Монументовъ и голубенькая барышня послѣдовали дальше, но черезъ три шага ихъ догналъ страдальчески-злобный голосъ:

— Милостивый государь! Этто...этто... неслыханно!!Этто.

Влюбленные обернулись, и Монументовъ въ упоръ столкнулся съ исковерканнымъ злобой и бѣшенствомъ, потемнѣвшимъ лицомъ Катушкина.

— Что вамъ угодно?—изумленно спросилъ онъ.

— Какъ вы смѣли оскорбить меня дѣйствіемъ?—прошипѣлъ Катушкинъ.

— Я, васъ? Боже ты мой! Чѣмъ?

— Зачѣмъ вы швырнули мнѣ въ физіономію какую-то бумажную дрянь? Что я вамъ сдѣлалъ?

Голосъ его сталъ визгливымъ и плачущимъ. Нижняя губа прыгала, угрожая каждую минуту отвалиться совсѣмъ.

— Помилуйте! Какая-же это дрянь... — сконфузился Монументовъ. — Это конфетти. На балахъ существуетъ такой шутливый обычай: осыпаютъ этими кружочками другъ друга.

— Не желаю я вашихъ дурацкихъ обычаевъ!—шипѣлъ Катушкинъ, трогая потихоньку висящую на ниткѣ пуговицу.—Вотъ есть бальный обычай: скакать козломъ на потѣху добрымъ людямъ или развратно цѣловаться за портьерой (голубенькая барышня краснѣла)—такъ вы и мнѣ прикажете скакать подобно млекопитающему козлу или лизаться за портьерой? Не желаю-съ! Не желаю-съ!

Вокругъ нихъ стала собираться любопытствующая публика.

— Чего же вамъ отъ меня надо?—спрашивалъ красный, какъ ракъ, Монументовъ.—Если желаете, я могу извиниться!

—Ага! Теперь извиниться! Обидятъ человѣка, наплюютъ, оскорбятъ дѣйствіемъ человѣка, а потомъ—ахъ, извините, пожалуйста! Не нужно мнѣ вашихъ извиненій! Я этого дѣла такъ не оставлю.

— Чего же вы отъ меня хотите?

Катушкинъ обвелъ покраснѣвшими отъ злости глазами собравшуюся публику и поманилъ пальцемъ распорядителя вечера, безпокойно прислушивающагося къ спору.

— Г. распорядитель! Надо мной учинено насиліе... Будьте добры пригласить г. околодочнаго для составленія протокола.

Распорядитель смущенно потеръ затылокъ и сказалъ, беря Катушкина за пуговицу:

— Ради Бога, успокойтесь! Пожалуйте въ контору, тамъ полиція сдѣлаетъ все по закону.

— Что вы дѣлаете?!—завизжалъ Катушкинъ. — Смотрите! Вы мнѣ чуть не оторвали пуговицу! Смотрите—на ниточкѣ держится! Что же это? Уже и показаться нельзя

на люди! Одинъ бросаетъ въ физіономію какими-то... предметами, другой отрываетъ пуговицы! Не желаю въ контору! Меня здѣсь оскорбили — пусть здѣсь и составляютъ протоколъ.

Шумъ разростался.

Музыка замолкла на полунотѣ.

Танцующіе пріостановились и потомъ сгрудились въ кучу около голубенькой барышни, которая билась въ истерикѣ.

Быстрыми шагами въ залъ вошелъ околодочный, сопровождаемый двумя городовыми.

— Госпола! Прошу разойтись. Въ чемъ здѣсь дѣло? Вы говорите: онъ оскорбилъ васъ дѣйствіемъ? Ваша фамилія, господинъ?

— И этого запишите! — визжалъ Катушкинъ. — Они здѣсь всѣ одна шайка. Тотъ мнѣ чуть не оторвалъ пуговицу, необходимую для соблюденія приличія внѣшности костюма, а этотъ бросалъ въ лицо какими-то твердыми предметами. У меня есть свидѣтели, г. околодочный! Что же это такое? Сегодня онъ въ меня бросилъ твердымъ предметомъ, а завтра броситъ бомбу или какое другое взрывчатое вещество! А эта дѣвица въ голубомъ платьѣ, которая притворяется плачущей, — его сообщница, г. околодочный. Нѣ-ѣтъ! я этого дѣла такъ не оставлю!

Катушкинъ визжалъ, хватался за лицо, которое, какъ онъ увѣрялъ, было ушиблено, и теръ щеку носовымъ платкомъ до тѣхъ поръ, пока она, дѣйствительно, ни стала производить впечатлѣнія ушибленной...

Домой чиновникъ Катушкинъ ѣхалъ удовлетворенный, безъ прежняго желчнаго чувства къ танцующимъ и жалости за истраченный на входъ рубль. И даже оторвавшаяся таки, въ концѣ концовъ, пуговица—не оставила въ его душѣ тяжелаго, непріятнаго осадка.

ИСТОРІЯ ОДНОГО РАЗСКАЗА.

18-го декабря 1903 года Василій Покойниковъ принесъ въ редакцію газеты «Вычегодская Простыня» свой первый разсказъ «Рождественская ночь».

Разсказъ былъ, какъ разсказъ.

Въ немъ сообщалось объ одномъ бѣжавшемъ съ каторги преступникѣ, который въ рождественскую ночь задумалъ совершить преступленіе. Онъ прокрался къ одному домику на окраинѣ города и заглянулъ въ окно, съ цѣлью узнать, кого ему придется сегодня укокошить. Преступникъ увидѣлъ бѣдную худую мать, у которой не было даже дровъ, чтобы растопить печь, и, понятно, что она своимъ тѣломъ согрѣвала бѣдную худую малютку-дочь, которая дрожала у нея на колѣняхъ... На столѣ лежала маленькая корка хлѣба — и это было все, что осталось отъ прежней богатой меблировки. Въ лирическомъ отступленіи, авторъ разсказывалъ, что у женщины, видите ли, былъ мужъ, но его однажды перерѣзало поѣздомъ, такъ что бѣдной женѣ онъ уже былъ ни къ чему... Преступникъ не читалъ этого разъясненія автора, но, поглядѣвши въ окно, такъ растрогался, что, еле сдерживая слезы, ворвался въ домикъ, сорвалъ съ себя пальто, накрылъ имъ изящную малютку, потомъ вынулъ изъ кармана послѣдніе 3 рубля (добытые, замѣтьте, какъ это ни удивительно, честнымъ путемъ), сунулъ ихъ матери въ руку, прошептавъ:

— Сдѣлайте на эти деньги малюткѣ елочку.

И потомъ, раскаиваясь во всѣхъ своихъ грабежахъ и преступленіяхъ, выбѣжалъ, полуодѣтый, въ поле, гдѣ свистѣла и выла снѣжная вьюга.

Авторъ, по неопытности, не зналъ, что ему дѣлать съ раскаившимся преступникомъ, попавшимъ безъ пальто въ снѣжную вьюгу—и, поэтому, предательски заморозилъ его, скрывши это преступленіе тѣмъ, что засыпалъ несчастнаго снѣгомъ.

Конецъ разсказа былъ такой:

«А вьюга все свистѣла и выла, будто торжествуя надъ несчастнымъ... Засыпая въ смертельномъ снѣ, онъ улыбнулся и — такъ и заснулъ на вѣки, съ радостной улыбкой...»

«Митька Вампиръ искупилъ свои грѣхи...»

«Мятель выла»...

Этотъ разсказъ появился въ рождественскомъ номерѣ «Вычегодской Простыни» и многимъ понравился.

Василій Покойниковъ былъ всѣ праздники въ чаду славы, и отходить сталъ только въ Великомъ посту. На масляницѣ еще кое-кто спрашивалъ его:

— Это вы написали разсказъ «Рождественская ночь»? Очень, очень мило.

А потомъ прекратились и эти вопросы.

Подходила Пасха.

За недѣлю до Пасхи Василій Покойниковъ сталъ ходить унылый и задумчивый, а въ страстной вторникъ сѣлъ писать пасхальный разсказъ.

Онъ долго теръ свою талантливую голову, стараясь придумать что-нибудь особенно трогательное, но не могъ. Потомъ ему стало жаль, что онъ такъ необдуманно воспользовался раскаявшимся преступникомъ для рождественскаго разсказа, въ то время, когда такой преступникъ великолѣпно могъ раскаяться на Пасху.

А потомъ писателя осѣнило.

Онъ взялъ газету, въ которой былъ напечатанъ его рождественскій разсказъ, и горячимъ лучемъ своего таланта растопилъ снѣгъ, согнавъ также морозъ, который сковывалъ собой весь разсказъ...

Сметя мощнымъ движеніемъ остатки снѣга, Покойниковъ развѣсилъ по разнымъ мѣстамъ колокола, и тамъ, гдѣ раньше выла и бушевала вьюга — теперь раздавался ликующій, мощный пасхальный благовѣстъ.

Голодная бѣдная мать, по-прежнему, сидѣла съ худой малюткой-дочерью на колѣняхъ, но теперь имъ уже не хватало для благополучія — кулича и яичекъ, чтобы разговѣться.

Митька Вампиръ, который даже въ великую пасхальную заутреню не могъ бросить своихъ позорныхъ привычекъ, опять подкрался къ домику, чтобы укокошить несчастныхъ, но, увидя, что у нихъ нѣтъ пасхальнаго стола, снова раскаялся и, войдя въ домъ уже, какъ старый знакомый, разрыдался и далъ на этотъ разъ пять рублей (остальные два рубля были прибавлены Покойниковымъ, какъ компенсація пальто, въ которомъ несчастные теперь не нуждались).

Жестокій законъ стройности и законченности произведенія неумолимо требовалъ смерти Митьки Вампира, такой смерти, которой онъ могъ бы искупить свою позорную и предосудительную жизнь... Но являлось одно затрудненіе: теперь не было мороза! Покойниковъ хотѣлъ сначала сжечь его жгучими лучами солнца, но выходило неправдоподобно. Перебросить же всю компанію куда-нибудь на экваторъ— казалось Покойникову задачей слишкомъ сложной и громоздкой.

Покойниковъ схитрилъ.

Поломалъ на рѣкѣ ледъ, устроилъ ледоходъ и, посадивъ на льдину котенка, сталъ подстрекать Вампира полѣзть въ воду и спасти его.

Безалаберный Вампиръ довѣрчиво полѣзъ за котен-

комъ, а Покойниковъ потихоньку придавилъ ему спину льдиной и потопилъ Вампира.

Разсказъ «Ночь подъ Пасху», напечатанный въ газетѣ «Вычегодская заря» тоже очень понравился. Авторъ началъ входить въ извѣстность. Онъ сталъ ухаживать за богатой барышней и она, прельстившись славой жены литератора, сдѣлалась madame Покойниковой...

Переѣхали въ Петербургъ, и Покойниковъ завелъ связи со столичными газетами и журналами.

Едва наступалъ какой-нибудь большой праздникъ, какъ въ домѣ Покойниковыхъ начиналась двойная чистка и уборка. Одна — въ сферѣ домашней обстановки и утвари, другая — за письменнымъ столомъ литератора Покойникова. Онъ вынималъ своего Вампира, чинилъ его, засыпалъ все снѣгомъ, или развѣшивалъ колокола, или заливалъ своихъ героевъ водой, а потомъ, проморивъ нѣкоторое время мать и дочь голодомъ, несъ свою «Ночь подо что-нибудь» въ редакцію.

Печатали.

Жена очень гордилась Василіемъ, и талантъ его вызывалъ въ ней сладкій, благоговѣйный ужасъ. Любила она мужа, главнымъ образомъ, за умъ и талантъ, читая его произведенія всегда со слезами на глазахъ.

Русская революція не застала Василія Покойникова врасплохъ. Онъ, не растерявшись, превратилъ домикъ вдовы въ покинутую конспиративную квартиру, облачилъ постарѣвшаго и обиженнаго жизнью Митьку Вампира въ гороховое пальто, и бывшій преступникъ съ той же присущей ему экзальтаціей выручалъ вдову изъ разныхъ бѣдъ, какъ и раньше...

Жена молилась на своего мужа.

Однажды, въ осенній вечеръ, Покойниковъ стоялъ около отрывного календаря и, отворачивая листки, искалъ праздника, хотя бы и не такого большого, какъ Рождество или Троица...

Жена тутъ же перелистывала старый-престарый иллюстрированный журналъ, который она, роясь отъ скуки въ книгахъ мужа, обнаружила на чердакѣ.

Переворачивая разсѣянно пожелтѣвшія страницы, она остановила взглядъ на какомъ то разсказѣ и стала пробѣгать его. Разсказъ назывался «Рождественское преступленіе каторжника»...

И вчитываясь въ него, жена литератора неожиданно поблѣднѣла... и къ концу—блѣднѣла все болѣе и болѣе...

Она постепенно узнавала и домикъ на краю города, и мерзнувшую голодную вдову съ малюткой дочерью, и каторжника, котораго, хотя и звали Петькой Коршуномъ, но онъ, по своимъ поступкамъ, съ поразительной послѣдовательностью напоминалъ Митьку Вампира...

Дочитавъ до послѣдней фразы:

«Мятель свистѣла»...

Жена опустила на руки голову и тихо, беззвучно заплакала.

Она плакала о своей загубленной жизни, тосковала по рухнувшемъ миражѣ, по разбитомъ идеалѣ, который теперь, не видя происходящаго, стоялъ съ нахмуренными бровями около календаря и подбирался незамѣтно къ Рождеству.

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ.

(РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРІЯ).

Настроеніе на этомъ собраніи было какое-то особенное, приподнятое.

Старый, пыльный чердакъ, заваленный массой разнаго хлама и украшенный красивыми гирляндами тяжелой отъ пыли паутины, давно не видѣлъ такого оживленія и подъема духа.

Первымъ говорилъ самый почтенный изъ всѣхъ призраковъ,—призракъ стараго повѣсившагося нотаріуса.

— Милостивые господа!—началъ онъ.—Сегодня мы имѣемъ юридическое и моральное право исполнить наше главное назначеніе,—явиться людямъ, живущимъ въ этомъ домѣ, и хорошенько напугать ихъ. Въ качествѣ юриста, я, не останавливаясь на моральной сторонѣ дѣла, укажу на наше юридическое право: сегодня наступитъ знаменитая, популярная среди призраковъ ночь, ночь подъ Рождество, и мы будемъ большими дураками, если не воспользуемся хорошенько этимъ прекраснымъ случаемъ. Моральное освѣщеніе нашего предполагаемаго предпріятія, я предоставляю моему уважаемому сосѣду, отцу дьякону.

Призракъ дьякона крякнулъ и сказалъ:

— Одобряю! Прихожане погрязли въ грѣхахъ и забыли о будущей жизни... Да... это самое... надо имъ сдѣлать тонкій намекъ на это толстое обстоятельство.

Дьяконъ прислушался къ вою вѣтра въ трубѣ, потро-

галъ свою печень и со щемящей тоской въ голосѣ добавилъ:

— Сколько они этой водки вылокаютъ за праздникъ— уму не постижимо!

Призраки притихли, грустно поникнувъ головой.

Желая нарушить печальное молчаніе, призракъ коммивояжера поднялъ голову и сказалъ:

— А за границей мы уже являлись...

— Что?

— За границей, говорю, нашъ братъ уже отпраздновалъ эту ночь.

— Почему?

— Какъ же! У нихъ на тринадцать дней раньше. По новому стилю. Я былъ въ Берлинѣ, тамъ являлся, теперь здѣсь буду.

Всѣ съ завистью посмотрѣли на расторопнаго коммивояжера, а нотаріусъ сказалъ:

— Въ сущности, вы, какъ русскій подданный, не имѣете права являться въ Берлинѣ. Васъ могли за это притянуть... Брр... какъ воетъ вѣтеръ!

Пріютскій мальчишка, хлебнувшій, въ свое время, подъ горячую руку уксусной эссенціи, посмотрѣлъ въ темный, неосвѣщенный луной уголъ и прошепталъ:

— А мнѣ, дяденьки, страшно чивой-то!

Нотаріусъ обернулся къ нему и сухо спросилъ:

— Ты—первый годъ?

— Первый.

— Самъ?

— Самъ. Хозяинъ шпандыремъ ужъ оченно дубасилъ.

— Причина, положимъ, глупая. Но являться тебѣ все-таки нужно... Господа, разрѣшите поставить на очередь вопросъ: кто къ кому въ этомъ домѣ желалъ бы явиться?

— Я желаю явиться къ жилицѣ третьяго этажа, моей бывшей сосѣдкѣ, — сказалъ сухощавый призракъ старой дѣвы.—Однажды я просила у нея на одинъ часъ красный

зонтикъ, а она, дрянь этакая, не дала... Напугаю я ее за это до смерти!

— Вздорная бабенка, — шепнулъ старый нотаріусъ своему сосѣду, бакалейному лавочнику.—Я, господа, беру на себя смѣлость явиться въ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ во второмъ этажѣ. Я имѣю на это юридическое право.

Хотя нотаріусъ совралъ (никакого юридическаго права онъ не имѣлъ), но ему уступили, причемъ бакалейщикъ взялъ на себя квартиру мануфактурщика, съ которымъ онъ былъ знакомъ домами, а дьяконъ пожелалъ до смерти перепугать содержателя ресторана со спиртными напитками.

Болѣе опытные призраки расхватали себѣ всѣхъ хорошихъ жильцовъ, а бѣдный, пріютскій мальчишка молчалъ и, поэтому, когда вспомнили о немъ, то ему достался старый мѣняла четвертаго этажа, сухой, черствый старикъ.

Втайнѣ призракъ пріютскаго мальчишки мечталъ о графѣ перваго этажа, въ квартирѣ котораго онъ какъ-то разглядѣлъ черезъ окна красивый потолокъ и шкуру медвѣдя на диванѣ, но теперь графа забралъ себѣ коммивояжеръ, и мальчишка робко согласился на скучнаго, непріятнаго мѣнялу...

— Ну, мы будемъ собираться, — распорядился нотаріусъ,—а вы, отецъ дьяконъ, пошаркайте пока по полу ногами и порычите немножко.

— За... зачѣмъ это? — умирая отъ страха, спросилъ пріютскій мальчишка.

Нотаріусъ подмигнулъ.

— Это имъ тамъ внизу до ужаса взвинтитъ нервы... И когда мы явимся, они уже будутъ хорошенько *приготовлены.*

Пріютскій мальчишка, оставшись на чердакѣ послѣднимъ, задрапировался въ дырявую простыню, которую ни одинъ изъ призраковъ не хотѣлъ брать, и, вздохнувъ, поплелся къ своему мѣнялѣ.

По пути онъ дрожалъ отъ страха, а въ голову ему приходила мысль: бросить свою простыню и удрать во всѣ лопатки.

Но, боясь насмѣшекъ своихъ товарищей и чувствуя жадное любопытство къ тому, какъ испугается его старый мѣняла, призрачный мальчишка отогналъ трусливыя мысли и бодро вошелъ въ спальню мѣнялы.

Хозяинъ раздѣвался, чтобы лечь спать. Онъ повязалъ уже голову платкомъ и, почесавъ худую волосатую ногу, хотѣлъ улечься, какъ сонный взглядъ его упалъ на стоящаго въ углу пріютскаго мальчишку.

— Это что такое? — скрипучимъ голосомъ спросилъ онъ и сталъ вглядываться въ уголъ старыми тусклыми глазами...—Это что такое? Неужто, привидѣніе? Гм... странно!

Видя, что мѣняла не испугался, призракъ мальчишки помялся немного, потомъ нерѣшительно поднялъ руки и зарычалъ:

— Гуууууу!!.

Мѣняла неторопливо всталъ, взялъ свѣчу и, подойдя къ призраку, окинулъ его строгимъ взглядомъ.

— Привидѣнье?—отрывисто спросилъ онъ.

— Буууу!

— Не строй дурака! Привидѣнье?

— Да, дяденька.

— Зачѣмъ?

Мальчишка подумалъ и рѣшилъ сказать самое страшное, что онъ зналъ:

— Пришелъ взять твою душу, а потомъ наставить синяковъ на рукахъ, на головѣ и исполосовать всю спину.

— Гм, —угрюмо усмѣхнулся мѣняла,—широко задумано! Для чего же это тебѣ нужно?..

Этотъ вопросъ засталъ пріютскаго мальчишку врасплохъ. Онъ и самъ не зналъ, для чего ему все это нужно.

Растерявшись, мальчишка выпучилъ свои призрачные глаза и снова загудѣлъ:

— Уууууу!...

— Удивительно остроумно!—сердито проворчалъ мѣняла.—Чѣмъ глупости выкидывать, лучше бы дѣломъ какимъ занялся... Да, право! Ходятъ, ходятъ тутъ всякіе, а зачѣмъ—и сами не знаютъ. «Я призракъ! Я привидѣніе! Я пришелецъ изъ загробнаго міра!!» Да мнѣ-то какое до этого дѣло? Подумаешь! Я понимаю, если бы это кому-нибудь приносило пользу, а то вѣдь такъ—лурака валяете!

Пріютскій мальчишка стоялъ сконфуженный и еле удерживался, чтобы не расплакаться.

— А тебѣ, паренекъ, стыдно! Ты призракъ молодой совсѣмъ, передъ тобой вся... (старикъ замялся) вся... смерть впереди, а ты, вмѣсто того, чтобы дѣлами хорошими заниматься, по ночамъ шатаешься, людей пугаешь. Вѣдь вотъ испугайся я, ты бы обнаглѣлъ и готовъ былъ бы мнѣ на голову сѣсть, а теперь, увидѣвъ, что твое дѣло не выгорѣло, стоишь, какъ пень, и не знаешь, что дѣлать дальше... Уу... Безнравственный мальчишка!

Мѣняла съ презрѣніемъ отвернулся отъ уничтоженнаго призрака и, кряхтя, легъ подъ одѣяло.

Пріютскій мальчишка, притаивъ дыханіе, выждалъ нѣсколько минутъ и потомъ, подкравшись къ задремавшему мѣнялѣ, потихоньку ущипнулъ его за ногу.

— Вотъ я тебѣ ущипну, негодяй! Ты мнѣ будешь щипаться... Проваливай!

Призракъ потоптался еще нѣсколько минутъ около кровати мѣнялы. Онъ попытался сдернуть съ него одѣяло но неудачно, потомъ дернулъ старика за ухо.

Мѣняла дѣлалъ видъ, что спитъ и не замѣчаетъ стараній пріютскаго мальчишки.

Прибѣгнувъ въ послѣдній разъ къ своему излюбленному пріему,—густому гудѣнью,—и видя его безрезультатность, призракъ мальчишки горько вздохнулъ и, обезкураженный, нехотя зашагалъ на чердакъ.

Вокругъ нотаріуса сидѣла почти вся компанія вернувшихся призраковъ, и всѣ обмѣнивались впечатлѣніями минувшей ночи.

Общій результатъ былъ таковъ, что всѣ обитатели дома перепугались до смерти.

Когда же очередь дошла до пріютскаго мальчишки, онъ нагло улыбнулся и, принявъ суровый видъ, сталъ разсказывать:

— Когда онъ меня увидѣлъ, то чуть не умеръ отъ страху. А я на него какъ напалъ! А-а, говорю ему, такой-сякой! Дѣломъ не занимаешься, глупости все на умѣ! Вотъ я тебя сейчасъ! А онъ плакалъ, просилъ прощенья и, залѣзши подъ кровать, трясся, какъ осиновый листъ. Я его поколотилъ хорошенько и ушелъ!

ПОѢЗДКА ВЪ ТЕАТРЪ.

Ловкимъ, граціознымъ движеніемъ Коля Кинжаловъ подсадилъ Лизочку Миловидову на площадку трамвая, а потомъ, вслѣдъ за ней, такъ же граціозно вскочилъ и самъ.

Коля Кинжаловъ въ этотъ вечеръ чувствовалъ себя въ особенномъ ударѣ. Былъ онъ въ новомъ смокингѣ, лаковыхъ ботинкахъ, купленныхъ по чрезвычайно удачному случаю, и теперь ѣхалъ съ Лизочкой въ театръ, что сулило ему много впечатлѣній, прекрасныхъ и захватывающе интересныхъ.

— Пардонъ-съ, пардонъ-съ,—вѣжливо, но твердо говорилъ онъ, стоявшей въ проходѣ публикѣ, — позвольте дамѣ пройти впередъ!

У него въ умѣ уже назрѣвала остроумная шутка, которую онъ скажетъ, получая отъ кондуктора билетъ. Это должно было разсмѣшить Лизочку, а развеселившись, она будетъ еще плотнѣе прижиматься къ его плечу и еще болѣе мягкимъ взглядомъ будетъ смотрѣть на него, сильнаго и умнаго Колю Кинжалова...

— Господа, пардонъ! Позвольте дамѣ пройти впередъ и, ради Бога, не толкайтесь.

Вагонъ неожиданно остановился.

Сдѣлавъ испуганное лицо, Коля Кинжаловъ пошатнулся, растопырилъ руки подпрыгнулъ, и сѣлъ на колѣни какому то дремавшему человѣку въ мѣховой курткѣ, пребольно наступивъ ему на ногу.

Господинъ встрепенулся, столкнулъ съ себя Колю и сурово сказалъ:

— О, чтобы тебя черти взяли! Медвѣдь!!

Сердце Коли Кинжалова колыхнулось и провалилось куда-то далеко, далеко...

Онъ сразу, съ ужасающей ясностью, почувствовалъ, что сейчасъ, послѣ этого оскорбленія, должно произойти что-то такое ужасное, такое неотвратимое и такое ничѣмъ уже непоправимое, послѣ чего сотрется и изчезнетъ ихъ поѣздка, театръ, новый смокингъ, купленныя по чрезвычайно удачному случаю лаковыя ботинки и даже сама Лизочка Миловидова—его первая благоуханная любовь.

Онъ оставилъ руку Лизочки, обернулъ свое пылавшее пожаромъ лицо къ господину въ мѣховой куртклѣ и тонкимъ, срывающимся голосомъ, чувствуя за спиной Лизочку, вскричалъ:

— То есть... Это кто же медвѣдь?!

— Вы — медвѣдь, черти бы васъ разорвали! Своей лапой вы совсѣмъ въ лепешку расплющили мою ногу!

— Сейчасъ надо ударить, — лихорадочно-быстро пронеслось въ головѣ Коли Кинжалова. — Кулакомъ или ладошкой? Ладошкой лучше, потому что это считается пощечиной... Благороднѣе и оскорбительнѣе...

Коля вынулъ правую руку изъ кармана и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Если вы смѣете оскорбляться, то я... смѣю драться!! Я вамъ покажу сейчасъ.

Немедленно же Коля пожалѣлъ, что не ударилъ своего противника сразу: въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, не разговариваютъ.

— Вы у меня узнаете, какъ оскорбляться!!..

— Чего-съ?!

Господинъ вскочилъ, двинулся на Колю, и Коля сразу увидѣлъ, что господинъ выше его на цѣлую голову...

— За такія оскорбленія бьютъ...—болѣзненнымъ шопотомъ вырвалось у Коли.

— Неужели? — иронически протянулъ вскочившій, разстегивая мѣховую куртку. — Неужели? А что, если я выдеру сейчасъ твои красныя ушонки и засуну тебя подъ скамейку, какъ паршиваго зайченка! А?!

Кто-то изъ публики, съ наслажденіемъ дожидавшейся начала драки, засмѣялся.

Мастеровой въ издерганной шапчонкѣ восторженно хлопнулъ себя по животу и взвизгнулъ:

— Бейтесь, братцы!

Истинный художникъ, — онъ интересовался не результатомъ дѣла, а его процессомъ...

Двумя звонкими пощечинами прозвенѣли въ ушахъ Коли Кинжалова незабываемыя на всю жизнь слова:

— Красныя ушонки... паршивый зайченокъ...

Падая къ бездну, Коля, самъ не зная для чего, схватилъ господина за руку и жалобно пролепеталъ:

— Нѣтъ... Этого я такъ не оставлю...

Но тотъ уже странно, устало сгорбился, съ оскорбительнымъ равнодушіемъ зѣвнулъ въ самое лицо Коли и небрежно обратился къ кондуктору:

— Конюшенная скоро?

— Сейчасъ остановка.

Господинъ стряхнулъ съ себя Колину руку и, насвистывая, направился къ выходу.

Коля шелъ за уходящимъ, цѣплялся за его мѣховую куртку, и плачущимъ голосомъ кричалъ, теряя по дорогѣ остатки рыцарства:

— Нѣтъ, вы такъ не уйдете... Вы меня оскорбили...

— Ну!!—угрожающе обернулся тотъ.—Что нужно?!

— Вы ругались, вы оскорбляли меня, хорошо же...

Одной рукой Коля держалъ господина за рукавъ, а другой — неуклюже шарилъ въ смокингѣ одеревенѣвшими пальцами бумажникъ.

— Ага... Вотъ! Если вы порядочный человѣкъ!

Коля вынулъ карточку и подалъ ее господину въ мѣховой курткѣ. Ощущеніе чего-то невыносимо позорнаго и сквернаго стало исчезать, уступивъ мѣсто сознанію что сейчасъ Коля думаетъ и поступаетъ, какъ рѣшительный человѣкъ и джентльмэнъ съ твердыми правилами.

— Это что еще за комедія?

— Это не комедія... это моя карточка, съ помощью которой я вызываю васъ на дуэль!

— На дуэ-эль?!

Господинъ, не читая, потрепалъ карточкой по пальцамъ своей лѣвой руки, скомкалъ карточку, бросилъ карточку на полъ, сказалъ громко и раздѣльно:

— Ду-ракъ!

И вышелъ на площадку, ловко соскочивъ потомъ со ступеньки, еще до остановки вагона.

Коля двинулся вслѣдъ за нимъ и, перевѣсившись черезъ перила, закричалъ:

— А что, испугался, негодяй?! То-то! А то бы я переломалъ твои кривыя ножонки! Трусъ, трусъ, подлецъ!!

Странно: Коля Кинжаловъ сдѣлалъ, кажется, все, что полагалось порядочному человѣку, но возвращался онъ къ Лизочкѣ со страннымъ и непріятнымъ ощущеніемъ высѣченнаго человѣка...

И она его встрѣтила странно: отдернула руку и нервно сказала:

— Садитесь ужъ!.. Вонъ свободное мѣсто.

Ѣхали, молча.

Коля пожевалъ губами, проглотилъ обильную слюну и непринужденно началъ:

— Его счастье, что удралъ!.. А то бы...

Потомъ небрежно улыбнулся:

— Былъ у меня въ Ялтѣ тоже подобный случай, только... Ха-ха! съ болѣе печальнымъ для того человѣка исходомъ... Сажусь я тоже такимъ-же родомъ въ трамвай и, представьте...

Коля говорилъ нарочно громко, чтобы его слышала и посторонняя публика.

— Сажусь я въ трамвай и, представьте...

Сосѣдъ Лизы, отставной военный, улыбнулся и сказалъ, обращаясь болѣе къ Лизѣ:

— Жаль только, что въ Ялтѣ нѣтъ трамвая!

Восторженный мастеровой захохоталъ. Усмѣхнулись и другіе.

Коля наклонилъ голову и сталъ застегивать уже застегнутую пуговицу пальто.

— То-есть, не трамвай... а этотъ самый... какъ его...

— Дирижабль? — подсказалъ кто-то изъ угла.

Лизочка звонко расхохоталась. Коля насильственно улыбнулся и пошутилъ:

— Ну, вотъ... вы еще скажите: воздушный шаръ! Да... сажусь въ дилижансъ, а онъ меня, ка-акъ толкнетъ! — Извинитесь! — Не желаю.—Извинитесь! — Не желаю. — Ага... не желаете?—Схватилъ его, да въ запертое окно — трахъ! — и выбросилъ. Двѣнадцать рублей потомъ взыскали съ меня за разбитое стекло! хе-хе-хе...

Всѣ сконфуженно молчали.

Толстый купецъ, сосѣдъ Коли, закашлялся и, наклонившись, сплюнулъ. Плевокъ описалъ полукругъ, попалъ на лакированный ботинокъ Коли и застылъ на немъ.

Лизочка это видѣла и замѣтила, что это видѣлъ и Коля. Коля, въ свою очередь, чувствовалъ, что Лизочкѣ извѣстно позорное состояніе его ботинка, но, вмѣсто того, чтобы потребовать отъ купца извиненія, онъ потихоньку пододвинулъ ногу подъ скамейку и угрюмо, злобно проговорилъ:

— А то еще былъ со мной такой забавный слу...

— Ладно, пойдемъ,—нервно вскочила Лизочка.—Намъ здѣсь сходить.

Коля Кинжаловъ и Лизочка, съежившись подъ мелкимъ дождемъ, молча шли къ театру.

Коля ненавидѣлъ и театръ, и ботинокъ, и Лизочку, и себя — главнымъ образомъ, себя.

Сзади, ихъ кто-то догонялъ.

Мокрый мастеровой внезапно выпрыгнулъ изъ тьмы, остановился около электрическаго фонаря и, подойдя бокомъ къ Колѣ, негодующе и презрительно ткнулъ пальцемъ въ его щеку.

— Эхъ, ты! Курица... Туда же... Отчего ты не свистнулъ его по уху? Интеллигенты!

Обиженный мастеровой вздохнулъ и скрылся во тьмѣ.

А Коля оперся плечомъ объ электрическій столбъ и, не стѣсняясь уже присутствія Лизочки, беззвучно плакалъ.

ПЬЯНЫЙ.

По троттуару Невскаго проспекта шелъ тихими шагами господинъ.

Проходя мимо освѣщенной витрины парикмахерской, онъ задорно подмигнулъ парикмахерской куклѣ, споткнулся о темную тѣнь отъ фонаря и потомъ съ неопредѣленной улыбкой на лицѣ остановился посреди троттуара, съ цѣлью завести часы.

Вынувъ изъ кармана дверной ключъ, онъ съ трудомъ продѣлъ его въ часовое кольцо и, повернувъ нѣсколько разъ, успокоенный, побрелъ дальше.

Въ головѣ у него бродила смутная мысль, что хорошо бы сказать сейчасъ грѣвшимся у костра извозчикамъ какую-нибудь утѣшительную рѣчь, или поцѣловать морду унылой лошади на углу... или спѣть что-нибудь такое, отъ чего всѣ бы плакали.

Господинъ остановился около чугуннаго льва передъ дверьми какого-то магазина и ласково погладилъ холодную спину звѣря.

— Зазябъ, цуцикъ? Ну, пойдемъ со мной, дурачокъ... Ну?

Видя, что левъ не обратилъ вниманія на ласковое приглашеніе, господинъ вздохнулъ, схватился за голову и, пошатываясь, побрелъ дальше.

Господинъ медленно приближался къ ярко освѣщенному подъѣзду кафе и, по мѣрѣ приближенія, благо-

душная улыбка на лицѣ его все тускнѣла и тускнѣла, давая мѣсто недоумѣнію и испугу.

Остановившись недалеко отъ подъѣзда, онъ открылъ ротъ и, смотря въ завѣсу ночи остеклянѣвшими отъ ужаса глазами, сталъ прислушиваться къ гудѣнію большого дугового фонаря...

— Господи! — прошепталъ онъ. — Что же это такое? Гудитъ!

Къ его удивленію, гуляющая публика совсѣмъ не обращала вниманія на это гудѣніе, проходя мимо съ самыми равнодушными лицами.

На душѣ у господина сдѣлалось тяжело.

Онъ неожиданно схватилъ какого-то маленькаго худого прохожаго за руку и таинственно отвелъ его въ сторону.

— Что вамъ угодно?—спросилъ тотъ изумленно.

— Вы... ничего не слышите?

— Ничего. А что?

— Гудитъ!

— Что гудитъ?

— Вы слышите?! Гу-у... Это ужасно!

— Что жъ такое? Это обыкновенный дуговой фонарь.

— Но вѣдь онъ гудитъ!!

— Это ничего не значитъ. Послушайте... шли бы вы спать!

Господинъ заплакалъ и, цѣпляясь за руку прохожаго, вскричалъ:

— Неужели, вы это дѣло такъ оставите?

— Да какое же дѣло?

— Гудитъ! Ахъ, ты, Господи! Гудитъ, а они идутъ мимо... Звѣри... дикари...

Господинъ подошелъ къ пожилой дамѣ и, взявши ее за голову, наклонилъ къ своему уху.

— Гудитъ? Слышите?—таинственно шепнулъ онъ.

Дама закричала.

— Чего ты кричишь? Легком...мысленная женщина.

— Я позову городового!

— Вѣрно! Можетъ, начальство обратитъ вниманіе... Я самъ пойду, позову городового.

Оставивъ легкомысленную даму, господинъ подошелъ къ городовому и сталъ дѣлать ему рукой таинственные знаки... Онъ кивалъ пальцемъ, моргалъ глазами, причмокивалъ и, выпучивъ щеки, шепталъ:

— Г. городовой! Г. городовой!!

— Что прикажете?

— Обратите ваше вниманіе...

— На что, господинъ?

— Гудитъ!

— Гдѣ? Что?

— Пойдемъ, покажу.

Подтащивъ городового къ фонарю, господинъ со страхомъ поднялъ палецъ вверхъ и шепнулъ:

— Гудитъ!

— Да-съ. Фонарь.

— Городовой?! Зачѣмъ онъ гудитъ!

— Да вамъ-то что, господинъ? Пусть себѣ гудитъ.

— Городовой?! Зачѣмъ онъ такъ?

— Идите спать!

— Не могу я этого такъ, милый, оставить!

— Что же вы сдѣлаете?

— Поѣду... къ... градоначальнику! къ преосвященному... Пусть они обратятъ вниманіе. Гудитъ... Несчастный я человѣкъ.

Городовой ушелъ, а господинъ стоялъ, поднявъ измученное, утомленное лицо къ фонарю, и грозилъ ему пальцемъ:

— Гудишь! Я ттебѣ погу...жу!

Онъ задумался и потомъ поправился:

— Погудю!

Проходила какая-то дѣвица:

— Пойдемъ со мной, дуся.

— Миллая! Не могу я пойти.

— Почему?

— Какъ же я его такъ оставлю!

Онъ долго и подробно сталъ объяснять дѣвицѣ о причинахъ, удерживающихъ его здѣсь.

— Ну, какое тебѣ дѣло, что гудитъ? Что тебѣ такое? Фонарей не видалъ?

— Господи! Никто меня не понимаетъ... Вѣдь гудитъ онъ! Понимаешь, такъ: гууу...

— Да тебѣ обидно, что ли?

— Не могу я такъ этого оставить... Пойми меня: иду я по улицѣ тихо, благородно, никого не трогаю, а онъ вдругъ гуу... гудитъ! Какъ я могу это оставить? Вѣдь это—столица.

— Ну, и стой здѣсь, какъ дуракъ.

Съ хитрой улыбочкой господинъ погрозилъ ей пальцемъ, сѣлъ на ступеньки подъѣзда и, растегнувъ бобровую шубу, сказалъ:

— Не могу я этого такъ оставить! Гудишь? Гуди, чтобъ ты лопнулъ! Я около тебя посижу.

Господинъ задремалъ. Троттуары пустѣли, огни постепенно гасли и, когда запоздалые посѣтители кафе, наконецъ, вышли, выругавъ разсѣвшагося на ступенькахъ человѣка, фонарь неожиданно пересталъ гудѣть. Онъ странно замигалъ, блеснулъ ярко еще разъ и—погасъ...

— Ага!—сказалъ господинъ, удовлетворенно вздыхая.—А то—гудѣть. То-то.

Улыбнулся, прищелкнулъ пальцами и, запахнувъ шубу, пошелъ невѣрными шагами по троттуару, постепенно удаляясь, пока не слился съ сѣрой тьмой дремавшей улицы.

СЛУЖИТЕЛЬ МУЗЪ.

— Къ вамъ можно?

Не дожидаясь отвѣта, ко мнѣ въ кабинетъ бокомъ протиснулся высокій парень съ тупымъ взглядомъ исподлобья и порывистыми, безъ всякой логики, движеніями.

— Это вы самый и есть редакторъ?

— Не скрою... Я, дѣйствительно, немного замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ.

— Такъ. Странно только, что лицо у васъ не редакторское. Такое, какое-то... недалекое.

— Послушайте...

— Да вы не обижайтесь... Вѣдь я не ставлю вамъ этого въ вину.

— Что вамъ нужно?

— Принесъ стихи!

— Хорошо... Оставьте! Отвѣтъ черезъ двѣ недѣли...

— Э, нѣтъ! Мы эти штуки знаемъ... Я хочу, чтобы вы ихъ сейчасъ прочли.

Будучи втайнѣ золъ на посѣтителя за его отзывъ о моемъ лицѣ, я рѣшилъ затянуть отвѣтъ еще больше, чѣмъ на двѣ недѣли.

— Зайдите какъ-нибудь зимою. Тогда я... Впрочемъ можно прочесть ихъ и сейчасъ!

Послѣдняя фраза была произнесена мной невольно,

послѣ того, какъ я поднялъ глаза на посѣтителя и увидѣлъ направленное на меня дуло револьвера.

Съежившись, я небрежно спросилъ:

— Вы хотите показать мнѣ систему вашего револьвера?

— Нѣтъ, я хочу показать свою систему бесѣды съ людьми вашего пошиба. Скажите, хотѣли бы вы получить кусокъ свинца въ лобъ?

Я категорически отказался отъ этого.

— Во первыхъ, мнѣ сейчасъ некогда! Затѣмъ, ваше предложеніе такъ неожиданно... Я подумаю. Зайдите на-дняхъ.

— Да ты стихи прочтешь или нѣтъ!?—заревѣлъ посѣтитель, потрясая револьверомъ.

— Конечно, конечно... Я увѣренъ, что стихи ваши превосходнаго сорта.

— Еще бы! Эй! Убери отъ звонка лапу, а то я ее перешибу!!

— Вы думаете, я хотѣлъ позвонить? Глубоко ошибаетесь... Какой у васъ красивый почеркъ!

— Нужно быть упадочникомъ и дегенератомъ, чтобы, держа такое произведеніе въ рукахъ, восхищаться только почеркомъ. Читай,—но съ чувствомъ! Это съ чувствомъ?

Я исполнилъ его приказаніе лишь на половину, потому, что сталъ читать рукопись съ чувствомъ глубокаго отвращенія. Она начиналась такъ:

Что вы жирныя? Что сѣрыя?
Дьяволъ васъ на свѣтъ призвалъ..
Думы—мыши... васъ безъ мѣры я
Ненавидѣлъ. Цѣловалъ
Вашъ овалъ.
Какъ шаманъ, я дикъ, я страшенъ—
Не хочу въ подвалъ,
Одинокъ, я въ зубьяхъ башенъ
Черепа овалъ
Цѣловалъ!..

Закрывши глаза и приложивъ въ разсѣянности револьверъ къ животу, поэтъ наслаждался музыкой своихъ стиховъ. Я хотѣлъ потихоньку дернуть его за руку, палецъ которой былъ на куркѣ, но поэтъ открылъ одинъ глазъ и вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Читали вы что-нибудь подобное?

Совершенно искренно я отвѣтилъ:

— Ничего подобнаго я не читалъ.

— То-то же... Вы третью строку поняли?

— Ахъ, это гдѣ мыши?.. Очень, очень мило.

— Вы поняли, что такое мыши?

— Какже! Это такія сѣрыя животныя изъ породы грызуновъ, которыя...

— Боже! И такой человѣкъ—редакторъ! Ну, гдѣ у васъ мозги? Я спрашиваю, гдѣ ваши мозги?

Опасаясь, чтобы онъ въ поискахъ моихъ мозговъ не вспомнилъ о револьверѣ, я поспѣшилъ замять этотъ щекотливый вопросъ.

— А эта строка у васъ—чудо, что такое!

Какъ шаманъ, я дикъ, я страшенъ...
Не хочу въ подвалъ!

— Ты догадался, почему онъ не хочетъ въ подвалъ?

— Гм... Конечно! Надѣюсь, у него были основательныя причины для этого.

— У тебя въ разговорѣ ужасно пошлая проза... Я увѣренъ, что тебѣ не понятна даже такая элементарная строка:

Одинокъ я въ зубьяхъ башенъ...

— Испыталъ ли ты такое одиночество?

— Откровенно говоря, такое одиночество мнѣ не перепадало. Такъ, вообще, кое-что... было.

— Тебѣ, вѣроятно, незнакомо и это переживаніе:

Черепа овалъ
Цѣловалъ...

— Переживалъ ты это?

— Погодите... Дайте вспомнить! Вы говорите: овалъ черепа? Нѣтъ!.. Насколько память мнѣ не измѣняетъ—не приходилось.

Я скорбно вздохнулъ.

— Да и гдѣ мнѣ! Такъ, живешь себѣ безъ всякаго удовольствія...

— Потому что ты не поэтъ, а червь.

— Совершенно вѣрно. Это вы тонко подмѣтили.

— Ну такъ вотъ... Оставляю тебѣ это стихотвореніе... Не благодари! Терпѣть не могу, когда мнѣ руки лижутъ. Заплатить можешь сейчасъ. Постой—сколько тутъ строкъ? Десять? Ну, будемъ считать для ровнаго счета—пятнадцать... я беру по три рубля строка, (это ты заруби себѣ на носу) значитъ, сорокъ пять... ну, для ровнаго счета—пятьдесятъ рублей!

Искоса взглянувъ на револьверъ, я вынулъ изъ бумажника деньги и робко положилъ на столъ.

Взявши ихъ, онъ сказалъ:

— Только слово «сѣрыя» напечатайте сѣрой краской...

— Виноватъ, но типографскія условія...

Стуча револьверомъ по столу, онъ отчетливо отчеканилъ:

— Знайте, что для меня типографскихъ условій не существуетъ! Я хочу, чтобы мои стихотворенія производили на публику впечатлѣніе...

— Бреда сумасшедшаго,—хотѣлъ докончить я вслухъ, но промолчалъ.

Когда онъ всталъ и спряталъ опасное оружіе, собираясь прощаться, я предложилъ ему, втайнѣ дрожа отъ радости, что онъ уходитъ:

— Можно тамъ, гдѣ вы говорите о жирныхъ мышахъ...

— Ну...

— Напечатать слово «жирныя» жирнымъ шрифтомъ. Это произведетъ впечатлѣніе...

— Идіотъ!

Онъ презрительно пожалъ плечами и вышелъ, пропуская ко мнѣ въ кабинетъ нашего сотрудника.

— Скажите,—угрюмо спросилъ я,—что это за сумасшедшій?

Сотрудникъ удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Сумасшедшій?.. Это извѣстный поэтъ-модернистъ. Его вездѣ охотно печатаютъ.

Я уткнулся въ бумаги и проворчалъ:

— Охотно вамъ вѣрю.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ.

ИЗЪ ВЫСТАВОЧНЫХЪ ВСТРѢЧЪ.

До сихъ поръ, при случайныхъ встрѣчахъ съ модернистами, я смотрѣлъ на нихъ съ нѣкоторымъ страхомъ: мнѣ казалось, что такой художникъ-модернистъ среди разговора или неожиданно укуситъ меня за плечо, или попроситъ взаймы.

Но это странное чувство улетучилось послѣ перваго же ближайшаго знакомства съ такимъ художникомъ.

Онъ оказался человѣкомъ крайне миролюбиваго характера и джентльменомъ, хотя и съ примѣсью безстыднаго лганья.

Я тогда былъ на одной изъ картинныхъ выставокъ, сезонъ которыхъ теперь въ полномъ разгарѣ, — и тратилъ вторые полчаса на созерцаніе висѣвшей передо мной странной картины.

Картина эта не возбуждала во мнѣ веселаго настроенія... Черезъ все полотно шла желтая полоса, по одну сторону которой были наставлены маленькія закорючки чернаго цвѣта. Такія же закорючки, но лиловаго цвѣта, пріятно разнообразили тонъ внизу картины. Сбоку висѣло солнце, которое было бы очень недурнымъ астрономическимъ свѣтиломъ, если бы не было одностороннимъ и притомъ— голубого цвѣта.

Первое предположеніе, которое мелькнуло во мнѣ при взглядѣ на эту картину, — что предо мной морской

видъ. Но черныя закорючки сверху разрушали это предположеніе самымъ безжалостнымъ образомъ.

— Э! — сказалъ я самъ себѣ. — Ловкачъ-художникъ просто изобразилъ внутренность нормандской хижины...

Но одностороннее солнце всѣмъ своимъ видомъ и положеніемъ отрицало эту несложную версію.

Я попробовалъ взглянуть на картину въ кулакъ: впечатлѣніе сконцентрировалось и удивительная картина стала еще непонятнѣе...

Я пустился на хитрость — крѣпко зажмурилъ глаза и потомъ, поболтавъ головой, сразу широко открылъ ихъ...

Одностороннее солнце по-прежнему пузырилось выпуклой стороной и закорючки съ утомительной стойкостью висѣли—каждая на своемъ мѣстѣ.

Около меня вертѣлся уже минутъ десять незнакомый молодой господинъ съ зеленоватымъ лицомъ и такимъ широкимъ галстухомъ, что я долженъ былъ все время вѣжливо отъ него сторониться. Молодой господинъ заглядывалъ мнѣ въ лицо, подергивалъ плечомъ и, вообще, выражалъ живѣйшее удовольствіе по поводу всего его окружающаго.

— Чортъ возьми!—проворчалъ я, наконецъ, потерявъ терпѣніе.—Хотѣлось бы мнѣ знать автора этой картины... Я бъ ему...

Молодой господинъ радостно закивалъ головой.

— Правда? Вамъ картина нравится?! Я очень радъ, что вы оторваться отъ нея не можете. Другіе ругались, а вы... Позвольте мнѣ пожать вамъ руку.

— Кто вы такой?—отрывисто спросилъ я.

— Я? Авторъ этой картины! Какова штучка?!

— Да-а... Скажите, — сурово обратился я къ нему — Что это такое?

— Это? Господи Боже мой... «Четырнадцатая скрипичная соната Бетховена, опусъ 18». Самая простѣйшая соната.

Я еще разъ внимательно осмотрѣлъ картину.

— Соната?

— Соната.

— Вы говорите 18-й опусъ?—мрачно переспросилъ я.

— Да-съ, 18-й.

— Не перепутали ли вы? Не есть ли это пятая соната Бетховена; опусъ 24-й.

Онъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ... Насколько я помню, это именно четырнадцатая соната.

Я недовѣрчиво всмотрѣлся въ его зеленое лицо.

— Объясните мнѣ... какія бы измѣненія сдѣлали вы, если бы вамъ пришлось передѣлать эту вещь опуса на два выше?.. Или дернуть даже шестую сонату... А? Чего намъ съ вами, молодой человѣкъ, стѣсняться? Какъ вы думаете?

Онъ заволновался.

— Такъ нельзя... Вы вводите въ настроеніе математическое начало... Это продуктъ моего личнаго переживанія! Подходите къ этому, какъ къ 14-й сонатѣ.

Я грустно улыбнулся.

— Къ сожалѣнію, мнѣ трудно исполнить ваше предложеніе... О-очень трудно! 14-й сонаты я не увижу.

— Почему?!!

— Потому, что ихъ всего 10. Скрипичныхъ сонатъ Бетховена, къ сожалѣнію, всего 10. Старикашка былъ прелѣнивымъ субъектомъ.

— Что вы ко мнѣ пристаете?! Значитъ эта вещь игралась не на скрипкѣ, а на віолончели!.. Вотъ и все! На высокихъ нотахъ... Я и переживалъ.

— Старикъ, какъ будто задался цѣлью строить вамъ козни... Віолончельныхъ-то сонатъ всего 6 имъ и состряпано.

Мой собесѣдникъ, удрученный, стоялъ, опустивъ голову и отколупывалъ отъ статуи кусочки гипса.

— Не надо портить статуи,—попросилъ я.

Онъ вздохнулъ.

У него былъ такой видъ, что я сжалился надъ заблудившимся импрессіонистомъ.

— Вы знаете... Пусть это останется между нами. Но при условіи, если вы дадите мнѣ слово исправиться и начать вести новую честную жизнь. Вы не будете выставлять такихъ картинъ, а я буду помалкивать о вашемъ этомъ переживаніи. Ладно?

Онъ сморщилъ зеленое лицо въ гримасу, но обѣщалъ.

Черезъ недѣлю я увидѣлъ на другой выставкѣ новую его картину: «7-я фуга Чайковскаго, Оп. 9, изд. Ю. Г. Циммерманъ».

Онъ не сдержалъ обѣщанія. Я—тоже.

НАСТОЯЩІЕ ПАРНИ.

ГЛАВА I. ЗНАКОМСТВО.

— Чуть-чуть не упалъ!

— Чуть-чуть не—считается.

Этими знакомыми каждому биллiардному игроку тривіальными возгласами обмѣнялись двое играющихъ: маркеръ и пріятный господинъ, съ быстрыми черными глазами и увѣренными манерами.

Я выждалъ, пока они кончили партію, и, поклонившись пріятному господину, сказалъ:

— Не желаете ли со мной одну?

— Пожалуйста. Въ пирамидку, по 5 рублей.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чувствуя къ нему непобѣдимую симпатію, я ласково улыбнулся и сталъ выбирать кій.

Первую партію я проигралъ. Съ добродушной привѣтливостью онъ согласился на вторую, которую проигралъ я же. Потомъ, ему, очевидно, неловко было отказывать мнѣ въ продолженіи игры, и я проигралъ девять партій, заплативъ все, что было у меня въ бумажникѣ.

Господинъ смотрѣлъ на меня очень сочувственно и, когда я снялъ съ пальца, брилліантовое кольцо, онъ долго уговаривалъ меня не дѣлать этого.

Но во мнѣ заговорилъ игрокъ. Это воображаемое безпокойное существо заговорило во мнѣ такъ сильно, что, послѣ кольца пришлось заткнуть ему глотку золотыми часами и двумя брелоками.

Послѣ этого, игрокъ во мнѣ уже не говорилъ, а вопилъ благимъ матомъ.

Я обшарилъ карманы и, не найдя въ нихъ ничего, кромѣ мелочи, рѣшительно подошелъ къ вѣшалкѣ.

— Пальто!—предложилъ я.

Онъ отвѣтилъ лаконически:

— Нѣтъ. Холодно. Замерзнете.

Дрожа отъ нетерпѣнія, я сжалъ лихорадочными руками голову.

— Вотъ что... У васъ есть слуга?

— Нѣтъ!—сказалъ онъ, смотря на меня.

— Ставлю мѣсяцъ своихъ услугъ у васъ, въ качествѣ камердинера или чего другого — противъ двадцати пяти рублей.

Наморщивъ брови, господинъ рѣшительно подошелъ ко мнѣ.

— Покажите руки! Ого... Мускулы есть. Работать все умѣете? Неприхотливы? Сигаръ воровать не будете? Ладно. Мѣсяцъ службы у меня идетъ въ двадцати пяти рубляхъ. Пища моя.

Я старался играть, какъ можно осторожнѣе и лучше, но онъ игралъ съ дикимъ вдохновеніемъ и выигралъ у меня эту партію такъ же, какъ предыдущія,—очень быстро.

Я хотѣлъ предложить еще мѣсяцъ службы, но онъ бросилъ кій и строго сказалъ:

— Баста! Въ качествѣ хозяина, запрещаю вамъ предлагать мнѣ продолженіе игры. Какъ васъ зовутъ?

— Григоріемъ,—почтительно отвѣтилъ я.

— Ладно. Я тебя буду называть Гарри. Гарри! Возьми платяную щетку и счисти съ меня мѣлъ.

Я почистилъ его платье, подалъ пальто, и мы вышли, незнакомые еще другъ съ другомъ, чужіе...

Я былъ молчаливъ и шагалъ сзади, усталый, перемазанный мѣломъ, а онъ, легкой молодцоватой походкой, шелъ впереди, насвистывая прекрасный мелодичный мотивъ.

Мы пришли въ лучшую гостиницу города. Непосредственно за этимъ очутились въ прекрасномъ номерѣ изъ двухъ комнатъ, служившемъ, очевидно, моему хозяину временной квартирой.

Я снялъ съ него пальто и остановился у дверей.

Онъ развалился на диванѣ, забросилъ ноги на его спинку и сказалъ:

— Гарри!

— Что угодно?

— Ты мнѣ нравишься, Гарри. Сегодня я хочу поужинать съ тобой, причемъ разрѣшаю держать себя со мной, какъ съ равнымъ. Слуга на сегодня—къ чорту!

Я подошелъ къ другому дивану, легъ на него, задравши ноги, и весело сказалъ:

— А какимъ ужиномъ ты бы меня, милый человѣкъ, накормилъ? Э?

— Позвони, пожалуйста, мы сейчасъ обсудимъ это съ метродотелемъ.—Кнопка у дверей.

— Позвони, пожалуйста, лучше ты. Я дьявольски усталъ. Кнопка у дверей...

Черезъ десять минутъ мы сидѣли за прекраснымъ, обильнымъ ужиномъ.

Мой хозяинъ, котораго на сегодня мнѣ было разрѣшено называть Мишей, былъ милъ, добродушенъ и джентельменски вѣжливъ.

— Гарри! — повторялъ онъ, наливая мнѣ вина. — Ты настоящій парень.

Въ знакъ благодарности я небрежно кивалъ головой.

— Можетъ, ты, Гарри, интересуешься знать, кто я такой? Я, братъ, уфимскій помѣщикъ Михаилъ Петровичъ Дыбинъ. Да... Помѣщикъ я. Двѣ тысячи десятинъ земли имѣніе, мельница, образцовый питомникъ.

Я равнодушно зѣвнулъ.

— Двѣ тысячи? Удобной много?

— Много.

Онъ помолчалъ, подлилъ мнѣ вина, и, потомъ, положивъ свою руку на мою, весело воскликнулъ:

— Нравишься ты мнѣ, Гарри! Ты — настоящій парень. Знаешь, Гарри, совралъ я тебѣ. Никакой я не помѣщикъ, и земли у меня удобной нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ вся земля нашей планеты для меня неудобная, потому что не моя. Меня смѣшитъ: откуда это я про питомникъ взялъ? Скажешь и самъ не знаешь, какъ это оно вышло.

— Ничего, Миша, — улыбнулся я. — Ты меня не обидѣлъ этимъ.

Мы чокнулись.

— Да, братъ. Гдѣ тамъ быть мнѣ помѣщикомъ... Живу я съ того, что имѣю въ Тифлисѣ домъ. Купецъ я. Домина доходный, на Арнаутской улицѣ... Только управляющій жуликъ.

— А ты его прогони, — посовѣтовалъ я, разрѣзая рябчика.

— Прогоню,—пообѣщалъ Миша.

Потомъ, выпивъ залпомъ стаканъ хереса, онъ хлопнулъ меня по плечу и залился хохотомъ.

— Гарри! А вѣдь это я тебѣ совралъ. Врешь вотъ и самъ не знаешь—зачѣмъ? Никакой я не купецъ и не помѣщикъ, и дома у меня нѣтъ, и насчетъ управляющаго я не имѣю права сказать дурного слова, потому что управляющаго-то нѣтъ... Гарри! Ты, я вижу, стоющій парень и безъ предразсудковъ... Знаешь, кто я?

— Генералъ отъ инфантеріи?—добродушно спросилъ я

— Воръ, Гарри, самый настоящій профессіональный воръ! Но я этимъ, Гарри, не горжусь. Гордость—скверное мелкое чувство ничтожныхъ натуръ!

Онъ закатился хохотомъ.

— Тогда, — сказалъ я, вставая,—я долженъ передъ тобой извиниться... Я принималъ тебя, признаться, за человѣка другого склада. Если такъ, то получай.

Я вынулъ изъ своего кармана золотые часы съ его

монограммой и жемчужную булавку, которая во время игры украшала его галстукъ.

Онъ удивленно посмотрѣлъ на меня, схватился за карманъ, за галстукъ и потомъ крѣпко пожалъ мою руку.

— Спасибо. Въ такомъ случаѣ, я, по справедливости, долженъ вернуть тебѣ твое кольцо и часы. Потому, что, хотя они тобой и проиграны, но, главнымъ образомъ, потому, что я тихонько переложилъ пару твоихъ шаровъ къ себѣ.

— Какихъ?—спросилъ я дѣловымъ тономъ.

— 14 и 10.

— Гм... Тогда я отбираю, конечно, часы. Потому что, хотя я тоже переложилъ къ себѣ, когда ты зазѣвался, два твоихъ шара, но это были 9 и 7. Разница въ мою пользу!

Мы помолчали.

— Ты, однако, хорошо устроился!

— Опытъ, Гарри, опытъ! Когда я пріѣзжаю въ какой-нибудь городъ — мнѣ нуженъ только тяжелый чемоданъ и три рубля. Я ѣду въ лучшую гостиницу и, первымъ долгомъ ни съ того, ни съ сего, бросаю швейцару на чай послѣдніе три рубля. Затѣмъ, требую самый дорогой номеръ. По гостинницѣ разносится дуракомъ-швейцаромъ слухъ, что пріѣхалъ дьявольскій богачъ. Непосредственно затѣмъ, я спускаюсь въ ресторанъ при гостиницѣ, требую ужинъ, вина, фруктовъ, сигаръ, — такъ рублей на двадцать. Это для того, чтобы сразу задолжать хозяину, и ему будетъ жаль потомъ со мной разстаться. Эти дураки всегда льстятъ себя надеждой получить долгъ. Ну, а потомъ... когда мнѣ больше невмоготу—я бросаю свой чемоданъ на произволъ судьбы и ѣду въ другую гостиницу.

Онъ добродушно улыбнулся.

— Изъ всѣхъ кирпичей, которые послѣ моего отъѣзда обнаруживались въ чемоданахъ, можно было бы къ моему юбилею построить небольшой, но доходный домикъ хотя бы на Арнаутской улицѣ.

Мы проболтали до поздней ночи.

Ложась спать, хозяинъ сказалъ мнѣ:

— Гарри! Ты любишь женщинъ?

— Женщины — зло! Но я никогда не желалъ себѣ добра.

— Гарри! Недавно я вступилъ съ одной рябой кухаркой въ преступную связь. Меня, нужно тебѣ сказать, привлекаетъ не пріятная шероховатость ея лица при поцѣлуяхъ, а ея господа, и, главнымъ образомъ, тѣ маленькія штучки, которыя лежатъ въ столикѣ спальной комнаты госпожи.

— Я тебѣ нуженъ?—серьезно спросилъ я.

— Да. Завтра господа уѣзжаютъ въ театръ или еще куда-то. Пока я буду предаваться съ кухаркой изнѣженности нравовъ, ты можешь совершить поступокъ, недостойный джентльмена, — войти въ спальню честной женщины.

— Сдѣлано, — пообѣщалъ я, засыпая.

Я спалъ спокойно. Мнѣ и не грезились тѣ странныя, непостижимыя, неожиданныя вещи, которыя случились со мной сутки спустя...

ГЛАВА II. ДѢЛО.

Притворяясь лихимъ, веселымъ парнемъ безъ предразсудковъ, я долженъ сознаться, что втайнѣ страшно побаиваюсь: а что если читатель отнесется ко мнѣ не съ благосклонной улыбкой, а съ отвращеніемъ и гадливостью?..

Мнѣ это было бы ужасно больно.

Поймете ли вы меня, когда я скажу, что у меня не поднялась бы рука убить муху... Но если бы у той же мухи звенѣлъ въ карманѣ кошелекъ и по желтому брюшку змѣилась часовая цѣпь — я, не задумываясь, лишилъ бы собственницу этихъ сокровищъ: времени и денегъ.

Будь это американская муха, она была бы ужасно огорчена пропажей, потому что ужъ это извѣстно: для американцевъ дороже всего время и деньги.

Если вдуматься въ мое поведеніе серьезно, то ничего

особенно предосудительнаго въ немъ и не было... Дебютировалъ я бумажникомъ одного солиднаго на видъ господина. Но наружность обманчива! Цѣлый вечеръ я потерялъ на чтеніе глупѣйшихъ любовныхъ писемъ, среди которыхъ довольно сомнительную цѣнность представляла просроченная ломбардная квитанція... И золотые часы, вытащенные вскорѣ послѣ этого у другого господина, оказались самой наглой возмутительной поддѣлкой. Разсмотрѣвъ ихъ хорошенько, я немедленно вручилъ эту машину незнакомому мальчишкѣ, уронившему на улицѣ бутыль съ молокомъ и оравшему такъ, будто онъ раскололъ себѣ черепъ.

Исполнивъ свой долгъ и оправдавшись передъ читателями, перехожу къ вечеру слѣдующаго за нашимъ знакомствомъ съ Дыбинымъ дня.

— Гарри! — сказалъ мнѣ Дыбинъ, когда мы шагали къ предмету пылкой его привязанности — кухаркѣ, носившей на лицѣ пустяковые остатки черной оспы. — Ты не осуждаешь меня за связь съ женщиной не нашего круга?

Я протянулъ ему руку.

— Нѣтъ, Миша! Ты долженъ только возвысить ее до себя.

— Ладно. Только, если я не ухитрюсь продѣлать это сегодня—я, вообще, не сдѣлаю этого, потому что сегодня мнѣ хочется провести то, что банковскіе дѣятели называютъ: ликвидація предпріятія.

Когда мы вошли въ кухню, насъ встрѣтили съ тѣмъ энтузіазмомъ и пылкостью, которые пріобрѣтаются лишь долголѣтнимъ дежурствомъ у плиты.

У кухарки была гостья—прачка изъ ресторана, но это нашихъ плановъ не портило.

Дыбинъ взялъ меня подъ руку и, расшаркавшись передъ дамами, сказалъ:

— Хотя въ свѣтѣ не принято приводить къ очаровательнымъ хозяйкамъ друзей, которые могутъ отбить

этихъ хозяекъ (мелодичный визгъ кухарки и хихиканье прачки), но я взялъ на себя такую смѣлость, потому что это—мой лучшій другъ. Онъ пять разъ спасалъ меня отъ смерти, не говоря о томъ, что вынянчилъ меня! Что? Вы говорите, онъ моложе меня? Сударыни! Гдѣ кричитъ привязанность, тамъ годы безмолвствуютъ, какъ говорилъ старикъ Смитъ и Вессонъ! Занимая скромную должность полотера въ монакскомъ посольствѣ, другъ мой сохранилъ до сихъ поръ ясность мысли и здравость сужденій, въ чемъ легко можно убѣдиться,'даже не дотрагиваясь до него руками.

Рѣчь Дыбина лилась, какъ рокочущій весенній ручей, и дамы не сводили съ оратора затуманенныхъ восторгомъ и преклоненіемъ глазъ.

Я поклонился съ той скромностью, которая выгодно отличала меня въ отношеніяхъ съ людьми и, подойдя къ прачкѣ, благожелательно ущипнулъ ее за локоть.

Такой галантный пріемъ вызвалъ изъ устъ прачки легкое восклицаніе восторга. Она кокетливо хлопнула меня по плечу подносомъ, который до этого застѣнчиво вертѣла въ рукахъ, и мы сразу почувствовали себя легко и свободно.

Сѣли, и разговоръ съ житейскихъ и общественныхъ—перешелъ на литературныя темы.

— Вы читали «Никъ Картера»?—спросила меня прачка, поправляя въ волосахъ элегантный цвѣтокъ изъ красной папиросной бумаги.

— Не удосужился еще. Теперь я занятъ штудированіемъ многотомнаго труда «Путешествіе Пипина Коротказо къ истокамъ африканской рѣки Какао-Шуа». Штучка, достойная удивленія.

— Не скажу,—поморщился Дыбинъ.—Лучшіе труды по этому вопросу принадлежатъ не Бетховену, а Святополку Окаянному.

Потомъ мы пили чай. А когда кухаркины господа уѣхали и наверху воцарилась тишина—мы стали танцовать.

Вальсъ танцовали томно и страстно, подъ заунывный исполненный прачкой, мотивъ:

— Тралла-ла-ла-ла...

А потомъ съ огонькомъ и завиднымъ оживленіемъ протанцовали кадриль.

Дыбинъ на мотивъ «По дорожкѣ зимней, скучной» пѣлъ «Прибѣжали въ избу дѣти».

Особенное веселье и бѣшеная пляска шла подъ слова:

Безобразный, трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ...

А послѣ словъ:

И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились,

я такъ развеселился, что сдѣлалъ, къ восторгу дамъ замысловатое сальтомортале.

Усталые, мокрые, сѣли ужинать и за ужиномъ пили наливку. А потомъ я всталъ и печально, но твердо сказалъ:

— Мнѣ пора!

— Нѣтъ ужъ, посидите еще, — умоляюще попросила кухарка.

Прачка придавила подъ столомъ мою ногу, и со вздохомъ сказала:

— Конечно. Мы понимаемъ. Ихъ ждутъ дамы въ шляпкахъ. Гдѣ намъ!

— Сударыня! — вскричалъ я. — Повѣрьте: вашъ образъ навсегда зафиксируется въ моемъ сердцѣ. Кромѣ васъ, у меня нѣтъ ни одной дамы. Были, но... «Однѣхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече», какъ нѣкогда остроумно выразился Сади Карно... Сударыня... Пожалуйте мнѣ эту розу съ вашихъ волосъ... Я засушу ее въ книжечкѣ для записи расходовъ.

У кухарки я вѣжливо поцѣловалъ руку, чѣмъ привелъ ее въ восторженное замѣшательство, а съ прачкой дружески и тепло расцѣловался... Двѣ чистыхъ, прозрачныхъ слезинки дрожали на ея синихъ глазахъ.

Кухарка встала, чтобы выпустить меня въ парадную дверь, но Дыбинъ ласково обнялъ ее и рѣшительно сказалъ:

— Нѣтъ, моя жизнь... Ты устала и тебѣ нужно отдохнуть. Я самъ его выпущу. Кромѣ того, мнѣ нужно сказать ему на прощанье нѣсколько словъ, о которыхъ вамъ, женщинамъ, нельзя знать.

Онъ беззаботно потрепалъ кухарку, тронутую его заботливостью, по спинѣ, и вышелъ со мной въ переднюю.

— Ну, Гарри, дѣйствуй! Шагами можешь не стѣсняться, такъ какъ я сейчасъ начну орать пѣсни; только обламывай дѣльце скорѣе, потому что тѣ могутъ вернуться каждую минуту. Дай, я тебя поцѣлую!

Я тихонько снялъ ботинки и пиджакъ и пошелъ по лѣстницѣ наверхъ, въ комнаты хозяевъ, а Дыбинъ открылъ парадную дверь, сказалъ громко: до свиданія! и, захлопнувъ ее, вернулся въ кухню.

Я безшумно крался по комнатамъ и, пройдя столовую и кабинетъ, безъ труда нашелъ спальню хозяевъ. Другая дверь изъ нея вела въ уборную, въ которой горѣлъ слабый ночникъ. Я оставилъ ботинки и пиджакъ въ уборной, вернулся въ спальню и рѣшительно приступилъ къ запертой шифоньеркѣ, гдѣ по словамъ Дыбина, лежало многое изъ того, что могло потомъ скрасить нашу неприхотливую жизнь.

Дыбинъ не ошибался.

Когда карманы мои оттопырились, я аккуратно задвинулъ ящикъ и уже сдѣлалъ шагъ къ уборной за ботинками, какъ внизу послышался звонокъ, потомъ шаги кухарки и голоса.

Не скажу, чтобы я испугался. Мнѣ было какъ-то неловко... Сейчасъ хозяйка дома застанетъ въ спальнѣ меня, смущеннаго, сконфуженнаго и незнакомаго ей человѣка... Чѣмъ я могу оправдаться? Э, чортъ возьми! Да тамъ и мужской голосъ!? Неужели, это мужъ!?

Не разсуждая, я прислушался къ приближавшимся шагамъ и юркнулъ подъ монументальную кровать, стоявшую въ углу.

До меня донесся шорохъ шелковыхъ юбокъ, тихіе мужскіе шаги и голоса:

Женскій.—Знаешь, Сережа, мой уважаемый супругъ, вѣроятно, удивленъ, что я за послѣднее время не устраиваю ему сценъ за позднюю карточную игру!

Мужской. — Ха-ха! Какъ ты ухитрилась сплавить его изъ театра?

Женскій. — Сказала, что мнѣ нужно отдать кухаркѣ распоряженіе и, кромѣ того, написать письма двумъ институтскимъ подругамъ. Онъ и уѣхалъ съ этимъ идіотомъ Крышкинымъ!

Я высунулъ голову изъ-подъ кровати и взглянулъ на разговаривающихъ. Онъ былъ безъ сюртука, а она съ голыми руками и грудью, что заставляло жестоко страдать мое врожденное цѣломудріе...

ГЛАВА III. РАЗВЯЗКА.

Въ дѣлахъ любовнаго характера я никогда до сихъ поръ не игралъ позорной, пассивной роли, которая выпала теперь на мою долю... У дамы были круглыя, гибкія руки, смутной бѣлизной мелькнувшія передо мной, когда она стягивала со стройной ноги черный чулокъ... Но эти руки должны были обвиться не вокругъ моей, а вокругъ посторонней мнѣ шеи... Когда дама отошла къ туалетному столику, на которомъ горѣла свѣча, — свѣтъ свѣчи упалъ сзади на прозрачную сорочку, и контуры голаго тѣла красавицы рельефной тѣнью обрисовались передо мной... Но эта тонкая талія должна была сжаться не моими руками... Стройныя, прекрасныя бедра, молодая расцвѣтшая грудь, черные глубокіе глаза, — все это было не мое, и у меня, поэтому, въ душѣ стало подыматься глухое чувство недовольства противъ ея наглаго обожателя.

Я считалъ его виновнымъ во всемъ:

Своимъ несвоевременнымъ появленіемъ онъ подвелъ меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ...

Онъ явился съ чужой женой, и я, несмотря на всю свою неиспорченность, догадывался, что онъ поставилъ себѣ твердой цѣлью сдѣлать энергичное покушеніе на права несчастнаго мужа...

Наконецъ, онъ своимъ идіотскимъ смѣхомъ и тихими поцѣлуями, будилъ во мнѣ нехорошія чувства, которыя, можетъ быть, безъ этого, дремали бы себѣ, да дремали...

Когда онъ подошелъ къ кровати и его нога очутилась около моего носа, я даже хотѣлъ ущипнуть его за эту противную, тощую конечность, но благоразуміе отдернуло мою руку, тѣмъ болѣе, что снизу донесся какой-то шумъ и голоса.

Дама прислушалась... Потомъ, въ ужасѣ, неожиданно воскликнула:

— Боже ты мой! Мужъ... Мы погибли.

Въ такихъ случаяхъ всѣ жены и ихъ обожатели почему-то увѣрены, что «они погибли», хотя все дѣло обыкновенно кончается нѣсколькими подзатыльниками по адресу любовника и парой-другой упрековъ, несмѣло брошенныхъ женѣ. Жена доказываетъ, что виноватъ, въ сущности, мужъ, и это такъ удручаетъ законнаго владыку, что онъ забываетъ пустить обожателю въ слѣдъ каминные часы или приборъ для сниманія ботинокъ. Такъ что, украшеніе щекотливаго положенія любовниковъ эффектной фразой «мы погибли» лишній разъ доказываетъ пустоту и вздорность всѣхъ влюбленныхъ.

Лежа подъ кроватью, я услышалъ шаги обожателя, юркнувшаго въ уборную, гдѣ лежалъ мой пиджакъ, шаги мужа, приближавшагося къ спальнѣ и легкій прыжокъ въ кровать—жены, у которой зубы стучали отъ совершенно безсмысленнаго страха.

— Ты не спишь, Маруся?—спросилъ мужъ, входя и приближаясь къ кровати.

— Не сплю, мое сокровище.

— Отчего ты такъ блѣдна, моя жизнь?

— Ничего. Здѣсь холодно.

— Что ты! Здѣсь африканская температура!

— Неужели? Значитъ, мнѣ жарко.

— Но ты дрожишь... Эге-ге!! Что это за мужская шляпа здѣсь на стулѣ?!!

— Жанъ! Это недоразумѣніе! Клянусь тебѣ...

Я рѣшилъ, что мнѣ время начать дѣйствовать.

Стараясь сохранить независимый видъ, я выползъ изъ-подъ кровати, сложилъ на груди руки и печально, но твердо сказалъ:

— Нѣтъ, Жанъ. Это не недоразумѣніе!..

Мужъ отшатнулся отъ меня. Жена вскрикнула и спрятала въ ужасѣ голову подъ одѣяломъ.

— Да... Я ее любилъ и люблю. Но, умоляю васъ, не обрушивайте свой гнѣвъ на эту кроткую страдалицу! Я виноватъ одинъ. Если хотите, я дамъ вамъ всяческое удовлетвореніе.

— Негодяй! Вы осмѣливаетесь...

— Сударь! — твердо сказалъ я. — Вы можете убить меня, но не оскорблять. (Втайнѣ я предпочелъ бы обратное). Я ее любилъ... Но развѣ это вина? Гдѣ корень любви?... Спросите цвѣтокъ, оживающій подъ лучами росистаго утра, спросите птичку...

— Къ чорту птичку! — заревѣлъ обиженный супругъ.

— Правда, если вы желаете, — это пернатое можетъ быть удалено изъ ряда метафоръ безъ ущерба для доказываемой мной аксіомы...

Моя солидная, внушительная рѣчь стала, очевидно, дѣйствовать на мужа. Этотъ безумецъ началъ успокаиваться.

Но жена высунула изъ-подъ одѣяла голову и вскричала, закрывая лицо руками:

— Жанъ! Повѣришь ли ты мнѣ, когда я тебѣ поклянусь, что не знаю этого господина?!

— Маруся!—сурово сказалъ я.—Надо быть мужественной. Мы обманывали твоего уважаемаго мужа, но мы же должны найти въ себѣ смѣлость и сознаться въ этомъ.

— Но я васъ не знаю! Это что-то удивительное... Какъ вы сюда попали?

— Я! Маруся! Неужели ты и сейчасъ будешь обманывать этого достойнаго человѣка?.. У меня и раньше было тяжело на душѣ, когда ты увѣрила его, что ѣдешь отдать распоряженіе кухаркѣ и написать ненаписанныя письма мифическимъ подругамъ... кромѣ того, ты непочтительно отозвалась о симпатичномъ пріятелѣ твоего мужа, Крышкинѣ, назвавши его идіотомъ.

— Сударыня! — угрюмо сказалъ мужъ. — И вы еще осмѣлились называть Крышкина идіотомъ?!

— Да... Вы осмѣлились?! — съ ноткой возмущенія въ голосѣ поддержалъ я.

— Жанъ! Я схожу съ ума! Онъ мнѣ совершенно незнакомъ...

— Мужчина безъ сюртука въ вашей спальнѣ подъ кроватью—и вы въ сторонѣ?—вскричалъ мужъ.

— Да... И вы въ сторонѣ?! Имѣйте мужество...

Лучшимъ выходомъ изъ положенія сбитой съ толку дамы было—залиться слезами, каковой жидкостью она и не замедлила залиться.

Я сказалъ:

— Итакъ, я къ вашимъ услугамъ. Вотъ моя карточка. Разрѣшите мнѣ надѣть въ уборной мой сюртукъ...

Онъ сѣлъ на кровать и сдѣлалъ усталый жестъ.

Я сунулъ ему въ руку карточку моего портного, посмотрѣлъ укоризненно на плачущую жену и вошелъ въ уборную.

Въ полутьмѣ мнѣ бросилась въ глаза жалкая, скрюченная фигура, прятавшаяся за рукомойникомъ.

Снятый ранѣе въ спальнѣ сюртукъ валялся тутъ же на столикѣ.

Испуганный обожатель приподнялся и сдѣлалъ мнѣ умоляющій жестъ.

— Что вы надѣлали! Я погибъ!—прошепталъ онъ.

Я отвѣтилъ наставительно, тоже шопотомъ:

— Надо быть нравственнѣе. Развратъ къ добру не ведетъ, молодой человѣкъ.

— Вы... уходите?

— А что же мнѣ здѣсь... Въ кошки-мышки играть, что ли?

— А... я?

— А вы, какъ знаете... Прощайте.

— Послушайте... Вы надѣли мой сюртукъ... отдайте!

— Убирайтесь къ чорту, — энергичнымъ шопотомъ посовѣтовалъ я.

— Тамъ деньги... Бумажникъ!! Я закричу...

— Закричи, идіотъ, — согласился я. — А я скажу, что ты—воръ и спрятался, чтобы обокрасть этихъ добрыхъ людей. Мужъ теперь за меня горой будетъ стоять. А ей никто, все равно, не повѣритъ.

— Тогда, спасите меня.

Онъ цѣплялся за меня дрожащими отъ ужаса руками. Я оттолкнулъ его ногой и вышелъ въ спальню.

— Сударыня!—сказалъ я, подойдя къ кровати. — Надѣюсь, послѣ вашего безсмысленнаго запирательства и двойного обмана этого добраго человѣка — между нами все кончено...

Она продолжала плакать.

— Не разспрашивайте ее пока,—попросилъ я угрюмо смотрѣвшаго на нее мужа. — Бѣдняжка сильно любила меня и никакъ не можетъ успокоиться.

Я опасливо посмотрѣлъ на тяжелый зонтикъ, который онъ держалъ въ рукахъ, и тихонько выскользнулъ изъ комнаты.

Стараясь не шумѣть, я спустился съ лѣстницы (самъ!.. честное слово — самъ), еле дыша, открылъ англійскій

замокъ парадной двери и черезъ секунду очутился на свѣжемъ, холодномъ воздухѣ.

Изъ-подъ темныхъ воротъ отдѣлилась тѣнь и прыгнула мнѣ на встрѣчу.

— Гарри! Цѣлъ?

— Все благополучно, хозяинъ. Ну, какъ твой романъ съ кухаркой,—насмѣшливо спросилъ я.

— Гарри! Душа моя разбита. Все съ ней покончено.

Я грустно посмотрѣлъ на луну.

— Что дѣлать! Я также окончательно разорвалъ съ ея госпожей.

И когда я разсказывалъ ему исторію своего краткаго романа, бѣшеное ликованіе прорывалось въ немъ.

И не потому онъ радовался, что у меня было на три тысячи брилліантовъ, новый сюртукъ и шестьсотъ рублей въ кожаномъ бумажникѣ... А потому, что не ошибся во мнѣ...

По его словамъ я былъ, дѣйствительно, настоящимъ парнемъ.

КАТЬКА.

У Катьки черные, немного сонные глаза, губы маленькія, ярко красныя, вѣчно искривленныя гримасой недовольства, и щеки покрыты пушкомъ, какъ у персика... Росту она высокаго, фигура стройная, и восемнадцатилѣтняя грудь всѣми силами старается выбиться изъ тѣсной бумазейной кофточки на свѣтъ Божій, имѣя нескромное желаніе смутить и раздразнить своей бѣлизной и упругостью всѣхъ окружающихъ, противоположнаго катькиному пола.

Раннимъ утромъ крохотный Алексѣй, котораго всѣ въ домѣ называютъ Лобзикомъ, просыпается и съ кроватки кричитъ:

— Катька! Поцѣюй меня.

Катька подходитъ, наклоняется къ Лобзику и равнодушно, безъ тѣни нѣжности, исполняетъ эту обязанность, лежащую въ числѣ другихъ, болѣе сложныхъ, на Катькѣ.

Поцѣловавъ Лобзика, Катька спѣшитъ приготовить ему какую-то дрянь изъ манной крупы, но въ столовой натыкается на гимназиста Вольдемара, брата Лобзика.

— Чудная Катька! Единственная Катька!..—шепчетъ онъ, глядя на Катьку помутнѣвшими глазами.

Потомъ дотрагивается до ея груди.

— Катька... Почемъ матерію покупала?

Гимназистъ вовсе не обуреваемъ стремленіемъ получить точный отвѣтъ... Этотъ меркантильный вопросъ задается имъ съ тою единственной цѣлью, что послѣ него Вольдемаръ можетъ потрогать матерію, обнять Катьку и

продѣлать, вообще, цѣлый рядъ другихъ привлекательныхъ вещей.

Нѣсколько разъ подрядъ онъ крѣпко, затяжными лихорадочными поцѣлуями старается разбудить Катьку. Но Катька лѣниво отстраняется и безъ тѣни какого-либо чувства шепчетъ:

— Оставьте, барчукъ. Идите учиться... Цѣловаться грѣхъ.

Вольдемаръ вздыхаетъ, передвигаетъ плечомъ на спинѣ ранецъ и выходитъ, давая дорогу своему отцу, хозяину квартиры и принципалу горничной Катьки.

Отецъ оглядывается, подкрадывается къ Катькѣ и тихо говоритъ:

— А дай-ка я тебя, Катька, поцѣлую.

Катька слабо вырывается, смотря въ стѣну мертвыми глазами, и думаетъ о чемъ-то другомъ. Съ такимъ же успѣхомъ хозяинъ можетъ цѣловать и предметъ теперешняго вниманія Катьки—голую стѣну.

— Дерево... — печально и сердито шепчетъ онъ и перестаетъ цѣловать Катьку.—Катька! сбѣгай за папиросами.

Подъ воротами Катьку встрѣчаетъ молодой младшій дворникъ. Онъ обрушивается на Катьку со всѣмъ пыломъ туземца Гвадалквивира, хотя самъ уроженецъ Тульской губерніи. Катька неторопливо вырывается и холодно шепчетъ:

— Пусти. Не хорошо... грѣхъ.

Хозяинъ мелочной лавочки долго не даетъ ей папиросъ, обнимая дрожащими руками талію Катьки и шепча ей, тускло равнодушной, несложный арсеналъ комплиментовъ своей спеціальности:

— Рафинадъ! Душистый горошекъ-съ! Дюбекъ лимонный-съ!

Катька зѣваетъ. Ей даже лѣнь вырваться.

Послѣ обѣда къ Катькѣ приходитъ въ гости ея старуха-мать.

Она долго сидитъ въ катькиной каморкѣ, глядитъ ей въ лицо, цѣлуетъ ея волосы, глаза,—въ то время, когда Катька блуждаетъ по потолку безучастнымъ, холоднымъ взглядомъ.

— Мертвенная ты какая-то. Пойду я.

— Идите, мама,—вздыхая, говоритъ Катька.

Позднимъ вечеромъ въ комнатѣ Катьки сидитъ приказчикъ галантерейнаго магазина Сомова—Вася Снурцынъ.

Это—единственный человѣкъ, который не цѣлуетъ ее. Изрѣдка приглаживая завитые волосы и поправляя галстукъ, онъ читаетъ гаазету, чиститъ ногти, а потомъ ужинаетъ, съ аппетитомъ уничтожая холодныя котлеты и пирогъ.

Катька ходитъ около него, дрожа, наклоняется къ завитымъ волосамъ и впивается въ нихъ долгимъ, тихимъ поцѣлуемъ. Приближается къ приказчичьей щекѣ, трется подбородкомъ объ его галстукъ и потомъ долго, быстрыми прикосновеніями, цѣлуетъ ладонь его большой бѣлой, пахнущей туалетнымъ мыломъ руки.

Приказчикъ Вася читаетъ газету и послѣ ужина.

СОЛИДНОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ.

ЗАПИСКИ ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА.

Я—человѣкъ аккуратный.

Ложась спать, я каждый вечеръ аккуратно отрывалъ листокъ календаря и, аккуратно прочтя его обратную сторону, ложился въ кровать, аккуратно каждую ночь засыпая.

Но однажды я нарушилъ этотъ прекрасный порядокъ и—все пошло къ чорту.

Въ тотъ несчастный вечеръ, съ котораго все началось, я, по обыкновенію, прочелъ календарный листокъ, но почему-то не легъ спать, а заглянулъ въ слѣдующій, честное слово, съ той только цѣлью, чтобы угадать, что мнѣ придется читать завтра.

На завтра я долженъ былъ пополнить свои знанія способомъ американцевъ дѣлать изъ бумаги дома — и это мнѣ не понравилось.

Я заглянулъ въ «послѣзавтра». Послѣзавтра календарь освѣдомлялъ публику о послѣднихъ предсмертныхъ словахъ разныхъ великихъ людей, и эти афоризмы я читалъ уже въ газетной «смѣси» разъ восемьдесятъ.

Огорченный, потерявшій терпѣніе, я углубился дальше.

Дни летѣли передъ мной, какъ секунды, и, несмотря на то, что на дворѣ былъ снѣжный январь, я уже перелисталъ мартъ, апрѣль и уже купался въ горячихъ волнахъ жгучаго лѣтняго солнца.

Въ меню все время мелькала земляника со сливками, компотъ изъ свѣжихъ персиковъ и салатъ изъ помидоръ. Я чувствовалъ, что эта роскошь, при осуществленіи ея, нанесетъ моему скромному бюджету тяжелый ударъ и, поэтому, миновавши «виноградъ и американскую дыню», я разстался съ золотистой меланхолической осенью.

Теперь передъ мной проносилась холодная снѣжная зима съ заносами и вьюгами. Я благополучно подходилъ уже къ веселому, жизнерадостному Рождеству, какъ вдругъ на 18-мъ декабрѣ споткнулся.

Я никогда не забуду этого дня.

Это было идіотское 18-е декабря...

Наверху было скромное благонамѣренное изрѣченіе: «Старайся прожить свою жизнь хорошо и тебѣ будетъ прекрасно житься», внизу было вкусное сытное меню, за то посединѣ...

Я прочелъ вотъ что:

Американскіе милліардеры. Всѣ милліардеры начинали ни съ чего! Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить популярный въ Америкѣ Джонотанъ Джонсъ, который въ началѣ своей карьеры милліардера слонялся оборванный, буквально, безъ гроша. Найдя однажды на улицѣ апельсинныя корки, онъ отправился на главную улицу и аккуратно разложилъ ихъ на мостовой, спрятавшись потомъ за угломъ. Многіе прохожіе, наступивъ на корку, скользили, онъ выскакивая, поддерживалъ ихъ, и ничего за это, кромѣ словъ благодарности, не выручалъ. Но одинъ солидный господинъ, поддержанный имъ, вынулъ изъ кармана четверть доллара и далъ ихъ галантному оборванцу. Джонсъ на эти деньги накупилъ немного дешеваго товару и, разжившись, сдѣлался милліардеромъ»...

Дальше 18-го декабря я уже не пошелъ.

Ошеломленный, придавленный, я едва добрался до кровати и, улегшись на нее, провелъ ночь, не смыкая глазъ.

Нѣсколько апельсинныхъ корокъ и... милліардеръ! Вотъ они—сказки жизни...

Всю ночь мнѣ грезилась яхта въ Средиземномъ морѣ, дворецъ въ Пятомъ Авеню и конюшня, биткомъ набитая арабскими лошадьми.

И надъ всѣмъ этимъ яркимъ солнечнымъ пятномъ сіяла одна жалкая апельсинная корка — тотъ ключъ, который долженъ открыть волшебную дверь къ яхтѣ, дворцамъ и лошадямъ.

Всю ночь я не спалъ, а къ утру у меня созрѣло непоколебимое рѣшеніе.

Я рѣшилъ сдѣлаться милліардеромъ.

Утромъ я отправился въ банкъ и взялъ для начала дѣла тѣ три тысячи рублей, которыя составляли весь мой капиталъ.

Этотъ день такъ же, какъ и слѣдующіе, я провелъ въ самыхъ отчаянныхъ хлопотахъ.

Мнѣ нужно было найти приличное помѣщеніе для конторы въ тихомъ дѣловомъ кварталѣ; заказать торговыя книги и нанять нѣсколько человѣкъ расторопныхъ, смышленныхъ служащихъ, которые бы знали бухгалтерское и, вообще, торговое дѣло и были бы мнѣ преданными, усердными помощниками.

Контору я нашелъ съ большимъ трудомъ, потому что мнѣ необходимъ былъ подъ помѣщеніемъ конторы обширный, сухой подвальный складъ. Это стоило дорого, но мнѣ знакомъ принципъ, что солидность — половина успѣха предпріятія.

Легче всего было заказать бухгалтерскія книги, которыя мнѣ изготовили подъ солиднымъ и громкимъ заглавіемъ на корешкахъ:

— «Торговый домъ для эксплоатаціи апельсинныхъ корокъ».

Я едва выбралъ время, чтобы заѣхать въ оптовый фруктовый складъ и потолковать съ хозяиномъ его о доставкѣ мнѣ апельсинъ по оптовымъ цѣнамъ. Мы услови-

лись, что я буду получать, по минимальной цѣнѣ, отъ двадцати до двадцати пяти ящиковъ въ мѣсяцъ, причемъ первая партія должна быть доставлена въ мой погребъ сегодня же.

Работа закипѣла.

Черезъ недѣлю аппаратъ дѣла былъ уже настолько хорошо налаженъ, что мы могли приступить къ практической работѣ.

Такъ какъ четверо моихъ служащихъ (бухгалтеръ его помощникъ, кассиръ, котораго я, для экономіи, нанялъ также въ качествѣ дѣлопроизводителя, и телефонистъ), были до начала операціи свободны, — я всѣхъ ихъ занялъ чисткой апельсиновъ, на что ушелъ цѣлый день.

Въ этотъ же день мнѣ впервые пришла въ голову мысль: какъ поступить съ очищенными апельсинами? Выбрасывать было жаль и мы рѣшили съѣдать ихъ,—чтобы эти вкусные плоды не пропадали даромъ.

Къ вечеру мы имѣли изрядный запасъ корокъ, но на другой день я не могъ выйти на работу, потому что съ нашими желудками случилось что-то странное.

Это странное прекратилось только черезъ три дня и никакихъ дурныхъ послѣдствій оно не имѣло. Кассиръ (онъ же дѣлопроизводитель) увѣрялъ, что къ апельсинамъ легко привыкнуть, для чего ихъ нужно чаще и больше ѣсть.

Наконецъ, я отправился на работу. (Не желая первое время ставить дѣло слишкомъ en grand, я обхожусь пока безъ помощниковъ. Въ будущемъ же, я рѣшилъ завести цѣлый штатъ разбрасывателей корокъ, организовавъ ихъ на манеръ артели).

Въ одной рукѣ я несъ корзинку съ корками, въ другой ящикъ, въ которомъ лежали корпія, бинты и пластырь.

Выбравъ людную улицу, я разбросалъ на большомъ пространствѣ корки и сталъ выжидать счастливыхъ случаевъ.

Тутъ же я убѣдился, что безъ помощниковъ предпріятіе это очень трудное, потому что на окраинахъ отмежеваннаго мною участка прохожіе падали безъ моей поддержки и, вставая, ругались на чемъ свѣтъ стоитъ.

Центромъ я завѣдывалъ довольно успѣшно, поддерживая поскользнувшихся и поднимая упавшихъ, за что къ вечеру въ моемъ карманѣ уже звенѣло нѣсколько монетъ.

Результатомъ я былъ доволенъ, но меня огорчало одно: сегодня около сорока человѣкъ выразили свое мнѣніе, что бросившій корки — дуракъ и идіотъ.

Скользя и падая, каждый считалъ своимъ долгомъ сказать вслухъ:

— Какой это идіотъ набросалъ здѣсь апельсинныхъ корокъ!

А такъ какъ корки-то набросалъ именно я, — самолюбіе мое было очень уязвлено.

Кромѣ вышеприведеннаго, сердце мое сжималось оттого, что къ концу трудового дня моя профессія пріобрѣла мрачную трагическую окраску...

Одинъ старикъ, поскользнувшись, сломалъ ногу, а маленькая гимназистка вдребезги разбила свою русую головку о троттуарную тумбу!

Тутъ же я рѣшилъ, когда дѣло разовьется, завести собственныя каретки скорой помощи и набрать штатъ расторопныхъ докторовъ.

На другой день, утромъ, я внесъ кассиру всю выручennую мной наличность, а бухгалтеръ расписалъ ее по книгамъ въ графу: «валовой доходъ отъ предпріятія».

Предпріятіе развертывалось медленнымъ, но вѣрнымъ и нормальнымъ ходомъ.

Вчера мой трудовой день чуть не окончился трагически... Спѣша къ упавшему прохожему, я поскользнулся самъ о собственную корку и разбилъ колѣнную чашечку. Теперь хромаю.

Нужно будетъ завести сапоги съ шипами.

Какой ужасъ: сломалъ руку старый генералъ, и вышибъ глазъ, наткнувшись при паденіи на палку, молодой господинъ.

Сегодня скандалъ.

Полиція, замѣтивъ, что я разбрасываю корки, поймала меня и представила въ участокъ. Господи—за что!? Я далъ свой адресъ. Что-то будетъ!

Крахъ! Самый ужасный, неожиданный крахъ всего предпріятія...

Всѣ увѣчные, узнавъ изъ газетъ о «разбрасывателѣ корокъ», предъявляютъ ко мнѣ гражданскіе иски и, кромѣ того, прокуроръ возбуждаетъ противъ меня уголовное преслѣдованіе! Что-то будетъ?

Сегодня, отправляясь на судъ, я увидѣлъ три подводы, привезшіе ящики съ апельсинами.

Увы! Ихъ некому даже принять, потому что кассиръ (онъ же дѣлопроизводитель) убѣжалъ съ остававшейся въ кассѣ тысячей рублей, а бухгалтеръ умеръ въ больницѣ отъ остраго желудочнаго разстройства.

Помощникъ его и телефонистъ сидятъ теперь одни въ пустой конторѣ и грустно ждутъ, пока я выдамъ имъ жалованье.

Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось прочесть очень забавную книжку—сочиненіе Грибоѣдова. Оно называется «Горе отъ ума», и мнѣ особенно понравилась въ немъ одна фраза:

— Всѣ врутъ календари...

ЖЕРТВА ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Неизвѣстный господинъ вошелъ въ нашъ небольшой магазинчикъ, занялъ собою все свободное пространство и, отфыркиваясь, обратился ко мнѣ:

— Хочу у васъ кое-что пріобрѣсти.

— Мы счастливы, что вашъ выборъ упалъ именно на нашъ торговый домъ. Но и вамъ повезло, что вы попали сюда: лучше и дешевле товара — нѣтъ ни въ какомъ другомъ магазинѣ.

— Ладно тамъ.

Онъ не былъ толстъ. Онъ не былъ даже дороденъ, но вся его фигура, какъ причудливая елка, была обвѣшана разными свертками, коробками и узелками. Ни одна пуговица или крючекъ не оставались праздными. Карманы-же каждую секунду угрожали лопнуть. Общій видъ господина былъ уѣздный. Черноземомъ несло отъ него.

— Что прикажете показать?

— Дайте мнѣ сначала, гм... перчатки!

— Для васъ, monsieur?

— Для моего покойнаго дѣдушки! Я думаю, для меня.

— Какой номеръ?

— Провались они, эти проклятые номера! Дайте мнѣ номеръ... ну... двадцать первый, что-ли!

Я отшатнулся отъ стойки.

— Это... неслыханный размѣръ!! Будьте добры показать ваши руки...

Онъ покорно выпуталъ руки изъ цѣлой массы веревокъ и ленточекъ и протянулъ мнѣ.

Руки были самыя обыкновенныя.

Измѣривши ихъ, я пожалъ плечами.

— Вашъ размѣръ, самое большее—семь съ четверью.

— Ну?

— Увѣряю васъ.

— Я ихъ всегда путаю, эти номера. Готъ, что я вамъ сказалъ это для корсета моей жены.

— Двадцать первый?

— Да. Чего вы такъ глаза таращите?

— Ха-ха!.. Вамъ не улыбается быть на каторгѣ?

— Что-о тта-акое?!!

— Я только хочу вамъ посовѣтовать: если у вашей жены такая талія — никогда не рискуйте заключать ее въ пылкія объятія... Она переломится, какъ соломинка! И васъ будутъ судить за убійство жены, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Онъ захохоталъ.

— Шутникъ вы, и больше ничего! Дайте-ка мнѣ еще воротничковъ стоячихъ.

— Номеръ?

— Дьявольщина! И здѣсь номеръ? Ну, дайте семнадцатый.

Я пересталъ съ нимъ церемониться.

— Когда васъ, monsieur, будутъ, не дай Богъ этому случиться, вѣшать... то и тогда номеръ петли будетъ въ два раза больше.

— Что это значитъ?

— Что вамъ нуженъ 42—43-й.

— Неужели?

— Клянусь вамъ.

Онъ разразился проклятіями.

— Совершенно я сбитъ съ толку! Покупалъ калоши—одинъ номеръ, ботинки—другой... Очки—третій! Шляпу—

четвертый... и все разные! Профессоръ какой-нибудь и тотъ не запомнитъ!

Я осмотрѣлъ издали его покупки и остановился на одномъ подозрительномъ свертк'ѣ.

— У васъ въ семьѣ несчастье?

Покупатель испугался.

— А что такое?

— Я вижу завернутое въ бумагу нѣчто, похожее на дѣтскій гробикъ.

— Что вы! Это калоши.

— Номеръ?

Онъ заскрежеталъ зубами.

— Отстаньте отъ меня! Кажется—42-й!

— Вы ихъ, вѣроятно, покупали въ морскомъ министерствѣ?

— Нѣтъ, въ магазинѣ. Да! Дайте мнѣ еще мыла. Вотъ только номеръ я забылъ.

— Номера не надо. Вѣдь не на носъ-же вы его надѣнете.

Радости его не было предѣла.

— Что вы говорите! Восхитительно! Дайте мнѣ тогда... десять кусковъ.

Когда я заворачивалъ, онъ взялъ одинъ изъ кусковъ, осмотрѣлъ и, швырнувъ его, ударилъ кулакомъ по стойкѣ.

— Извольте видѣть! Мыло перенумеровали!.. 4711-й! Не хочу я 4711-й! Дайте мнѣ 953-й... или 2149-й! Почему именно 4711?

Насилу я успокоилъ его.

Расплатившись, онъ нагрузился тѣми-же свертками.

— А эти новые, положите на моего извозчика.

Мальчикъ вынесъ покупки и сейчасъ-же вернулся назадъ.

— Тамъ нѣтъ извозчика!

— Какъ нѣтъ?! Ты врешь, негодный мальчишка!

Я выглянулъ за двери и сказалъ:

— Дѣйствительно, вблизи нѣтъ ни одного экипажа.

Покупатель схватился за голову и застоналъ.

— Что я надѣлалъ! Вѣдь на немъ былъ дѣтскій велосипедъ, два пуда муки и деревенскіе подарки!!

— А вы номера извозчика не запомнили?

— Подите вы... подальше! Боже! Эти номера доведутъ меня до сумасшедшаго дома!

— Замѣтьте, что и тамъ вы будете подъ номеромъ.— сочувственно предупредилъ я.

Размахивая покупками, онъ выбѣжалъ изъ магазина, но скоро вернулся, еще болѣе растерянный и убитый.

— Что прикажете?

— Скажите... Я не говорилъ вамъ случайно, гдѣ я въ Петербургѣ остановился?

— Нѣтъ. Въ гостиницѣ?

— У знакомыхъ. Улицу помню—Садовая... А номеръ забылъ. Ей Богу.

— Вы прописаны въ участкѣ?

— Кажется.

— Тогда можете узнать, гдѣ вы живете,—въ адресномъ столѣ!

— А гдѣ стоитъ этотъ столъ?

— Не стоитъ, а находится... Вы не забудете? Безпанельная улица, домъ № 49, квартира № 37.

Онъ смотрѣлъ на меня. Лицо его все краснѣло и краснѣло. Потомъ на губахъ выступила розовая пѣна, потомъ онъ закачался и, наконецъ, увлекая свои нумерованныя покупки, во весь ростъ грохнулся на полъ.

Хоронили его безъ особенной пышности. Въ мертвецкой, до похоронъ, онъ лежалъ подъ номеромъ четырнадцатымъ.

БОЙКІЙ РАЗГОВОРЪ.

ПОСВЯЩАЮ С. М-РЪ.

Я кончалъ чтеніе рукописи своего разсказа.

Ярко-блестѣвшіе глаза хозяйки, ея искренній интересъ и напряженное вниманіе показывали, что разсказъ имѣетъ успѣхъ.

Но—раздался звонокъ. Звонокъ...

Влетѣли двѣ дамы, составленныя изъ двухъ громадныхъ шляпъ, двухъ нелѣпыхъ саковъ и двухъ длиннѣйшихъ боа, обвивавшихъ двѣ шеи.

Втайнѣ, я искренно пожалѣлъ, что эти боа не были живыми, но явно выразилъ бурную радость, по поводу того, что заключаю такое пріятное, интересное знакомство.

— Что это вы читаете? Разсказъ? Вы писатель? О, писатели, опасные люди... Смотрите, вы меня не опишите.

Дамы это часто говорятъ и я всегда въ отвѣтъ глупо ухмыляюсь. Ухмыляться на такія слова умно — не имѣетъ никакого разсчета.

Сѣли. И сѣрая тоска немедленно вползла въ комнату...

— Сейчасъ спросятъ о театрѣ,—шепнулъ я хозяйкѣ.

— Ну, какъ вы живете? Бываете въ оперѣ?

Хозяйка вздохнула.

— Давно уже не бываю. Не приходится.

— Да? Скажите! А вы, молодой человѣкъ, бываете въ театрѣ?

— Бываю,—угрюмо отвѣчалъ я.

— Въ какомъ же?

— Въ анатомическомъ.

Дамы пугливо переглянулись.

Скука вписала въ нашу жизнь длиннѣйшую паузу.

— Чаю не желаете ли?

— Ахъ, нѣтъ, что вы! Ни за какіе милліоны. Впрочемъ, отъ чашечки не откажусь.

Чай выручилъ минутъ на пять.

Но когда на лицѣ хозяйки появилось выраженіе холоднаго смертельнаго ужаса отъ сознанія, что нить разговора безслѣдно утеряна, я пришелъ на выручку:

— А вы, сударыня, бываете въ театрѣ?

— Да. Недавно была въ Фарсѣ.

Какая пытка... О чемъ съ ней говорить?

— Что же тамъ, этого... какъ его!...

— Что такое?

— Я хотѣлъ спросить — весело ли?

— Въ Фарсѣ? Да, весело.

Я скрылъ мучительную гримасу бѣшенства и обратился къ другой:

— Ну, а вы бываете въ театрѣ?

— Да, но я люблю оперу.

— Неужели? Какъ это странно?! Какую же вы любите оперу больше всего?

— Мнѣ нравится «Пиковая дама».

— Гм... да. Бойко написанная штучка.

Я изсякъ.

Очевидно, очередь была за другой, односложной, дамой. Она покрутила головой и спросила хозяйку:

— Въ паркѣ гуляете?

— Нѣтъ. Не могу выбраться.

— А вы, молодой человѣкъ?

— Я? Очень часто. Больше всего — въ воздухоплавательномъ, или въ артиллерійскомъ.

Хотя я не былъ понятъ, но разговоръ, кажется, начиналъ налаживаться.

Разошлась односложная дама:

— Вообще, природа мнѣ ужасно нравится. Деревья всякія... птицы. Хорошо бы жить гдѣ нибудь на лугу и ночевать въ палаткѣ. А вы любите это, молодой человѣкъ?

— Какже! Удобнѣе всего въ такихъ случаяхъ спать въ пробирной палаткѣ... Полная гарантія отъ ревматизма.

Вторая обрадовалась:

— Кстати о ревматизмѣ! Вы можете представить, милочка, что у Василь Сергѣича доктора нашли чахотку.

По лицу хозяйки было видно, что она, къ своему огорченію, не подозрѣвала не только присутствія чахотки, внѣдрившейся въ Василь Сергѣича, но даже не слыхивала о существованіи его самого.

Однако, умѣлымъ расположеніемъ лицевыхъ мускуловъ — хозяйка выразила необходимый интересъ къ событію.

— Да что вы! Ахъ, какой ужасъ. Это такой маленькій, съ желтой бородкой!

— Нѣтъ, высокій, бритый.

Молчаніе, послѣдовавшее за этимъ, могло быть объяснено, какъ дань скорби, по поводу злосчастной судьбы высокаго бритаго малаго.

Я кощунственно нарушилъ паузу:

— А, знаете, моему знакомому вчера отрѣзало поѣздомъ голову.

Эта нелѣпая выдумка оживила разговоръ.

— Что вы говорите! Я не читала объ этомъ въ газетахъ.

— Это понятно, почему. Когда его нашли, онъ заклиналъ не предавать гласности случившееся, такъ какъ огласка могла повредить ему по службѣ.

— Ахъ, такъ! Вообще, эти поѣзда! Мой мужъ, напримѣръ, опоздалъ вчера на три часа.

Очередь вытягивать разговоръ была за любительницей оперы, но она, очевидно, сбилась, потому что выжидательно посматривала на меня.

Я махнулъ рукой на всякій здравый смыслъ:

— Итакъ, вы рѣшительно утверждаете, что, кромѣ фарса, ни въ какихъ театрахъ не были?

— Представьте, не была.

— И вы могли бы это показаніе подтвердить даже присягой?

— Боже мой! Почему?

— Это очень важно. А вы, сударыня... Вотъ вы говорите, что любите оперу. Хорошо-съ. А любитъ ли ее также ваша тетка?

— У меня нѣтъ тетки!

— Печальное упущеніе. Но мужъ вашъ не врагъ театра?

— Нѣтъ, онъ ходитъ въ оперетку, иногда на концерты.

Рѣшительно, я овладѣлъ нитью розговора. Нѣкоторое однообразіе его искупалось той безконечностью плоскости, на которой мы стояли. Я выпыталъ у дамъ театральные вкусы всѣхъ ихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Закончилъ Василь Сергѣичемъ. Оказалось, что этотъ юноша былъ большимъ поклонникомъ кинематографовъ и паноптикумовъ.

Судьба его была почтена опять долгимъ, длительнымъ молчаніемъ, будто бы присутствующіе умственно обнажили передъ чахоточнымъ молодымъ человѣкомъ голову.

Я проклиналъ себя за неосторожность. Очень нужно было мнѣ сводить разговоръ на эту трагическую личность! Нить разговора, отъ соприкосновенія съ нимъ, моментально лопнула.

Всѣ съ нескрываемымъ интересомъ стали слѣдить за минутной стрѣлкой на каминныхъ часахъ. Она проползла вершка полтора.

На второмъ вершкѣ хозяйку повело судорогой, и она страдальчески выдавила изъ себя фразу:

— А у насъ... Горничная уходитъ.

Я вскочилъ. Кресло со стукомъ грохнулось на полъ. Всѣ вскрикнули отъ ужаса.

Подскочивши къ дамамъ, съ пѣной у рта, я кричалъ:

— Зачѣмъ вы явились сюда?! Что вамъ нужно?! У васъ было важное, неотложное дѣло? Ваша жизнь была бы разбита и дѣла пришли бы въ упадокъ, не явись вы сюда?! Да?

Общее оживленіе смѣнило нудную тишину.

— Господи Іисусе! Онъ съ ума сошелъ!

Хозяйка смотрѣла на меня съ тайнымъ сочувствіемъ.

— Да? Вы такъ думаете? А на борьбѣ вы были? «Веселую вдову» видѣли? А чорта въ ступѣ вамъ не удалось видѣть? Какъ здоровье Дьявола Семеныча? Онъ кашляетъ, да? Ахъ какъ жаль! А если вы увидите Василь Сергѣича, — скажите, что я его при встрѣчѣ поколочу! Мнѣ этотъ болѣзненный молодецъ надоѣлъ! Кстати, «Голгоѳу» вы не видѣли? Ха-ха-ха!!!

И, не прощаясь, я выбѣжалъ на улицу.

ВЪ РЕСТОРАНѢ.

— Фокусы? Это колдовство, — услышалъ я фразу за сосѣднимъ столикомъ.

Произнесъ ее мрачный человѣкъ съ черными обмокшими усами и стекляннымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ.

Черные мокрые усы, волосы, сползшіе чуть не на брови и стеклянный взглядъ — непоколебимо доказывали, что обладатель перечисленныхъ сокровищъ—былъ дуракъ...

Былъ дуракъ, въ прямомъ и ясномъ смыслѣ этого слова.

Одинъ изъ его собесѣдниковъ налилъ себѣ пива, потеръ руки и сказалъ:

— Не болѣе, какъ ловкость и проворство рукъ!

— Это колдовство! — упрямо стоялъ на своемъ черный, обсасывая собственный усъ.

Человѣкъ, стоявшій за проворство рукъ, сатирически посмотрѣлъ на третьяго изъ компаніи и воскликнулъ:

— Хорошо! Что здѣсь нѣтъ колдовства, я, хотите, докажу?

Черный мрачно улыбнулся.

— Да развѣ вы, какъ его... пре-сти-ди-жи-таторъ?

— Вѣроятно, если я это говорю. Ну, хотите, я предлагаю пари на сто рублей, что отрѣжу въ пять минутъ всѣ ваши пуговицы и пришью ихъ!

Черный подергалъ для чего-то жилетную пуговицу и сказалъ:

— За пять минутъ? Отрѣзать и пришить? Это непостижимо!

— Вполнѣ постижимо... Ну идетъ—сто рублей.

— Нѣтъ, это много! У меня есть пять рублей.

— Да вѣдь мнѣ все равно... Можно меньше. Хотите—три бутылки пива.

Черный ядовито подмигнулъ.

— Да вѣдь проиграете!

— Кто, я? Увидимъ!

Онъ протянулъ руку, пожалъ худые пальцы чернаго человѣка, и третій изъ компаніи развелъ ихъ руки.

— Вы смотрите на часы и слѣдите, чтобы не больше пяти минутъ.

Всѣ мы были заинтригованы, и даже сонный лакей, котораго послали за тарелкой и острымъ ножемъ, разстался со своимъ оцѣпенѣлымъ видомъ.

— Разъ, два, три! Начинаю.

Человѣкъ, объявившій себя фокусникомъ, взялъ ножъ и, поставивъ тарелку, срѣзалъ въ нее всѣ жилетныя пуговицы.

— На пиджакѣ тоже есть?

— Какже... Сзади, на рукавахъ, около кармана.

Пуговицы со стукомъ сыпались на тарелку.

— У меня и на брюкахъ есть,—корчась отъ смѣха говорилъ черный.—И на ботинкахъ.

— Ладно, ладно! Что-же я хочу у васъ зажилить какую-нибудь пуговицу?.. Не безпокойтесь—все будетъ отрѣзано.

Такъ какъ верхнее платье лишилось сдерживающаго элемента, то явилась возможность перейти на нижнее.

Когда осыпались послѣднія пуговицы на брюкахъ, черный злорадно положилъ ноги на столъ.

— На ботинкахъ... по восьми пуговицъ. Посмотримъ, какъ-то вы успѣете за пять минутъ пришить ихъ обратно?!

Фокусникъ, уже не отвѣчая, лихорадочно работалъ своимъ ножомъ.

Скоро онъ вытеръ мокрый лобъ и, поставивши на столъ тарелку на которой, подобно невѣдомымъ ягодамъ лежали разноцвѣтныя пуговицы и запонки, — проворчалъ:

— Готово. Все!

Лакей восхищенно всплеснулъ руками.

— 82 штуки! Ловко.

— Теперь пойди, принеси мнѣ иголку и нитокъ, — скомандовалъ фокусникъ. Живо, ну!!

Собутыльникъ ихъ помахалъ въ воздухѣ часами и неожиданно захлопнулъ крышку.

— Поздно... Есть! Пять минутъ прошло. Вы проиграли!

Тотъ, къ кому это относилось, съ досадой бросилъ ножъ.

— Чортъ меня возьми! Проигралъ... Ну, нечего дѣлать... Человѣкъ! Принеси за мой счетъ этимъ господамъ 3 бутылки пива и, кстати, скажи, сколько съ меня слѣдуетъ?

Черный человѣкъ поблѣднѣлъ.

— Ку... куда же вы?

«Фокусникъ» зѣвнулъ.

— На боковую... Спать хочется, какъ собакѣ. Намаешься за день.

— А... пуговицы... пришить?

— Что? Чего же я ихъ буду пришивать, разъ проигралъ... Не успѣлъ — моя вина. Проигрышъ поставленъ. Всѣхъ благъ, господа!

Черный человѣкъ умоляюще потянулся руками за уходящимъ, и при этомъ движеніи всѣ его одежды упали, какъ скорлупа у вылупившагося цыпленка. Онъ стыдливо

подтянулъ обратно брюки и съ ужасомъ заморгалъ глазами.

— Гос-споди! Что-же это будетъ! . . . . . .

. . . . . .

Что съ нимъ было, я не знаю.

Я вышелъ вмѣстѣ съ третьимъ изъ компаніи, который вѣроломно покинулъ человѣка безъ пуговицъ.

Не будучи знакомы, мы стали на углу улицы другъ противъ друга и долго, безъ словъ, хохотали.

КАМЕНЬ НА ШЕѢ.

I.

Однажды, тихимъ вечеромъ, на берегу морского залива очутились два человѣка.

Одинъ былъ художникъ Рюминъ, другой — неизвѣстно кто.

Рюминъ, сидя на прибрежномъ камнѣ, давно уже съ безпокойствомъ слѣдилъ за поведеніемъ неизвѣстнаго человѣка, который то ходилъ нерѣшительными, заплетающимися ногами вдоль берега, то останавливался на одномъ мѣстѣ и, шумно вздыхая, пристально смотрѣлъ въ воду.

Было замѣтно, что въ душѣ неизвѣстнаго человѣка происходила тяжелая борьба...

Наконецъ, онъ махнулъ рукой, украдкой оглянулся на Рюмина и, снявъ потертый, неуклюжій пиджакъ,— очевидно, съ чужого плеча,п —олѣзъ въ воду, ежась и испуская отчаянные вздохи.

— Эй! — закричалъ испуганно Рюминъ, вскакивая на ноги.—Что вы тамъ дѣлаете?

Незнакомецъ оглянулся, сдѣлалъ рукой прощальный жестъ и сказалъ:

— Не мѣшайте мнѣ! Ужъ я такъ рѣшилъ...

— Что вы рѣшили? Что вы дѣлаете?!

— Ослѣпли вы, что-ли? Не видите—хочу утопиться...

— Это безуміе! Я не допущу васъ до этого!..

Неизвѣстный человѣкъ, балансируя руками, сдѣлалъ нерѣшительный шагъ впередъ и воскликнулъ:

— Все равно — нѣтъ мнѣ въ жизни счастья. Прощайте, незнакомецъ! Не поминайте лихомъ.

Рюминъ ахнулъ, выругался и бросился въ воду. Вытащить самоубійцу не представляло труда, такъ какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, было не глубоко — немного выше колѣнъ.

— Безумецъ!—говорилъ Рюминъ, таща неизвѣстнаго человѣка за шиворотъ.—Что вы задумали?! Это и грѣшно и глупо.

Извлеченный на берегъ самоубійца сопротивлялся Рюмину лѣниво, безъ всякаго одушевленія. Брошенный сильной рукой художника на песокъ, онъ всталъ, отряхнулся и, потупившись, сунулъ художнику въ руку свою мокрую ладонь.

— Пампасовъ,—сказалъ онъ вѣжливо.

— Какихъ пампасовъ? — изумленно спросилъ Рюминъ.

— Это я — Пампасовъ. Нужно же намъ познакомиться.

— Очень пріятно, — все еще дрожа отъ напряженія, отвѣчалъ Рюминъ. — Моя фамилія — Рюминъ. Надѣюсь, вы больше не повторите своей безразсудной попытки?

Пампасовъ неожиданно схватился за голову и завопилъ:

— Зачѣмъ вы меня спасли? Кто васъ просилъ?! Пустите меня туда, въ эти прозрачныя, зеленоватыя волны... Я обрѣту тамъ покой!...

Рюминъ дружески обхватилъ его за талію и сказалъ:

— Ну, успокойтесь... Чего, въ самомъ дѣлѣ... Я увѣренъ, все обойдется. Самое сильное горе, самое ужасное потрясеніе забываются...

— Да у меня никакого потрясенія и не было, — проворчалъ, уронивъ голову на руки, Пампасовъ.

— Тогда чего же вы...

— Съ голоду... Съ нужды... Со стыда передъ людьми за это рубище, которое я принужденъ носить на плечахъ...

— Только-то?—оживился Рюминъ.—Да вѣдь это сущіе пустяки! Этому горю можно помочь въ десять минутъ! Вы будете одѣты, накормлены и все такое.

— Я милостыни не принимаю,—угрюмо проворчалъ Пампасовъ.

— Какая же это милостыня? Заработаете—отдадите. Пойдемъ ко мнѣ. Я здѣсь живу недалеко.

Пампасовъ всталъ, стряхнулъ со своей мокрой, грязной одежды песокъ, вздохнулъ и, спрятавъ голову въ плечи, зашагалъ за своимъ спасителемъ.

II.

Рюминъ далъ Пампасову новое платье, предоставилъ въ его распоряженіе диванъ въ мастерской и, вообще, старался выказать ему самое деликатное вниманіе, будто чувствуя себя виноватымъ передъ этимъ несчастнымъ, затравленнымъ судьбой, неудачникомъ, смотрѣвшимъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ на сигары, куриныя котлеты, вино, тонкаго сукна пиджакъ и прочее, чѣмъ заботливо окружилъ его Рюминъ.

Пампасовъ жилъ у Рюмина уже нѣсколько дней, и художникъ, принявшій въ бѣднягѣ самое искреннее, дѣятельное участіе, рыскалъ по городу, отыскивая работу своему протеже. Такъ какъ Пампасовъ однажды въ разговорѣ сказалъ: «мы, братья-писатели», то Рюминъ искалъ, главнымъ образомъ, литературной работы...

Черезъ двѣ недѣли такая работа нашлась въ редакціи небольшой ежедневной газеты.

— Пампасовъ!—закричалъ съ порога оживленный Рюминъ, влетая въ комнату,—Ликуйте! Нашелъ вамъ работу въ газетѣ!

Пампасовъ медленно спустилъ ноги съ дивана, на которомъ лежалъ, и поднявъ на Рюмина глаза, пожалъ плечами.

— Газета... Литературная работа... Ха-ха! Сегодня одинъ редакторъ—работаешь. Завтра другой редакторъ—пошелъ вонъ! Сейчасъ газета существуетъ—хорошо, а сейчасъ же ее закрыли... Я вижу, Рюминъ, что вы хотите отъ меня избавиться...

— Господи!..—сконфуженно закричалъ Рюминъ.—Что вы этакое говорите... Да живите себѣ, пожалуйста. Я думалъ, вамъ скучно—и хотѣлъ что-нибудь...

— Спасибо,—сказалъ Пампасовъ, тронутый.—Долженъ вамъ сказать, Рюминъ, что трудъ—мое призваніе, и я, безъ какой-нибудь оживленной, лихорадочной работы, какъ безъ воздуха. Эхъ!

Онъ размялъ свои широкія, мускулистыя плечи и, одушевившись, воскликнулъ:

— Эхъ! Такую силищу въ себѣ чувствую, что, кажется, весь міръ бы перевернулъ... Трудъ! Какая въ этомъ односложномъ словѣ мощь...

Онъ опустилъ голову и задумался.

— Такъ бы хотѣлось пойти по своему любимому пути... Работать по призванію...

— А какой вашъ любимый путь?—несмѣло спросилъ Рюминъ.

— Мой? Педагогика. Сѣять среди дѣтей сѣмена знанія, пробуждать въ нихъ интересъ къ наукѣ—какое это прекрасное, высокое призваніе...

III.

Однажды Рюминъ писалъ картину, а Пампасовъ, по обыкновенію, лежалъ на диванѣ и читалъ книгу.

— Дьявольски приходится работать,—сказалъ Рюминъ, выпуская на палитру свѣжую краску. — Картины покупаются плохо, платятъ за нихъ дешево, а писать какъ-нибудь, на спѣхъ, не хочется.

— Да, вообще, живопись... Въ сущности, это даже не трудъ, а такъ что-то. Самое святое, по моему, трудъ!

Рюминъ ударилъ себя кулакомъ по лбу.

— Совсѣмъ забылъ! Нашелъ для васъ цѣлыхъ два урока. И условія довольно невредныя... Хотите?

Пампасовъ саракастически засмѣялся.

— Невредныя? Рублей по двадцати въ мѣсяцъ? Ха-ха! Возиться съ маленькими идіотами, которымъ только съ помощью хорошаго удара кулакомъ и можно вдолбить въ голову, что дважды два — четыре. Шлепать во всякую погоду ногами, какъ говорится, за семь верстъ киселя хлебать... Прекрасная идея, что и говорить.

Изумленный Рюминъ опустилъ палитру.

— Да вы вѣдь сами говорили...

— Рюминъ!—страдальчески наморщивъ брови, сказалъ Пампасовъ.—Я вижу, я вамъ надоѣлъ, я вамъ въ тягость. Конечно, вы вырвали меня изъ объятій смерти, и моя жизнь всецѣло въ вашихъ рукахъ... Ну, скажите... Можетъ быть, пойти мнѣ и положить свою голову подъ поѣздъ или выброситься изъ этого окна на мостовую... Что же мнѣ дѣлать? Въ сущности, я ювелиръ, и безумно люблю это благородное занятіе... Но что дѣлать? Гдѣ выходъ? Что, спрошу я,—есть у меня помѣщеніе, инструменты, золото и драгоцѣнные камни, съ которыми можно было бы открыть небольшое дѣло? Нѣтъ! Будь тысячъ пятнадцать—двадцать...

Пампасовъ шумно вздохнулъ, повалился навзничь и поднявъ съ полу книгу, погрузился въ чтеніе...

IV.

Рюмину опротивѣла своя собственная квартира и ея постоянный обитатель, переходившій отъ дивана къ обѣденному столу и обратно, чѣмъ вполнѣ удовлетворялась его неугомонная жажда лихорадочнаго труда. Рюминъ почти пересталъ курить сигары и пить вино, такъ какъ то и другое уничтожалось бывшимъ самоубійцей, а платье и ботинки изнашивались вдвое быстрѣе, потому что облекали два тѣла и четыре ноги—поперемѣнно...

Рюминъ давно уже ухаживалъ за какой-то интересной вдовой, съ которой познакомился на прогулкѣ... Онъ былъ нѣсколько разъ у нея и приглашалъ ее къ себѣ, разсчитывая на время ея визита услать куда-нибудь назойливаго самоубійцу.

Однажды, возвращаясь изъ магазина красокъ домой и войдя въ переднюю, Рюминъ услышалъ въ мастерской голоса:

— Но вѣдь я не къ вамъ пришла, а къ Николаю Петровичу! Отстаньте отъ меня.

— Ну, одинъ разъ поцѣлуйте, что вамъ стоитъ!..

— Вы говорите глупости? Я васъ не знаю... И потомъ, если объ этомъ узнаетъ Николай Петровичъ...

— Онъ? Онъ придетъ, уткнетъ носъ въ берлинскую лазурь, возьметъ въ зубы палитру и ухомъ не поведетъ. Это простякъ чрезвычайный! Милэди! Если вы дадите поцѣлуй—я его сейчасъ же отдамъ вамъ обратно. А?

— Сумасшедшій! Что вы... дѣлаете?

Послышался тихій смѣхъ и звукъ сочнаго поцѣлуя.

— Негодяй! — заскрежеталъ зубами Рюминъ. — Ему мало моего платья, квартиры, ѣды и моихъ нервовъ,.. Онъ еще пользуется и моими женщинами!

Рюминъ повернулся и ушелъ. Вернулся поздно вечеромъ. Разбудилъ спавшаго Пампасова и сурово сказалъ, смотря куда-то въ сторону:

— Эй!.. Вы видите, носъ мой не уткнутъ въ берлинскую лазурь и въ зубахъ нѣтъ палитры. Завтра утромъ можете уходить отъ меня.

— Зачѣмъ же вы меня спасли?—удивился Пампасовъ.— Сначала спасалъ, потомъ прогоняетъ. Очень мило, нечего сказать.

Голова его упала на подушку, и черезъ минуту послышалось ровное дыханіе спящаго человѣка.

Съ ненавистью посмотрѣлъ Рюминъ въ лицо Пампасову, заскрипѣлъ зубами и злобно прошипѣлъ:

— У, проклятый! Такъ бы и далъ тебѣ по головѣ...

V.

Утромъ Пампасовъ проснулся веселый, радостный, совершенно забывъ о вчерашнемъ разговорѣ.

— Встали?—привѣтствовалъ его стоявшій передъ картиной Рюминъ. — Помните, что я вамъ вчера сказалъ? Можете убираться!

Пампасонъ поблѣднѣлъ.

— Вы... серьезно? Значитъ... вы опять толкаете меня въ воду?

— Пожалуйста! Пальцемъ не пошевелю, чтобы вытащить васъ. Да вы и не будете топиться!

— Не буду? Посмотримъ!

Пампасовъ взглянулъ на мрачное, рѣшительное лицо Рюмина, опустилъ голову и сталъ одѣваться.

— Прощайте, Рюминъ!—торжественно сказалъ онъ.— Пусть кровь моя падетъ на вашу голову.

— Съ удовольствіемъ! Пойду еще смотрѣть, какъ это вы топиться будете.

Вышли они вмѣстѣ.

На берегу залива виднѣлись рѣдкія фигуры гуляющихъ. У самаго берега Пампасовъ обернулъ къ Рюмину рѣшительное лицо и угрюмо спросилъ:

— Такъ, по вашему въ воду?

— Въ воду.

Рюминъ хладнокровно отошелъ и сѣлъ поодаль, на камень, дѣлая видъ, что не смотритъ... А Пампасовъ принялся ходить нерѣшительными, заплетающимися ногами вдоль берега, изрѣдка останавливаясь, смотря уныло въ воду и шумно вздыхая. Наконецъ, онъ махнулъ рукой, украдкой оглянулся на приближающихся къ нему двухъ гуляющихъ, снялъ поджакъ и, нерѣшительно ежась, полѣзъ въ воду.

— Что онъ дѣлаетъ?—въ ужасѣ воскликнулъ одинъ изъ гуляющихъ...—Это безуміе! Нельзя допустить его до этого.

Со своего мѣста Рюминъ видѣлъ, какъ къ Пампасову подбѣжалъ одинъ изъ гуляющихъ, вошелъ по колѣна въ воду и сталъ тащить самоубійцу на берегъ. Потомъ приблизился другой, всѣ трое о чемъ-то заспорили... Кончилось тѣмъ, что двое неизвѣстныхъ взяли подъ руки Пампасова и, дружески въ чемъ-то его увѣщевая, увели съ собой.

До Рюмина донеслись четыре слова:

— Я милостыни не принимаю!..

ЛЕГЕНДА СТАРАГО ОЗЕРА.

I.

Это случилось очень давно... въ 1645 году.

Въ эти старинные годы на берегу стараго озера стояла финская деревушка, а въ ней—избушка, а въ избушкѣ жили супруги Куртуляйненъ—старый Матвѣй и Марта.

Общее мнѣніе было таково, что Матвѣй велъ себя препустѣйшимъ бездѣльникомъ, а Марта была самой вздорной, злобной финкой во всей деревушкѣ.

Однажды вечеромъ, когда Матвѣю Куртуляйнену надоѣлъ оживленный диспутъ съ супругой, онъ мимоходомъ запустилъ въ нее табуреткой, захватилъ бутылку водки, удочку и пошелъ на свое всегдашнее мѣсто—Чортову скалу Стараго озера. Какъ всегда—опустилъ удочку въ воду, отхлебнулъ изъ бутылки и предался своему главному занятію — глазѣть на женщинъ, купавшихся въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ него...

Злой духъ толкнулъ на этотъ разъ Марту послѣдить за мужемъ. Когда она, подкравшись, увидѣла ухмылявшееся лицо Матвѣя, слѣдившаго съ любопытствомъ за коренастыми краснотѣлыми, коротконогими купальщицами, то взмахнула скалкой и завизжала:

— Ахъ, ты негодяй! Такъ-то ты рыбу удишь!? Вотъ же тебѣ! Хозяйство пропиваешь, бездѣльничаешь?! Вотъ тебѣ за все!

Флегматичный Матвѣй поднялся, сказалъ:

— Ничего. Мы это кончимъ.

Схватилъ жену поперекъ тѣла и бросилъ въ воду. Потомъ сѣлъ на Чортову скалу, закурилъ трубку и сталъ съ интересомъ смотрѣть на борьбу жены со смертью.

Но радость его была непродолжительна.

Марта вынырнула, сдѣлала нѣсколько энергичныхъ взмаховъ и, уцѣпившись за прибрежный камень, стала выползать на сушу—мокрая, страшная, молчаливая.

Сердце Матвѣя упало. Онъ вскочилъ съ искаженнымъ отъ ужаса передъ грядущей расправой, лицомъ, вылилъ въ себя остатокъ водки и, предпочтя лучше смерть, взмахнувъ руками, рѣшительно бросился въ пучину.

Тѣло его—рыбаки нашли черезъ три дня...

II.

Однажды лѣтомъ въ 1910 году на берегу Стараго озера сидѣли два купальщика: художникъ Воздуховъ и поэтъ Клюнинъ.

— Скажи, пожалуйста, — спросилъ Воздуховъ, — у этого озера есть какая-нибудь легенда?

— Почему ты это спросилъ?—удивился поэтъ.

— По моему, каждая такая штука должна имѣть свою легенду. Я не встрѣчалъ ни одного замка, ни одного порядочнаго озера, которое не имѣло бы своей собственной легенды...

— Да... — тихо вздохнувъ, сказалъ Клюнинъ. — У этого озера есть своя старая поэтичная легенда. Мнѣ ее разсказали суровые прибрежные рыбаки въ одинъ тихій весенній вечеръ, когда природа какъ-будто притаилась въ истомѣ, и облачко...

— Ладно, разсказывай!

Клюнинъ устремилъ взоръ на далекій загадочный лѣсъ и началъ:

— Давно-давно, въ незапамятныя времена на берегу

этого озера стояла деревушка... Въ этой деревушкѣ жила красавица, по которой вздыхалъ не одинъ окрестный парень,—такая красавица, что гдѣ бы она ни появлялась, все озарялось прекраснымъ умиротворяющимъ свѣтомъ ея лица. Но, на самыхъ богатыхъ, самыхъ интересныхъ парней Марта смотрѣла равнодушно: она любила только своего мужа, своего Матвѣя Куртуляйнена, имя котораго она носила и милѣе котораго не было у нея никого... Первые годы счастье ихъ было безоблачно, но... съ нѣкотораго времени красавица Марта начала замѣчать, что Матвѣй сталъ задумчивымъ, разсѣяннымъ, и къ ней какъ-будто охладѣлъ. Онъ забросилъ работу, дѣла, и всѣ дни и вечера проводилъ одинъ, удаляясь на Чертову скалу—безлюдное, страшное мѣсто, куда рѣдко кто рисковалъ показываться... Любящее сердце Марты, наконецъ, не выдержало. Однажды вечеромъ она тихонько послѣдовала за мужемъ. И увидѣла она, что онъ сѣлъ на выступъ скалы, подперъ голову руками и сталъ пристально смотрѣть въ воду... И, по направленію его взгляда, вода какъ-будто закипѣла, запѣнилась и показались головы женщинъ съ рыбьими хвостами и лицами, прекрасными какъ луна... И они запѣли что-то тихое, нѣжное, отчего у Марты сжалось сердце, а мужъ ее смотрѣлъ не отводя глазъ, съ лицомъ, пылающимъ любовью и счастьемъ... И любящее сердце Марты не выдержало. Съ короткимъ крикомъ: «Если онѣ тебѣ дороже, чѣмъ я, такъ я хочу сдѣлаться такой же, какъ онѣ, чтобы опять завоевать твое сердце!»—она разбѣжалась и бросилась съ обрыва въ воду. Вскочивъ, Матвѣй сразу опомнился и, издавъ дикій вопль, бросился за красавицей, но вода опять вскипѣла, разступилась, и прекрасныя водяныя обитательницы съ крикомъ: «онъ нашъ»—увлекли его въ пучину... На другой день утромъ на берегу нашли безчувственную Марту, вынесенную на берегъ невѣдомыми руками, а Матвѣй—такъ и исчезъ въ пучинѣ. Но память о немъ живетъ до сихъ поръ!..

Клюнинъ замолчалъ.

Молчалъ и Воздуховъ, подавленный суровымъ величіемъ легенды.

Молчало и озеро, поглотившее въ себѣ мятежное сердце мужа красавицы и крѣпко таившее въ своихъ пучинахъ эту тайну.

Молчали и деревья. Молчали и птицы.

Ужасная участь Матвѣя вырвала, наконецъ, вздохъ изъ груди Воздухова, и онъ сказалъ:

— Да...

Гдѣ-то тихо всходила луна. Всходила...

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНАЯ НЕДѢЛЯ ВЪ КОРКИНѢ.

I.

Граждане города Коркина основали воздухоплавательный клубъ.

Недавно предсѣдатель клуба, акцизный чиновникъ Собаковъ, устроилъ чрезвычайное собраніе, на которомъ сказалъ звучную, красивую рѣчь:

— Наша цѣль, господа, завоеваніе воздуха! А что мы вмѣсто этого, дѣлаемъ? Пьянствуемъ, ссоримся, сплетничаемъ... Развѣ это достойно порядочныхъ авіаторовъ? Мы должны летать, и всякій, въ комъ бьется сердце настоящаго пилота, долженъ привѣтствовать этотъ шагъ!

— На чемъ же ты полетишь, Собаковъ? — спросилъ, недовѣрчиво качая головой, учитель Кикинъ.—У насъ нѣтъ ничего, кромѣ аппарата, сдѣланнаго коллегой Абрамсономъ, — такого тяжелаго, что его шесть человѣкъ едва поднимаютъ.

— Не шесть, а четыре, — сказалъ угрюмо изобрѣтатель Абрамсонъ.—Онъ бы и полетѣлъ, да моторъ слишкомъ слабъ.

— А вы сдѣлайте моторъ побольше,— возразилъ Кикинъ, пожимая плечами.

— Тогда крылья окажутся слабыми.

— А вы сдѣлайте крылья больше!

— Нельзя. Тогда моторъ будетъ слабъ!

— Господа!—возвысилъ голосъ Собаковъ.—Изъ опыта нашего товарища Абрамсона мы видимъ, что аппараты

тяжелѣе воздуха намъ пока нужно оставить. Займемся сферическими шарами... я предлагаю пріобрѣсти въ складчину одинъ шаръ и попробовать на немъ осуществленіе гигантской идеи завоеванія воздуха.

— Я могу даже купить на свой счетъ оболочку,—заявилъ домовладѣлецъ Бурачковъ.

— А я, въ интересахъ науки, готовъ наполнить шаръ на свой счетъ газомъ,—поддержалъ аптекарь Луцкинъ.

— А я закажу корзину,—рѣшилъ купецъ Поддуваловъ.

— Прелестно!—всплеснулъ руками Собаковъ.—И мы, какъ въ Реймсѣ, устроимъ воздухоплавательную недѣлю.

II.

На окраинѣ города Коркина собралась праздная публика и, занявъ собой все обширное поле, любовалась дико и изумленно на небольшой сѣрый шаръ, гордо колыхавшійся въ тихомъ воздухѣ.

— Господа! Не напирайте, — умолялъ Собаковъ, суетясь около шара.—Полетъ будетъ видѣнъ всѣмъ—зачѣмъ же вы напираете?

— Страшно летѣть, небось?—спросила какая-то женщина въ платкѣ и шумно вздохнула.

— Господа!—скомандовалъ Собаковъ, обращаясь къ небольшой кучкѣ членовъ клуба.—Занимайте ваши мѣста.

Летѣть собралось шестеро: домовладѣлецъ Бурачковъ со свояченицей, купецъ Поддуваловъ, аптекарь Луцкинъ съ зубнымъ врачемъ Шайкиной и Собаковъ...

— Прошу занять мѣста въ корзинѣ,—повторилъ Собаковъ.—Не волнуйтесь, господа! Будьте покойны, мадмазель Шайкина, и не визжите—здѣсь нѣтъ ничего страшнаго. Первый моментъ покажется неожиданнымъ, а потомъ—полное удовольствіе! Садитесь, мадмазель Бурчумова! Луцкинъ, вы взяли приборы для измѣренія высоты? Прекрасно.

— А я закусить взялъ кой-чего, — сказалъ Поддуваловъ, подмигивая. — Любопытно, знаете, въ надзвѣздныхъ сферахъ рюмку выпить.

Когда всѣ сѣли, Собаковъ въ послѣдній разъ опытнымъ глазомъ оглядѣлъ шаръ и вскочилъ въ корзину.

— А балластъ взяли? — крикнулъ изъ кучки остальныхъ воздухоплавателей учитель Кикинъ.

— Взялъ, 4 мѣшка.

Собаковъ сдѣлалъ публикѣ привѣтственный жестъ и крикнулъ рабочимъ:

— Отпускай веревки!

. . . . . .

— Ну? — спросилъ Абрамсонъ, подходя къ корзинѣ шара.—Отчего же вы не летите?

— Не могу понять,—растерянно сказалъ Собаковъ.— Канаты отпустили?

— Отпустили. Попробуйте балластъ выбросить!

Собаковъ выбросилъ мѣшки съ пескомъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Не летитъ?

— Ни съ мѣста.

Собаковъ почесалъ затылокъ и обвелъ глазами сидѣвшихъ въ корзинѣ.

— Извините, господа...но кто-нибудь долженъ слѣзть... Много народу насѣло. Луцкинъ... вамъ придется слѣзть.

— Съ какой стати я,—сказалъ Луцкинъ.—Вотъ еще! Я далъ газъ, да я же и летѣть не могу? Вотъ еще!

— Тогда вамъ придется слѣзть,—развелъ руками Собаковъ, обращаясь къ Поддувалову.

— Со своей то корзины?—обидѣлся Поддуваловъ.— Ни въ жисть не слѣзу!

Пилотъ Собаковъ вздохнулъ.

— Тогда, можетъ быть, барышни уступятъ? — нерѣшительно сказалъ онъ.

Свояченица Бурачкова и зубной врачъ Шайкина, сконфуженныя, слѣзли и отошли въ сторону.

— Отпустите веревки!—скомандовалъ Собаковъ.

— Да онѣ уже отпущены.

— Чортъ знаетъ что! Господинъ Бурачковъ... можетъ быть, вы слѣзете?

— Я? Вы съ ума сошли! Вы, кажется, забыли, что оболочка моя. Сами слѣзайте!

— Мнѣ нельзя,—сказалъ Собаковъ.—Я пилотъ.

— Въ сущности,—пожалъ плечами аптекарь Луцкинъ,—что такое пилотъ? Будто это какая-нибудь должность или занятіе? Вотъ вы говорите—пилотъ. А что вы умѣете сдѣлать на этомъ шарѣ такого, чего бы мы не могли? Причемъ здѣсь—пилотъ? И если нужно выбирать между людьми, которые принесли матеріальныя жертвы нуждамъ воздухоплаванія, и тѣми, которые не принесли матеріальныхъ жертвъ нуждамъ воздухоплаванія...

— Пожалуйста!—сказалъ Собаковъ, криво усмѣхаясь.—Я слѣзу! Не видалъ я вашего шара... Подумаешь тоже — воздухоплаватели! Пропеллера отъ планера отличить не могутъ, а туда же — летѣть! Шлепнетесь безъ меня объ землю—такъ вамъ и надо!

Зловѣщее предсказаніе Собакова не могло сбыться, потому что, хотя онъ и слѣзъ, но шаръ остался на мѣстѣ.

— Чего же вы не летите?—ядовито сказалъ Собаковъ.—Летите!

— Кому-нибудь еще слѣзть нужно,—растерялся Луцкинъ.—Слѣзайте, Поддуваловъ! Мы полетимъ съ господиномъ Бурачковымъ.

— Попробуйте!—сказалъ угрюмо Поддуваловъ.—А я сниму свою корзину.

— Но вѣдь насъ троихъ шаръ не подыметъ!

— А мнѣ наплевать.

— Что же вы—такъ и будете сидѣть?

— Такъ и буду.

Всѣ трое посмотрѣли другъ на друга злыми глазами, отвернулись и застыли въ напряженномъ ожиданіи.

III.

Публика, зѣвая, расходились съ поля. Нѣкоторые ругались, а нѣкоторые разсудительно возражали имъ:

— Такъ нешто можно — штобъ полетѣть? Выдумки одни. Никакъ человѣку полетѣть въ небо невозможно.

Сквозь публику, толкаясь, прошла жена Поддувалова, и негодующе сказала:

— Вотъ онъ гдѣ! Ищу я его дома, стараго дурака, а онъ—вотъ онъ гдѣ! Извольте видѣть—въ корзину забрался и сидитъ. Старый человѣкъ, второй гильдіи купецъ!

Въ публикѣ захохотали.

— Вылѣзай изъ корзины, старый бездтыдникъ! Хучь бы людей постѣснился.

Поддуваловъ сконфузился и обернулся къ Луцкину.

— Чортъ съ вами! Летите—пусть пропадаетъ моя корзина. Не хочу летѣть!

Когда онъ слѣзъ — шаръ шевельнулся и—остался, по прежнему, на мѣстѣ.

Луцкинъ выругался и сказалъ, смотря на Бурачкова:

— Очевидно, этотъ шаръ для одного человѣка!

— Ну, такъ и слѣзайте.

— Ни за что въ жизни,—сказалъ твердо Луцкинъ.— Я хочу летѣть въ интересахъ науки, а вы для удовольствія.

— Не слѣзешь?—грозно спросилъ Бурачковъ.

— Очень просто—не слѣзу.

— Хорошо,—сказалъ Бурачковъ, вставая.—Тогда отдавай мою оболочку!

— Какъ... оболочку?—растерялся Луцкинъ. — А куда же я свой газъ дѣну?

— Забирай его куда хочешь! а я возьму свою оболочку...

— Онъ же мнѣ деньги стоитъ!—закричалъ блѣдный, встревоженный Луцкинъ. — Я съ утра его напускалъ, старался...

— Мнѣ нѣтъ дѣла! Отдай мою оболочку!

— Вы не имѣете права!.. Я буду жаловаться...

— А-а!.. Такъ? Ладно! Оболочка моя—что хочу то и дѣлаю...

Бурачковъ вынулъ ножъ и, приподнявшись, злобно пырнулъ имъ въ надутую оболочку шара.

Шаръ сталъ худѣть, ежиться и свисать на бокъ...

— Полетѣли,—засмѣялись въ публикѣ.

IV.

Съ тѣхъ поръ граждане города Коркина окончательно махнули рукой на воздухъ и рѣшили держаться земли. Нѣкоторые, наиболѣе къ ней привязанные, возвращаясь ночью изъ аэроклуба, держались за нее руками и ногами...

ВИНЬЕТКИ.

I. ТЩЕСЛАВІЕ.

Электричество заливаетъ праздничнымъ, веселымъ свѣтомъ нарядную толпу, обезумѣвшую отъ теплаго лѣтняго вечера, отъ запаха заснувшаго моря и красивой головокружительной музыки...

То и дѣло мнѣ въ лицо летитъ цѣлая туча разноцвѣтныхъ конфетти, а ноги все время путаются въ длинныхъ, назойливыхъ лентахъ серпантина...

Я не менѣе щедръ: мѣшочекъ съ конфетти быстро пустѣетъ въ моихъ рукахъ, и красивыя женщины въ большихъ шляпахъ шаловливо визжатъ, уклоняясь отъ цѣлаго водопада, который низвергается на ихъ блѣдныя отъ электрическаго свѣта лица, съ потемнѣвшими глубокими глазами.

Впереди меня медленно шла женская фигура, какъ будто чего-то выжидая и нерѣшительно оглядывая встрѣчную бурную волну человѣческихъ тѣлъ. Сзади я не могъ разглядѣть—красива она или нѣтъ, но въ припадкѣ шумной веселости, попытался опередить ее, держа наготовѣ горсть конфетти...

Свѣтъ дугового фонаря упалъ на нее, когда мы поравнялись: сухое, желтое лицо старой дѣвы, тонкія бѣлыя губы, собранныя мелкими складками, длинный носъ и впалая грудь, сожженная долголѣтнимъ неудовлетвореннымъ желаніемъ — все это сразу бросилось мнѣ въ глаза.

Я не разжалъ занесенную надъ ней руку, наполненную конфетти, а, брезгливо поморщившись, догналъ идущую впереди женщину съ круглыми плечами, стройнымъ бюстомъ, тонкимъ красивымъ лицомъ, и — неожиданный вихрь конфетти заставилъ ее сладко и пугливо засмѣяться.

Когда сутолока и шумъ утомили меня, я свернулъ на тихую боковую аллею и тихонько пошелъ по ней, разнѣженный ночью, красивой музыкой и женскими улыбками.

И тутъ подъ тѣнью акацій я увидѣлъ стоящую женщину: сухое, желтое лицо, тонкія блѣдныя губы, собранныя въ складки, длинный носъ и впалая грудь, сожженная долголѣтнимъ неудовлетвореннымъ желаніемъ...

Женщина стояла ко мнѣ бокомъ, озиралась, чтобы ее не увидѣли, и, держа въ одной рукѣ мѣшочекъ, другой — осыпала разноцвѣтными кружочками свою голову, плечи и грудь.

II. БЫЛА ПОРА, КОГДА...

— Хочу писать романъ,—сказалъ мнѣ пріятель.

— Дѣло хорошее. Пиши.

— Большой романъ! Есть много вопросовъ, накопилось много проблеммъ, которыя хотѣлось бы разрѣшить хоть отчасти.

— Тѣмъ болѣе—нужно писать.

— Да... Большой романъ! Этимъ вечеромъ и думаю засѣсть за работу.

— Планъ у тебя уже готовъ?

— Зачѣмъ планъ? Предразсудокъ изъ теоріи словесности! Прямо—начну.

— Да благословитъ тебя Богъ!

Мы зашли въ писчебумажный магазинъ, и пріятель мой, тщательно выбравъ перья, бумагу и чернила, приказалъ немедленно отослать это къ себѣ.

Прошла недѣля.

Прогуливаясь утромъ въ саду, я вспомнилъ о пріятелѣ, о его романѣ и вздумалъ провѣдать романиста.

Истомленный, похудѣвшій, спалъ онъ у письменнаго стола, окруженный цѣлой горой изорванной, помятой бумаги. Передъ спящимъ лежалъ большой листъ, на которомъ было написано:

СРЕДИ ОБЛОМКОВЪ ДВУХЪ ЭПОХЪ.

Романъ-хроника.

Въ шести частяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ.

Часть I.

ГЛАВА I. ЗА ЗАВѢСОЙ ПРОШЛАГО.

Была пора, когда...

Я разбудилъ спящаго и, смотря на него въ упоръ, спросилъ:

— Когда—что?

— Что, когда что?

— Вотъ ты написалъ «была пора, когда»... Такъ, когда—что?

Онъ опустилъ голову и признался:

— Я не знаю.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Пріятель мой до сихъ поръ не уяснилъ себѣ: когда—что?

III. ИЗМѢНА.

Поднимаясь по лѣстницѣ меблированныхъ комнатъ, служившихъ моимъ мѣстопребываніемъ, я наткнулся на площадкѣ на странную группу лицъ: полицейскаго пристава, дворника, швейцара и неизвѣстнаго мнѣ господина, кричавшаго взволнованнымъ голосомъ. Крики его сопровождались энергичной жестикуляціей, ударами кулака по перилямъ и размахиваніемъ какой-то запиской передъ самымъ носомъ полицейскаго.

— Увѣрены ли вы, что анонимъ сообщаетъ правду?—вѣжливо спрашивалъ полицейскій.

— Увѣренъ ли? Убѣжденъ!! Я давно замѣчалъ, что съ ней дѣло не ладно, а эта записка, окончательно открыла мнѣ глаза! Здѣсь — извольте видѣть — точно указанъ часъ и мѣсто ихъ свиданія... Мы накроемъ голубчиковъ на мѣстѣ преступленія! Но намъ нуженъ еще одинъ свидѣтель! Не хватаетъ одного свидѣтеля!

Обернувшись на мои шаги, полицейскій приложилъ два пальца къ фуражкѣ и сказалъ:

— Не согласитесь ли... Въ качествѣ свидѣтеля... Прелюбодѣяніе!

Предложеніе было такъ неожиданно, что я не успѣлъ отказаться.

— Гм... пожалуй.

Разгоряченный господинъ пожалъ мою руку, послѣ чего мы всей безтолковой компаніей ввалились въ переднюю.

— № 13?.. — спросилъ господинъ, заглянувъ въ записку.

— Здѣсь. Направо.

— Отворите! — закричалъ господинъ дикимъ голосомъ, обрушиваясь на запертую дверь. — Отворите, несчастные! Всякое запирательство безполезно.

За дверью послышался испуганный женскій крикъ и потомъ тихій шопотъ.

— Открывайте!! — бѣсновался разъяренный господинъ. — Открывай, жалкая обманщица, и вы, наглый милостивый государь!

Изъ-за двери донесся подавленный крикъ ужаса и шарканье босыхъ ногъ по полу.

— Именемъ закона!—сказалъ полицейскій, отстраняя бѣшенаго господина.

Дверь распахнулась и мы увидѣли то, что, въ сущности, ожидали и раньше: передъ нами стоялъ смущенный, растерянный господинъ въ брюкахъ, но безъ жилета и воротничка... У изголовья смятой кровати безуспѣшно куталась

въ одѣяло женщина, хорошенькая, молодая, но съ печатью страшнаго испуга на блѣдномъ лицѣ.

Сердитый господинъ, окинувъ господина безъ жилета взглядомъ, полнымъ уничтожающаго презрѣнія, прошипѣлъ: негодяй! — и, пройдя мимо него, схватилъ женщину за бѣлую круглую руку, выше локтя.

— Будете-ли вы и теперь отпираться, мерзкая женщина, что между вами нѣтъ близости?!

Она заплакала.

— Виноватъ, — твердо сказалъ полицейскій, — теперь прошу васъ не вмѣшиваться и сдержать на время свое негодованіе. Разрѣшите мнѣ сдѣлать нѣкоторыя формальности...

Онъ вынулъ изъ портфеля бумагу и сѣлъ за столъ.

— Ваше имя и фамилія,—сударыня?

Дама прикрыла розовыя обнаженныя колѣни сорочкой и сказала, сквозь слезы:

— Надежда Скаржинская.

— Хорошо-съ. Ваше имя и фамилія, молодой человѣкъ?

Господинъ безъ жилета взялъ въ руки свой воротничекъ и, потупясь, отвѣтилъ:

— Павелъ Скаржинскій...

— Вы что же... Родственники?

— Да.

— А какъ—родственники?

— Она—моя жена...

Изумленный полицейскій обернулъ лицо къ сердитому господину, пришедшему съ нами, и воскликнулъ:

— Тогда—кто же вы такой?

— Я — Смирновъ! Я, господинъ приставъ, давно уже замѣчалъ, что между нею и мужемъ что-то неладно, но, не имѣя поводовъ къ ревности, не придавалъ этому значенія. Теперь же, когда даже посторонніе стали замѣчать ихъ отношенія и писать мнѣ анонимныя письма—

я рѣшилъ изловить ихъ на мѣстѣ преступленія! И вотъ—какъ видите!!

— Чортъ знаетъ что такое?! — пожалъ плечами приставъ.

— Не правда-ли? — подхватилъ господинъ Смирновъ.—Возмутительно! Я ей этого не забуду...

IV. ЭКОНОМІЯ.

Отецъ.

Сынъ.

Отецъ.—О, мое дорогое дитя! Сердце разрывается на куски, когда я вспомню, что ты ѣдешь на край свѣта.

Сынъ. — Не плачь, отецъ! Будемъ мужественны. Владивостокъ—это все-таки не край свѣта.

Отецъ.— Подумай! Ты будешь ѣхать черезъ чужую страну, наполненную бѣглыми каторжниками, хунхузами, по ужасной, опасной для всякаго, дорогѣ. Доберешься ли ты въ цѣлости?!

Сынъ.—Постараюсь добраться.

Отецъ.—Ты вѣдь, сокровище мое, извѣстишь меня о благополучномъ прибытіи на мѣсто?

Сынъ.—О, да! Телеграммой.

Отецъ. — Телеграммой? Гм... гм... Ты не знаешь, кажется, оттуда въ Европейскую Россію телеграфъ беретъ за каждое слово 15 копѣекъ?

Сынъ.—Конечно. И подепешныя дороже.

Отецъ.—Подумать только, что это будетъ стоить уйму денегъ. Въ сущности говоря, что измѣнится оттого, что я узнаю о твоемъ здоровьи на недѣлю позже?

Сынъ.—Хорошо. Я пришлю заказное письмо.

Отецъ. — Заказное? Это четырнадцать копѣекъ. Недорого, но теперь почта такъ аккуратна, что и простое письмо дойдетъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Все-таки, въ половину дешевле!

Сынъ.—Отецъ! Вѣдь у насъ съ тобой секретовъ никакихъ нѣтъ и писать придется всего нѣсколько словъ. Пришлю я тебѣ тогда лучше открытку...

Отецъ. *(со слезами).*—И такого умнаго ребенка я долженъ скоро лишиться... Вѣдь это будетъ стоить всего три копѣйки! И я узнаю тогда о судьбѣ кости отъ костей моихъ. *(Пауза).* А, знаешь, что?.. Я тебѣ предложу комбинацію, еще болѣе дешевую... Пріѣхавши во Владивостокъ, ты зайди въ мелочную лавочку и купи на копѣйку два конверта. Одинъ можешь спрятать до какого-нибудь другого экстреннаго случая, а на другомъ напиши мой адресъ. Письма никакого не надо — почтовая бумага теперь кусается, а ты возьми тотъ обрывокъ бумаги, въ который тебѣ завернутъ въ лавочкѣ покупку, и, положивши его въ конвертъ, заклей. Потомъ опусти въ почтовый ящикъ безъ марки, и я получу здѣсь доплатное письмо. А когда почтальонъ доставитъ его мнѣ по адресу, я не буду совсѣмъ доплачивать и, вообще, откажусь принять его, такъ какъ уже буду знать, что мой сынъ, мое дорогое, обожаемое сокровище, живымъ и невредимымъ доѣхалъ, куда ему надо!

ДУЭЛЬ.

Мы лежали на кроватяхъ и, повернувъ изумленныя лица, смотрѣли на Костю; а онъ шагалъ по комнатѣ и, криво улыбаясь, говорилъ:

— Да-съ. Дуэль. Разъ онъ считаетъ себя оскорбленнымъ, вы понимаете, я, какъ честный человѣкъ, не могъ отказать. Хорошо, говорю я ему, хорошо... Только если ты, говорю, убьешь меня, то позаботься о моихъ старикахъ, живущихъ въ Лебединѣ.

— Ну, а онъ?

— Говоритъ: хорошо. Позабочусь, говоритъ.

— И все это изъ-за того, что ты разругалъ его картину?

— Да какъ я ее тамъ ругалъ? Просто сказалъ: глупая мазня. Безсмысленное нагромождение грязныхъ красокъ! Только и всего.

— Можетъ, помирились бы?

— Да... такъ онъ и согласится! Эхъ! Убьетъ, братцы, этотъ звѣрь вашего Костю. А?

— Коломянкинъ? Конечно, убьетъ, — подтвердилъ Громовъ, безмятежно лежа на постели и значительно поглядывая на меня. — Или попадетъ пуля въ животъ тебѣ. Дня три будешь мучиться... кишки вынутъ, перемоютъ ихъ, а тамъ, смотришь, зараженіе крови и—капутъ. Да ты не бойся: мы изрѣдка будемъ на твою могилку заглядывать.

— Спасибо, братцы. А секундантами не откажетесь быть?

— Можно и секундантами,—серьезно согласился Громовъ.—Тебѣ теперь отказывать ни въ чемъ нельзя: ты уже человѣкъ, можно сказать, конченный.

— Да ты, можетъ быть, смѣешься?

— Ну, вотъ... Тамъ, гдѣ пахнетъ кровью, улыбка дѣлается безсмысленной гримасой, какъ сказалъ одинъ извѣстный мыслитель.

— Какой?—спросилъ я.

— Я.

Дверь пріотворилась и въ комнату просунулась смущенная голова художника Коломянкина.

— А-а! Виновникъ торжества!—привѣтствовалъ его Громовъ.—Входи, сдѣлай милость, скорѣе, а то здѣсь сквозитъ.

Коломянкинъ бросилъ угрюмый взглядъ на Костю пожалъ намъ съ Громовымъ руки и строго сказалъ:

— Я знаю, что не принято являться къ противнику передъ дуэлью, но не виноватъ же я, чортъ возьми, что онъ живетъ вмѣстѣ съ вами... Вы же мнѣ, братцы, понадобитесь... Въ качествѣ свидѣтелей, а? Согласны? А то у меня здѣсь ни одного человѣка нѣтъ подходящаго.

— Стрѣляться хотите?—вѣжливо спросилъ Громовъ

— Стрѣляться.

— Такъ-съ. Дѣло хорошее! Только мы уже дали Костѣ слово, что идемъ въ секунданты къ нему. Правда, Костя?

— Правда...—уныло подтвердилъ Костя.

— Можетъ, ты бы, Костя,—спросилъ я,—уступилъ одного изъ насъ Коломянкину? На кой чортъ тебѣ такая роскошь—два секунданта?!

— Да, пожалуй, пусть беретъ,—согласился Костя.

— Господа!—серьезно сказалъ Коломянкинъ.—Я васъ очень прошу не дѣлать изъ этого фарса. Можетъ быть, это вамъ кажется смѣшнымъ, но я иначе поступить не могу. Во мнѣ оскорблено самое дорогое, что не можетъ быть урегулировано инымъ способомъ... На мнѣ лежитъ

отвѣтственность передъ моими предками, которые, будучи дворянами, рѣшали споры только такимъ образомъ.

— Царство имъ небесное!—вздохнулъ я.

— Пожалуйста, не смотрите на это, какъ на шутку!

— Какая ужъ тамъ шутка!—вскричалъ Громовъ.— Дѣльце завязалось серьезное. Правда, Саша?

— Конечно,—подтвердилъ я.—Вещь кроваваго характера. Стрѣляться рѣшили до результата?

— Да. Я не признаю этихъ комедій съ пустыми выстрѣлами.

— И ты совершенно правъ,—подтвердилъ Громовъ.— Въ кои-то вѣки соберешься ухлопать человѣка—и терять такой случай... Правда, Саша?

— Изумительная правда.

Дверь скрипнула. Всѣ обернулись и увидѣли квартирную хозяйку, съ двусмысленной улыбкой кивавшую намъ головой.

— Ахъ, чортъ возьми!—прошепталъ Костя, блѣднѣя.

Хозяйка подошла къ нему и сдѣлала веселое лицо.

— Ну-съ? Обѣщали сегодня, Константинъ Петровичъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, хмурясь, Громовъ.

— Да видишь ли... Въ этомъ мѣсяцѣ за квартиру плачу я. Моя очередь.

— Ну?

— Ну, вотъ и больше ничего.

— То-есть, какъ же ничего? Вы на сегодня обѣщали.

— Неужели, сегодня? Непростительный легкомысленный поступокъ... Гм... Что это у васъ новая кофточка? Прехорошенькая.

— Новая. Позвольте получить, Константинъ Петровичъ.

— Что получить?

— Да деньги же! Пожалуйста, не задерживайте, мнѣ на кухню нужно.

— Хозяйничаете все? Хлопочете?—ласково спросилъ Костя.—Хе-хе.

— Можетъ, вамъ размѣнять нужно? Я пошлю.

— Сколько тамъ съ меня?

— 20 рублей.

— Деньги, деньги... — задумчиво прошепталъ Громовъ.—Шесть буквъ... а какая громадная сила въ этомъ коротенькомъ словцѣ! Вы читали, Анна Марковна, романъ Золя «Деньги?»

— А вы читали когда-нибудь повѣстку о выселеніи?— полюбопытствовала хозяйка.

— Къ сожалѣнію, я до сихъ поръ не могъ расширить своего кругозора чтеніемъ этихъ любопытныхъ произведеній. Но на досугѣ, даю вамъ слово, прочту.

— Хорошо-съ! Если вы еще позволяете себѣ смѣяться, я сяду здѣсь и не сдвинусь съ мѣста, пока не получу денегъ.

— Просто признайтесь, хитрая женщина, что вы соскучились по изысканному обществу. Костя! Стулъ Аннѣ Марковнѣ.

Съ мрачнымъ лицомъ, хозяйка усѣлась у дверей... Тягостная пауза нависла надъ обществомъ.

Коломянкинъ побарабанилъ пальцами по столу и смущенно обвелъ взглядомъ нашу комнату. Потомъ, въ качествѣ воспитаннаго человѣка, началъ разговоръ:

— Сами бѣлили?

— Что такое?

Коломянкинъ смутился.

— Комнату, говорю, сами бѣлили?

— Да-съ! Я все сама... День-деньской на ногахъ, а за это, вмѣсто благодарности, изволите видѣть!

Помолчали опять.

— Погодка сегодня разгулялась, — сказалъ Коломянкинъ, смотря въ окно.

— Это ея дѣло. А когда человѣкъ разгуливается и тратитъ деньги на пьянство, это, извините-съ! Извините-съ!

Костя нервно вскочилъ и подошелъ ко мнѣ.

— У тебя нѣтъ денегъ?

— У меня? Нѣтъ. Громовъ!

— Ну?

— У тебя нѣтъ денегъ?—спросилъ я.

— У меня? Нѣтъ. Коломянкинъ!

— Что?

— У тебя нѣтъ денегъ?

— Есть. Сколько нужно? 20? Вотъ, пожалуйста.

— Господа! — возмутился Костя. — Это чортъ знаетъ что! Я съ Коломянкинымъ въ... такихъ... отношеніяхъ, а онъ — мнѣ деньги занимаетъ!! Вы не имѣли права дѣлать этого!

Молча, Громовъ взялъ у Коломянкина деньги и передалъ ихъ мнѣ. Я, молча, взялъ ихъ и сунулъ въ руку Кости.

Костя застоналъ, положилъ деньги на ладонь хозяйки и сказалъ, указывая ей на дверь:

— Прямо, потомъ налѣво.

Громовъ, растянулся на кровати и принялся что-то насвистывать.

Противники, избѣгая встрѣчаться взглядами, смущенно смотрѣли въ окна, а потомъ Коломянкинъ неувѣренно сказалъ:

— Александръ! Ты позаботишься о томъ, что нужно? Вотъ тебѣ записка къ моему знакомому офицеру, у котораго есть отличные пистолеты.

— Браво!—сказалъ я, одѣваясь.—Дѣло начинаетъ налаживаться! По дорогѣ я забѣгу также въ погребальную контору... Костя, ты какіе больше предпочитаешь,—глазетовые?

— Все равно.

— Съ кистями?

— Все равно.

Я вышелъ.

«Знакомый офицеръ» оказался очень симпатичнымъ человѣкомъ. Узнавъ, что мнѣ нужны пистолеты, онъ засуетился, досталъ ящикъ и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Для Коломянкина я это сдѣлаю съ удовольствіемъ! Вотъ пистолеты. Прекрасные—за пару плачено полтораста рублей!

— А вѣдь ихъ послѣ дуэли могутъ конфисковать,— возразилъ я съ искусственнымъ сожалѣніемъ.

Онъ омрачился.

— Неужели?

— А что вы думаете! «А, скажутъ, стрѣляетесь! Убиваете другъ друга!»И отнимутъ.

Офицеръ, вздохнувъ, посмотрѣлъ на ящикъ.

— Знаете, что?—сказалъ я.—Положитесь на меня. Пистолеты не пропадутъ. Я эти самыя дуэли умѣю преотлично устраивать. Есть у васъ десять рублей.

— Какъ... десять рублей?

— Очень просто, взаймы. Перваго числа возвращу.

Онъ, вынувъ кошелекъ, засуетился снова.

— Вотъ... У меня все трехрублевки. Ничего, что здѣсь 12 рублей?

— Что ужъ съ вами дѣлать,—снисходительно сказалъ я.—Давайте! Вы водку пьете?

— Пью. Иногда.

— Вотъ, видите! Командный составъ нашей арміи всегда приводилъ меня въ восхищеніе. Одѣвайтесь, поѣдемъ къ намъ.

— А... пистолеты?

— Мы ихъ забудемъ здѣсь. На меня иногда находятъ припадки непонятной разсѣянности. Ѣдемъ!

Онъ разсмѣялся.

— А вы, видно, рубаха-парень?!

— Совершенно вѣрно. Многіе до васъ тоже находили у меня поразительное сходство съ этой частью туалета.

Мы заѣхали по дорогѣ въ гастрономическій магазинъ и купили вина, водки и закуски.

У Кости былъ трагическій характеръ. Каждый часъ, каждую минуту онъ былъ кому-нибудь долженъ, и каждый часъ, каждую минуту ему приходилось выпутываться изъ самыхъ тяжелыхъ, критическихъ обстоятельствъ.

Но занималъ онъ деньги безъ нашей помощи, а ликвидировалъ свои запутанныя дѣла, прибѣгая къ живѣйшему участію: моему и Громова.

Отношеній нашихъ это не портило, тѣмъ болѣе, что Громовъ признавалъ Костю:

— Лучшимъ спеціалистомъ по съѣстному.

Это значило вотъ что:

Когда мы сидѣли безъ копѣйки денегъ, не имѣя ни напитковъ, ни пропитанія, лѣнивый Костя долго крѣпился, а потомъ, махнувъ рукой, вставалъ съ кровати, ворчалъ загадочное:

— Обождите!

Натягивалъ пальто и выходилъ изъ комнаты.

Послѣдующія Костины операціи усложнялись тѣмъ, что водка въ бакалейныхъ лавкахъ не продавалась, а въ казенныхъ ее отпускали за наличный расчотъ.

Костя по дорогѣ заходилъ къ сосѣду по номерамъ, какому-нибудь обдерганному студенту, и говорилъ ему крайне обязательно:

— Петровъ! Я, кстати, иду въ лавку. Не купить ли вамъ четвертку табаку?

— Да у меня есть еще немного.

— Тѣмъ лучше! Новый табакъ немного подсохнетъ. А? Право, куплю.

Студентъ долго, задумчиво глядѣлъ въ окно, ворочая отяжелѣвшими отъ римскаго права мозгами, и отвѣчалъ:

— Пожалуй! Буду вамъ очень благодаренъ.

Костя получалъ 45 копѣекъ и, выйдя на улицу, непосредственно затѣмъ смѣло входилъ въ дверь бакалейной лавочки на углу.

— Здравствуйте, хозяйка! Позвольте-ка мнѣ фунтъ колбасы и нарѣжьте ветчины!

Потомъ беззаботно опускался на какой-нибудь ящикъ и, оглядѣвъ лавку, сочувственно говорилъ:

— Магазинчикъ-то сырой, кажется!

— Какое тамъ сырой! — подхватывала хозяйка. — Прямо со стѣнъ вода течетъ!

Костя омрачался.

— Экіе мерзавцы! Имъ бы только деньги за помѣщенье драть! Небось, три шкуры съ васъ деретъ?

— И не говорите! 600 рублей въ годъ.

— 600 рублей? Да вѣдь онъ разбойникъ. Ахъ, негодяй... 600 рублей... Каково!? Коробочку сардинъ, сударыня, и десятокъ яицъ.

Разсѣянный взглядъ Кости падалъ на ребенка, хныкавшаго на рукахъ хозяйки, и съ Костей внезапно приключался истеричный припадокъ любви къ измызганному пищавшему малышу.

— Прехорошенькій мальчишка! Вашъ?

Хозяйка расплывалась въ улыбку.

— Дѣвочка. Моя.

— Учится?

— Помилуйте. Ей три года.

— Что вы говорите! Три года — а какъ... двѣнадцать. Она, кажется, на васъ похожа?

— Носикъ мой. А глазки папины.

— Совершенно вѣрно. Ахъ, ты, маленькій поросеночекъ! Ну, иди ко мнѣ на руки, а мама пока отрѣжетъ три фунта хлѣба и дастъ четвертку табаку. Она уже говоритъ?

— Да, уже почти все.

— Неслыханно! Это геніальный ребенокъ. Выростешь я тебя за генерала замужъ отдамъ. Хочешь?

Тронутая хозяйка брала счеты и высчитывала, что съ Кости приходится 2 рубля 30 копѣекъ.

— Только-то? Дѣтская сумма! Вотъ что, уважаемая... Вы отмѣтьте сумму въ книжечкѣ, — я знаю, у васъ есть такая, — а перваго числа я ужъ, какъ слѣдуетъ, чистоганомъ! Мы тутъ же живемъ, у Щемилина.

Взоръ хозяйки омрачался, такъ какъ Костя былъ ей лицомъ совершенно чуждымъ, но онъ строилъ такія забавныя гримасы ея дочкѣ и съ такимъ простодушіемъ просилъ, забирая покупки, «непремѣнно передать поклонъ мужу», что она, молча, вздыхала и разворачивала книгу на конторкѣ.

Купивъ затѣмъ, на студентовы деньги, водки, Костя, торжествующій, возвращался въ наши номера, вручалъ студенту табакъ и, получивъ отъ него теплую благодарность, насыщалъ принесеннымъ наши вѣчно пустые желудки.

Когда мы съ офицеромъ вошли въ нашу квартиру то нашли четырехъ человѣкъ: Громова, Костю, Коломянкина и Костинаго портного, всѣхъ — въ очень удрученныхъ, скорбныхъ позахъ.

— Меня интересуетъ,—говорилъ опечаленный Костя,— почему я обѣщалъ вамъ именно сегодня и почему именно 8 рублей?

Громовъ заявилъ, что его это тоже интересуетъ, портной сказалъ, что это его не интересуетъ, а Коломянкинъ, молча, глядѣлъ на Костю съ тайнымъ сочувствіемъ.

Мы стояли въ дверяхъ, когда Костя машинально спросилъ:

— Громовъ! У тебя нѣтъ 8 рублей?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Громовъ, — Коломянкинъ! У тебя нѣтъ 8 рублей?

— Да я всѣ отдалъ, что были... А! Полководецъ! У тебя нѣтъ 8 рублей?

Офицеръ, по давешнему, засуетился и, вынимая кошелекъ, сказалъ, будто бы въ этомъ было неразрѣшимое затрудненіе:

— Да у меня все трехрублевки. Ничего?

— Очень печально!—строго сказалъ Коломянкинъ.— Нужно быть осмотрительнѣе въ выборѣ средствъ къ существованію. Впрочемъ давай три штуки!

— Коломянкинъ! Не смѣй этого... то есть... не дѣлайте этого, господинъ Коломянкинъ!—закричалъ смущенный Костя.

— Идите, портной,—величественно сказалъ Коломянкинъ—На лишній рубль я обязую васъ сшить одному изъ насъ шелковую перевязку на руку или на голову.

— А какъ же съ дуэлью?—лѣниво спросилъ Громовъ.—Я уже по телефону успѣлъ знакомаго доктора пригласить.

— Да и у меня все сдѣлано,—хвастливо сказалъ я, похлопывая рукой по сверткамъ.

— Пистолеты?

— Они самые.

— Странно, что они имѣютъ бутылочную форму.

— Новая система. Казеннаго образца!

Въ дверь постучали и передъ нами предсталъ докторъ—сіяющій дебютантъ на трудномъ медицинскомъ поприщѣ,—пріятель Громова.

— Здравствуйте, господа. Ты меня серьезно приглашалъ, Громовъ?

— Совершенно серьезно.

— А гдѣ же больная?

Мы были въ изумленіи.

— Какая больная?

— Да вѣдь я спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ.

Взрывъ хохота поколебалъ драпировки оконъ и вырвался на тихую улицу.

— Здѣсь есть двое больныхъ. И оба они больны хроническою женскою болѣзнью—глупостью,—сказалъ Громовъ.—Бросьте, ребята, дурака валять. Надоѣло!

— Смотрѣть тошно!—поддержалъ я.

— Нелѣпо!—подхватилъ офицеръ.

Мы схватили Коломянкина и Костю, повалили на кровать, накрыли одѣяломъ, подушками и держали до тѣхъ поръ, пока они не взвыли отъ ужаса.

— Миритесь?

— Чортъ съ нимъ! Только пусть онъ возьметъ назадъ свои слова о моей живописи.

— Беру! При условіи, если ты напишешь мой портретъ, и онъ будетъ геніаленъ.

— Инымъ онъ и не можетъ быть!

Офицеръ раскладывалъ закуски, и откупоривалъ бутылки.

Коломянкинъ сидѣлъ на колѣняхъ доктора, пилъ съ нимъ изъ одного стакана вино и, опустивъ безсильно голову на его грудь, говорилъ:

— Жаль, все-таки... Ушла, Петя, поэзія изъ жизни.- Нѣтъ больше красивыхъ жестовъ, беззавѣтно-смѣлыхъ поступковъ, героизма... Ушла изъ нашего прозаическаго міра храбрость, поединки по поводу неудачно сказаннаго слова, рыцарское обожаніе женщины, щедрость, кошельки золота, разбрасываемые на проѣзжей дорогѣ льстивому трактирщику... Ударъ ножемъ какого-нибудь зловѣщаго бродяги на опушкѣ лѣса...

— Это вѣрно. Обидно, дурачекъ ты этакій,—подкидывалъ улыбающійся докторъ, гладя художника по лысѣющей головѣ . . . . . .

. . . . . .

ПИНХУСЪ РОЗЕНБЕРГЪ.

Передъ хозяиномъ маленькой мануфактурной лавченки Пинхусомъ Розенбергомъ стоялъ чиновникъ Самсоновъ и говорилъ:

— Покажите мнѣ темносиній бархатъ. Есть у васъ?

Пинхусъ обидчиво усмѣхнулся.

— Какъ же у насъ не можетъ быть темносиняго бархата? Чтобы торговое предпріятіе подъ фирмой Пинхуса Розенберга не имѣло какого-то бархата — это было бы не такъ смѣшно, какъ грустно!

— Такъ вотъ вы мнѣ и покажите.

— Что показать?

— Да бархатъ же! Бархатъ.

— Ахъ, бархатъ... Я вамъ сейчасъ покажу такой прекрасный бархатъ, что вы закричите отъ удовольствія. Вотъ-съ. Позвольте вамъ посмотрѣть!

Хозяинъ ловкимъ движеніемъ развернулъ на прилавкѣ синюю матерію и одобрительно потрепалъ по ней ладонью.

— Извольте видѣть! Помѣщица Гундикова тридцать аршинъ взяла...

— Виноватъ... Вы меня не разслышали! Вы показываете темносиній шелкъ, а я просилъ бархатъ.

— Прекрасный шелкъ.

— Да вѣдь мнѣ нуженъ бархатъ.

— Ахъ, бархатъ! Чего же вы раньше не сказали... Темносиній?

— Темносиній.

— Вы можете спросить всякаго уличнаго мальчика: уличный мальчикъ! Чѣмъ извѣстна фирма Пинхуса Розенберга? И уличный мальчикъ отвѣтитъ вамъ: синимъ бархатомъ!

Хозяинъ полѣзъ на какую-то полку и вернулся съ тяжелымъ свертком.

— Какъ вы найдете этотъ геніальный бархатъ?

— Постойте, да онъ черный!

Хозяинъ удивленно посмотрѣлъ на чиновника.

— А вы... какой же хотѣли?!

— Чортъ возьми! Я же у васъ прошу темносиній.

— Возьмите этотъ. Онъ почти темносиній. Уже такой почти, что дальше просто некуда.

— Нѣтъ, мнѣ черный не подойдетъ.

Хозяинъ почесалъ желѣзнымъ аршиномъ бровь и многозначительно сказалъ:

— Теперь самый модный бархатный цвѣтъ — такъ это черный. Всякій человѣкъ носитъ этотъ цвѣтъ...

— Можетъ быть. Но я прошу дать мнѣ темносиній

— Бархатъ?

— Ну, конечно.

— Возьмите—хорошій манчестеръ есть. Такой синій, что даже тяжело видѣть.

— Послушайте, — сказалъ чиновникъ Самсоновъ, нетерпѣливо махая рукой, — если у васъ есть *темносиній бархатъ*—дайте его мнѣ, нѣтъ—я пойду въ другой магазинъ.

— Онѣ пойдутъ въ другой магазинъ! Видѣли вы, люди добрые? Онѣ, вѣроятно, пойдутъ до Исаака Менделевича, который на прошлой недѣлѣ отравилъ свою маменьку, или до Якуба Зусмана, гдѣ вамъ подсунутъ такое, что вы потомъ снизойдете горькими слезами. Хорошо! Я вамъ покажу сейчасъ матерію, что вы скажете: Розенбергъ! Отрѣжьте мнѣ сто аршинъ!

Лицо хозяина было уныло-оскорбленное. Онъ укориз-

ненно покачалъ головой, нагнулся къ нижней полкѣ и вынулъ оттуда что-то свѣтло-голубое.

— Что бы вы сказали относительно этого кретончика?

— Провались онъ, вашъ кретончикъ! Я спѣшу, а вы отнимаете время тѣмъ, что мнѣ не нужно...

— Кретонъ вамъ не нуженъ? Хорошо. Мы вамъ дадимъ то, что вамъ нужно. Бархатъ нуженъ? Хорошо. Вотъ теперь вы мнѣ сказали, и я знаю: господину чиновнику нуженъ бархатъ. И я былъ бы убійцей, если бы отнималъ у васъ время. Ужъ время такая вещь, что прошла одна минутка, одна маленькая минуточка, и ея ужъ нѣтъ. Она исчезла, и самъ Господь Богъ не дастъ ее обратно, не повторитъ ни лавочнику Розенбергу, ни господину чиновнику...

Хозяинъ подперъ голову рукой и печально задумался... Тяжело вздохнулъ и меланхолично сказалъ:

— А изъ минуточекъ дѣлаются часочки, изъ часочковъ...

— Вы мнѣ покажете темносиній бархатъ, или у васъ его нѣтъ? — вскричалъ чиновникъ. — Я прошу у васъ: дайте мнѣ бархатъ, понимаете—бархатъ! И чтобы онъ былъ темносиній... Понимаете? Темно-и-синій! Ни черный, ни зеленый, ни желтый... И не кретонъ, не батистъ, а бархатъ! Понимаете—бархатъ!!

Пинхусъ Розенбергъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы стряхнуть тяжелыя мысли, и ласково сказалъ:

— Хорошо. Вы сейчасъ получите вашъ бархатъ. Сколько вамъ нужно аршинъ?

— Четыре съ половиной.

— А почему не семь?

— Потому что мнѣ нужно четыре съ половиной.

— Такъ, такъ. Въ этомъ городѣ изволите служить?

— Въ этомъ. Пожалуйста, поскорѣе!

— Я вамъ покажу бархатъ такъ скоро, что хуже всякаго курьерскаго поѣзда!

Розенбергъ досталъ еще какой-то свертокъ и устало развернулъ его.

— Вотъ бархатъ. Впрочемъ, онъ темнокрасный. Вы видите—я вамъ его не предлагаю, но онъ тоже бархатъ. Я знаю, что если вамъ нуженъ другой, такъ...

— Чортъ возьми!—сердито сказалъ чиновникъ Самсоновъ. — Можете вы дать мнѣ темносиній бархатъ? Отвѣчайте—да или нѣтъ?!

— Вамъ нуженъ темносиній?

— Темносиній.

— Именно бархатъ?

— Именно бархатъ.

— Очень жаль, но именно темносиняго бархата сейчасъ нѣтъ. У насъ есть бархатъ, но не темносиній, и есть темносиній, но не бархатъ! Можетъ, вамъ изъ легонькаго что нужно? Сатинъ, ситцы есть, сарпинка—большой выборъ, а?

— Прощайте! Сказали бы раньше сразу, что у васъ нѣтъ бархата.

— Что значитъ—нѣтъ? Синій бархатъ мы ждемъ—черезъ двѣ недѣли заходите. Могу предложить также головныя шали, одѣяла пике, галстуки...

Чиновникъ Самсоновъ круто повернулся, злобно хлопнулъ дверью и выскочилъ изъ магазина.

Розенбергъ пожалъ плечами, вышелъ неторопливо и смотря вслѣдъ удаляющемуся чиновнику, возмущенно покачалъ головой:

— Шарлатанъ! Весь магазинъ даромъ перерылъ.. Хоть бы для смѣху на пятнадцать копѣекъ купилъ!

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ.

Будучи умнымъ и хитрымъ человѣкомъ, я всегда относился недовѣрчиво къ людямъ, ухаживавшимъ за моей женой.

Мнѣ всегда казалось, что у нихъ на умѣ было что-то странное, и что они приходятъ къ намъ въ гости съ задней мыслью.

Я ввелъ систему — не отпускать жену безъ себя ни на шагъ и, поэтому, долгое время былъ спокоенъ.

Но мой пріятель Корнюхинъ—прехитрое существо,— часто старался нарушить мою систему и этимъ только дѣйствовалъ мнѣ на нервы.

Въ позапрошломъ году онъ пріѣхалъ на какомъ-то длинномъ велосипедѣ и сказалъ намъ:

— Завелъ себѣ тэндэмъ. Мы можемъ, Вѣра Павловна, совершить на немъ небольшую прогулку.

— Ну, что-жъ — можно, — согласился я. — Поѣдемъ. Я тоже не прочь провѣтриться.

— Втроемъ нельзя, — сказалъ онъ встревоженно, — это тэндэмъ для двухъ.

— Ну, поѣдемъ вдвоемъ...—началъ я и запнулся.

Этотъ человѣкъ, — подумалъ я, — можетъ быть, лукавитъ... Мы съ нимъ поѣдемъ, онъ отвлечетъ меня отъ жены, а въ это время въ домъ къ намъ придетъ какой-нибудь проходимецъ...

— Нѣтъ, — сказалъ я, вздохнувъ.—Поѣзжайте одни, безъ насъ.

— Почему же мнѣ не прокатиться? — несмѣло заикалась жена.

— Тэндэмъ, — сурово проворчалъ я. — Я, вообще, противъ этой системы. Не могу!

Одураченный Корнюхинъ уѣхалъ на своей длинной, несуразной машинѣ ни съ чѣмъ.

Однажды, сидя за обѣдомъ, мы услышали на улицѣ какое-то странное гудѣнье и шипѣнье...

Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ Корнюхина на маленькой машинѣ, которая хрипѣла и кашляла, будто съ дѣтства страдала катаромъ горла.

— А я, — сказалъ онъ, съ дѣланной беззаботностью входя въ комнату, — за вами, Вѣра Павловна. Не совершимъ ли мы маленькой увеселительной прогулочки? Мѣсто на автомобилѣ какъ разъ для двухъ!

— Ваша машина,—возразилъ я, —хрипитъ, какъ удавленникъ, и имѣетъ видъ разъяренной керосиновой кухни. Я не могу позволить женѣ ѣхать на такой ненадежной штукѣ.

Корнюхинъ заморгалъ глазами и, вздохнувъ, ушелъ.

Нѣкоторое время онъ не показывался.

Но однажды мы, сидя на верандѣ, услышали стукъ какой-то машины и легкій свистъ.

Я удивленно посмотрѣлъ на землю — она была пуста. Въ это время большая тѣнь упала около веранды, и я увидѣлъ на небѣ Корнюхина, который, сидя на странномъ аппаратѣ, похожемъ на стрекозу, радостно горланилъ во всю мочь легкихъ:

— Здравствуйте!! Я сейчасъ спущусь! Не желаете ли, Вѣра Павловна, сдѣлать небольшую увеселительную прогулочку?

Его машина заинтриговала меня.

Когда онъ слѣзъ съ нея, я, поколебавшись немного, сказалъ:

— Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ было бы превесело сдѣлать втроемъ маленькую прогулку!

— Тремъ нельзя, — возразилъ Корнюхинъ угрюмо. — Аппаратъ поднимаетъ только двухъ.

Жена посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза и твердо сказала:

— Если ты и на этой штукѣ побоишься меня отпустить, то завтра же я сбѣгу отъ тебя совсѣмъ...

Такъ какъ жена не всегда лгала мнѣ, — я испугался и сталъ раздумывать:

— Отпустить ее или нѣтъ?

Съ одной стороны, машина казалась мнѣ очень подозрительной, потому что представляла странное сочетаніе предыдущихъ неудачныхъ попытокъ Корнюхина: внизу былъ придѣланъ какой-то велосипедъ, а моторъ пыхтѣлъ точно такъ же, какъ ранѣе видѣнный мной у Корнюхина автомобиль. Съ другой стороны — особенной опасности не было, потому что они могли полетать недалеко, не спускаясь на землю, а самъ по себѣ аппаратъ былъ очень шатокъ и неустойчивъ...

— Лети! — согласился я. — Хватитъ ли только у васъ пороху на двухъ? — спросилъ я потомъ, указывая на машину.

— То есть, бензину? — спросилъ повеселѣвшій Корнюхинъ. — Здѣсь еще есть ровно на сорокъ минутъ. За глаза хватитъ!

Они усѣлись на какія-то скамеечки и, пославъ мнѣ воздушный поцѣлуй, плавно съ разбѣга поднялись въ воздухъ.

— Только недолго,—крикнулъ я.—Я подожду.

Они скоро скрылись съ глазъ, а я сѣлъ на стулъ и сталъ ждать. Ждалъ долго.

Нужно ли говорить, что эти негодяи вернулись черезъ два часа!

Когда они подлетѣли, раскраснѣвшіеся, веселые, я сердито крикнулъ:

— Что за свинство! Гдѣ вы были такъ долго?

— Въ воздухѣ,—отвѣчала жена, сходя на землю.— Ахъ! Если бъ ты зналъ, какъ это очаровательно!

Я угрюмо посмотрѣлъ на ея красное лицо и сказалъ:

— А... отчего у тебя волосы растрепаны?

— Господи, Боже ты мой! Очень просто—вѣтеръ!

Я перевелъ глаза на Корнюхина и подозрительно спросилъ:

— Кажется, передъ полетомъ у васъ галстухъ былъ завязанъ совсѣмъ иначе?!..

— Совершенно вѣрно, — хладнокровно улыбнулся Корнюхинъ.— Я его развязывалъ, чтобы, держа въ рукѣ, узнать направленіе вѣтра. Это обычный пріемъ аэронавта.

— Вы... на землю не спускались?

— Конечно, нѣтъ!

Я задумался.

— Какъ же, если вы ни разу не спускались на землю— какъ у васъ могло хватить бензину, когда у васъ его было только на сорокъ минутъ, а вы были, по вашимъ же словамъ, въ воздухѣ всѣ сто двадцать минутъ?!

— Вы не знаете авіатики,—отвѣчалъ Корнюхинъ.— Это дѣлается очень просто: когда мы взлетѣли, я переставилъ часы на восемьдесятъ минутъ назадъ. Такимъ образомъ, по моимъ часамъ бензинъ расходовался сорокъ минутъ.

— Ну, то-то,—сказалъ я, успокоенный. — Пойдемте чай пить.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя у меня родился ребенокъ.

Недавно мы мирно сидѣли съ женой и любовались на мальчика, который уже началъ ходить.

Забавно переступая ножонками, онъ подошелъ къ углу, гдѣ стоялъ мокрый послѣ дождя, раскрытый для просушки, зонтикъ, взялъ его за ручку, вскарабкался на стулъ, оттуда на столъ и, поднявъ надъ головой, плавно спустился на немъ, какъ на парашютѣ, на полъ.

Я медленно всталъ и, нахмуривъ брови, посмотрѣлъ на растерявшуюся жену.

— Это... что... что... значитъ?

Жена упала передо мной на колѣни...

Склонила голову и, молча, заплакала.

ДИТЯ.

I.

Есть люди, къ которымъ съ перваго взгляда начинаешь питать непобѣдимую симпатію и самое широкое довѣріе. Въ нихъ все—голосъ, манеры, ясный взглядъ—располагаетъ къ откровенности, дружеской общительности и, познакомившись съ такимъ человѣкомъ, черезъ часъ уже начинаешь испытывать чувство, будто знакомъ съ нимъ десять лѣтъ.

Однажды я столкнулся съ такимъ именно человѣкомъ, и у меня надолго останется о немъ воспоминаніе...

Дѣло происходило въ купэ второго класса вечерняго поѣзда. Я ѣхалъ въ городъ Пичугинъ, гдѣ мнѣ предстояло на другой день прочесть лекцію о воздухоплаваніи, по вызову какого-то «Пичугинскаго авіаціоннаго общества завоеванія воздуха».

Въ купэ, кромѣ меня, находился еще одинъ юный господинъ, и не успѣлъ я сѣсть, какъ мы оба почувствовали другъ къ другу самое искреннее расположеніе.

Онъ привѣтливо улыбнулся мнѣ, кивнулъ головой и добродушно сказалъ:

— Кажется, насъ здѣсь только двое! Это самое удобное, не правда ли?

— Да—весело сказалъ я.—Терпѣть не могу тѣсноты. А гдѣ же ваши вещи?

Онъ засмѣялся и юмористически развелъ руками.

— Все мое при мнѣ. Далеко ѣдете?

— Въ Пичугинъ. Вызвали меня какіе-то чудаки прочесть лекцію о воздухоплаваніи. Моя фамилія Воробьевъ.

— Я очень радъ,—привѣтливо сказалъ мой спутникъ.— Я тоже ѣду въ Пичугинъ по дѣлу и съ удовольствіемъ побываю на вашей лекціи. Гдѣ она будетъ?

— Понятія не имѣю. Я ѣду туда въ первый разъ, по приглашенію какого-то „Пичугинскаго авіаціоннаго общества".

Онъ улыбнулся.

— Воображаю Пичугинскую авіацію!..

— Да ужъ, дѣйствительно. Хотя обѣщаютъ за лекцію двѣсти рублей.

— Ого! Эта сумма,—сострилъ мой спутникъ,—можетъ все ихъ общество поднять на воздухъ.

Мы расхохотались.

Я взглянулъ на часы, зѣвнулъ и сказалъ:

— Пора бы и на боковую. Чего это кондукторъ не идетъ?

— А зачѣмъ онъ?

— Да билеты-то—долженъ же онъ отобрать. Смерть не люблю, когда меня, соннаго, будятъ!

— Да вы и ложитесь,—сказалъ мой сосѣдъ, вынимая изъ кармана газеты.—А я почитаю. Хотите, я кондуктору за васъ билетъ покажу, чтобы не безпокоить васъ...

— Мнѣ, право, совѣстно,—тронутый его заботливостью возразилъ я.

— Пустяки! Все равно я не буду спать.

Я расположился на верхней койкѣ, вручилъ своему сосѣду билетъ, снялъ чемоданъ и, раскрывъ его, вынулъ подушку.

Молодой человѣкъ съ простодушнымъ любопытствомъ взглянулъ на чемоданъ и, восхищенный, воскликнулъ:

— Какая любопытная вещь!

— Да... чемоданчикъ хорошій.. Я его въ Дрезденѣ покупалъ. Вотъ это отдѣленіе для бѣлья, это нессесеръ,

здѣсь верхнее платье, здѣсь дорожный погребецъ, а это отдѣленіе для денегъ и паспорта.

Онъ улыбнулся.

— Что же это—самое главное отдѣленіе—и пусто?

— Я безъ паспорта. Вѣдь въ вашемъ Пичугинѣ на этотъ счетъ не строго?

— Ну, знаете... при нашемъ режимѣ... всего можно ожидать. Я не разстаюсь съ паспортомъ. Вотъ оно, мое имущество!

Онъ вынулъ изъ кармана паспортъ и, со смѣхомъ, подбросилъ его кверху.

Въ немъ было что-то наивно дѣтское, привлекательное своей жизнерадостностью и непосредственностью.

— Смотрите,—потеряете,—пошутилъ я. — Вы сущій ребенокъ. Нужно бы отобрать его, да спрятать.

Лицо его сразу стало озабоченнымъ.

— Потерять-то я его не потеряю, а украсть ночью могутъ. Что я тогда буду дѣлать?...

— Давайте, я спрячу въ свой чемоданъ. Въ отдѣленіе для денегъ, а? Хотите? Деньги-то у васъ есть?

— Денегъ-то у меня и нѣтъ,—разсмѣялся онъ.—А паспортъ спрячьте.

Онъ снова съ дѣтскимъ любопытствомъ осмотрѣлъ внутренность чемодана и заявилъ, что, когда будетъ богатымъ—поѣдетъ въ Дрезденъ и купитъ такой чемоданъ.

— Славный вы парень! Веселый,—сказалъ я, укладываясь.

Онъ застѣнчиво улыбнулся.

— Это потому, что вы мнѣ понравились. Съ другими я диковатъ. А вамъ вонъ даже паспортъ довѣрилъ.

— Да и я вамъ билетъ довѣрилъ,—расхохотался я.— Отцу бы родному не довѣрилъ! Охо-хо!

Я зѣвнулъ, повернулся на другой бокъ, пожелалъ моему спутнику спокойной ночи и моментально заснулъ.

II.

Очень скоро я почувствовалъ, что меня кто то тихо, но упорно будитъ, дергая за ногу и приговаривая:

— Послушайте, послушайте!..

Я еле раскрылъ сонные глаза, поднялъ голову и увидѣлъ кондуктора.

— Что вамъ?—сердито сказалъ я.

— Билетъ пожалуйте!

— Да вѣдь...

Я всталъ, спустилъ ноги и увидѣлъ своего спутника, мирно сидѣвшаго напротивъ и углубленнаго въ чтеніе газеты.

— Послушайте! — сказалъ я. — Вы ему показывали мой билетъ?

Онъ поднялъ свое милое, дѣтски удивленное лицо и взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Какой билетъ?

— Да который я вамъ далъ!

— Вы мнѣ дали? Когда?

— Ну, какъ! Давеча вы сами вызвались показать кондуктору мой билетъ, чтобы меня не безпокоить.

Удивленію его не было границъ.

— Я? Взялъ? Ничего не понимаю! У меня былъ свой билетъ—я его и предъявилъ кондуктору. Единственный у меня билетъ и есть... Можетъ, вы кому-нибудь другому его передали?

Лицо моего спутника перестало мнѣ нравиться.

— Послушайте! — сказалъ я. — Но вѣдь это же гадость!

— Да вы поищите въ карманахъ, — участливо посовѣтовалъ онъ, принимаясь снова за газету.—Можетъ быть, въ карманѣ гдѣ-нибудь.

По лицу кондуктора я видѣлъ, что онъ не вѣритъ мнѣ ни на грошъ, считая мои слова неудачной уловкой

безбилетнаго пассажира. Не желая затѣвать непріятной исторіи, я вынулъ деньги и сказалъ:

— Вѣроятно, я потерялъ билетъ. Возьмите съ меня доплату и оставьте меня въ покоѣ.

Кондукторъ укоризненно покачалъ головой, взялъ деньги и ушелъ, оставивъ насъ вдвоемъ.

— Что это все значитъ?—сурово сказалъ я, пронизывая своего сосѣда взглядомъ.

Онъ снялъ съ вѣшалки пальто, разостлалъ его на нижней койкѣ и сталъ, молча, укладываться.

— Что это все значитъ?!

Онъ мелодично засвисталъ, снялъ пиджакъ положилъ подъ голову и, сладко протянувшись, легъ.

— Вы наглецъ!—закричалъ я.

Онъ дружески улыбнулся, сдѣлалъ прощальный жестъ и закрылъ глаза.

— Я думалъ, что вы порядочный человѣкъ, а вы оказались жуликомъ. Какъ не стыдно! Чего жъ вы молчите? Негодяй вы, и больше ничего! Обыкновенный поѣздной воръ. Въ тюрьмѣ васъ сгноить бы надо! Чтобъ васъ черти побрали!

До меня донеслось его ровное дыханіе.

— Спишь, румяный идіотъ? Чтобъ тебѣ завтра въ кандалахъ проснуться! Такъ бы и плюнулъ въ твою лживую рожу. „Да-айте билетикъ, я за васъ покажу“... У, чтобъ ты пропалъ!

Во мнѣ клокотала злоба, и я еще съ полчаса ругался и ворчалъ, пока не почувствовалъ смертельной усталости.

Откинувшись на подушку и засыпая, я подумалъ:

— Ну, обожди же, негодяй—не получишь ты своего паспорта! Попляшешь ты завтра!..

III.

Проснулся я поздно. Мой спутникъ сидѣлъ, уже одѣтый, умытый, и съ аппетитомъ ѣлъ вареную колбасу, запивая ее водой изъ чайника.

— Хотите колбасы?—спросилъ онъ, глядя на меня ясными лучистыми глазами ребенка.

— Убирайся къ чорту.

— Скоро большая станція. Я думаю, тамъ вы сможете напиться чаю и позавтракать.

— Желаю, чтобъ тебя переѣхало поѣздомъ на этой станціи!

Онъ посмотрѣлъ въ окно и привѣтливо улыбнулся.

— Погодка-то исправляется. Пожалуй, въ Пичугинѣ санный путь застанемъ.

Его честное, простое лицо было мнѣ ненавистно. Я сидѣлъ въ углу и съ наслажденіемъ мечталъ о томъ, какъ онъ попроситъ возвратить паспортъ, а я сдѣлаю видъ, что не слышу, и какъ онъ будетъ бѣжать за мной и клянчить.

Но онъ не вспоминалъ о паспортѣ. Доѣлъ колбасу, вытеръ руки и снова взялся за свои газеты.

Я нарочно не вышелъ на той станціи, на которой онъ совѣтовалъ мнѣ позавтракать, и до обѣда ничего не ѣлъ. Обѣдалъ на другой станціи. Потомъ занялся разборкой матерьяловъ для лекціи, которую мнѣ предстояло прочесть въ тотъ же день вечеромъ.

— Любопытная это вещь, воздухоплаваніе?—спросилъ меня покончившій съ газетами сосѣдъ.—Въ газетахъ много теперь объ этомъ пишутъ.

— Прошу со мной не разговаривать!—закричалъ я.

— Все-таки, еще, какъ слѣдуетъ, не летаютъ. Всѣ эти авіаторы, аэропланы — дѣтская игра. Такъ себѣ, наука простая.

— Эта наука не для мелкихъ поѣздныхъ жуликовъ,— съ горечью сказалъ я, чувствуя себя совершенно безсильнымъ передъ его спокойнымъ благодушнымъ нахальствомъ.

— Вотъ сейчасъ и Пичугинъ! — сообщилъ онъ, смотря въ окно. Намъ здѣсь сходить.

— Сейчасъ попроситъ паспортъ, — подумалъ я. — Попроси, голубчикъ, попроси.

— Но онъ надѣлъ пальто, собралъ свои газеты и, дружески кивнувъ мнѣ головой, вышелъ въ корридоръ.

Поѣздъ остановился.

Посмѣиваясь въ душѣ надъ своимъ спутникомъ, я одѣлся, взялъ чемоданъ и вышелъ. Носильщиковъ не было, вещи пришлось тащить самому.

Неожиданно сзади послышался быстрый топотъ нѣсколькихъ ногъ, кто-то подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ за руки.

— Этотъ?

— Онъ самый, — сказалъ хорошо знакомый мнѣ, добрый голосъ. — Схватилъ мой чемоданъ, да — бѣжать... Какъ вамъ это понравится?!

Я въ бѣшенствѣ вырвался изъ рукъ стараго усатаго жандарма и вскричалъ:

— Что вамъ нужно!? Этотъ чемоданъ мой!

— Старая исторія! Мнѣ васъ очень жаль, — соболѣзнующе сказалъ мой вагонный сосѣдъ, — но я принужденъ просить о вашемъ арестѣ.

— Какъ вы смѣете?! Это мой чемоданъ! Я разскажу даже что въ немъ!

— Слушайте... не будьте смѣшнымъ... Я, г. жандармъ, раскрывалъ нѣсколько разъ этотъ, купленный мною въ Дрезденѣ чемоданъ—а онъ, конечно, разсмотрѣлъ вещи. Нельзя же такъ... Ну, хорошо... Если это вашъ чемоданъ, то скажите, что это за паспортъ лежитъ въ отдѣленіи для денегъ? Чей? На чье имя? Вѣдь вы же должны знать все, что есть въ чемоданѣ. Вы молчите? Не хорошо-съ, не хорошо, молодой человѣкъ.

Его симпатичное лицо было печально. Онъ вздохнулъ, взялъ мой чемоданъ и сказалъ жандарму:

— Вы его пока возьмите въ часть, что ли. Только, пожалуйста, не бейте при допросѣ. Онъ, вѣроятно, и самъ жалѣетъ о томъ, что сдѣлалъ. Богъ васъ проститъ, молодой человѣкъ!

И ушелъ, добрый, благодушный, вмѣстѣ съ моимъ чемоданомъ.

IV.

На другой день утромъ, меня допрашивали въ участкѣ. Когда я, томясь въ ожиданіи допроса, взялъ лежащую на столѣ газету «Пичугинскія Вѣдомости» — мнѣ бросилась въ глаза замѣтка:

«Неудавшаяся лекція. —Прочитанная вчера вечеромъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга г. Воробьевымъ лекція о воздухоплаваніи, окончилась скандаломъ, такъ какъ выяснилось, что лекторъ не имѣетъ никакого представленія о воздухоплаваніи. Многочисленная публика, не стѣсняясь, хохотала, когда молодая столичная извѣстность (вотъ они столичныя знаменитости!) путала аэростатъ съ аэропланомъ и сообщала цѣнныя свѣдѣнія, въ родѣ того,что воздушный шаръ надуваютъ кислородомъ. Да... Надуваютъ. Только публику, а не шаръ! Очень жаль, что деньги за лекцію были заплачены петербургскому шарлатану впередъ, и все дѣло окончилось только бранью публики, да извиненіями устроителей лекціи».

ТИХОЕ ПОМѢШАТЕЛЬСТВО.

I.

Мы сидѣли на скамьѣ тихаго бульвара.

— Жестокость—прирожденное свойство восточныхъ народовъ,—сказалъ я.

— Вы правы,—кивнулъ головой Банкинъ.—Взять хотя бы бывшаго персидскаго шаха. Это былъ ужасный человѣкъ!

И мы оба лѣниво замолчали.

Банкинъ сорвалъ травинку, закусивъ ее зубами, поморщился (травинка, очевидно, оказалась горькой), но сейчасъ же лицо его засвѣтилось тихой радостью.

— Онъ сейчасъ уже, навѣрно, спитъ!—прошепталъ Банкинъ.

— Почему вы такъ думаете?—удивился я.

— Конечно! Онъ всегда спитъ въ это время.

Послѣднее время Банкинъ казался человѣкомъ очень страннымъ. Я внимательно посмотрѣлъ на него и осторожно спросилъ:

— Откуда же вамъ это извѣстно?

— Мнѣ? Господи!

И опять мы замолчали.

— Ему, очевидно, не сладко живется...—зѣвая, промямлилъ я.

— Почему? Съ нимъ няньчатся всѣ окружающіе. Его такъ всѣ любятъ!

— Не думаю,—возразилъ я.—Послѣ того, что онъ натворилъ...

Банкинъ неожиданно выпрямился и въ паническомъ ужасѣ схватилъ меня за плечи:

— Натво...рилъ?! Владычица небесная!.. Что же онъ... натворилъ? Когда?

— Будто, вы не знаете?.. Сажалъ, кого попало, на колъ, мучилъ, обманывалъ народъ...

— Кто?!!

— Да шахъ же, Господи!

— Какой шахъ?

— Бывшій. Персидскій. О которомъ мы говорили!

— Развѣ мы говорили о шахѣ?

— Нѣтъ, мы говорили о ребятишкахъ, — иронически усмѣхнулся я.

— Ну, конечно, о ребятишкахъ! Я о своемъ Петькѣ и говорилъ.

Банкинъ вынулъ часы, и опять лицо его засіяло счастьемъ.

— Молочко пьетъ,—радостно засмѣялся онъ.—Проснулся, вѣроятно, и говоритъ: мамоцка, дай маяцка!

— Ну, это, кажется, вы хватили... Сыну-то вашему всего на всего два мѣсяца... Неужели, онъ уже говоритъ?

Я самъ былъ виноватъ, что коснулся этого предмета. Разговоръ о Петькѣ начался у насъ въ восемь часовъ и кончился въ половинѣ двѣнадцатаго.

— Видите ли,—началъ просвѣтленный Банкинъ,—онъ, правда, буквально этого не говоритъ, но онъ кричитъ: мм—ма! И мы уже знаемъ, что это значитъ: «дорогая мамочка, я хочу еще молочка!» А вчера... Нѣтъ, вы не повѣрите!..

— Чему?

— Тому, что я вамъ разскажу. Да нѣтъ—вы не повѣрите...

Я далъ слово, что повѣрю.

— Представьте себѣ: прихожу я... Позвольте... Когда это было? Ага! Вчера. Прихожу вчера я домой, а онъ у Зины на рукахъ. Услышалъ шумъ шаговъ и—ха-ха! обо-

рачивается и—ха-ха!..ха-ха-ха!..оборачивается и говоритъ: лю!

— Ну?

— Говоритъ: лю! Каковъ каналья?

— Ну?

— Ха-ха! Лю!—говоритъ.

— Что же это значитъ—лю?—спросилъ я, недоумѣвая.

— Неужели, вы не поняли? Это значитъ: папочка, возьми меня на руки.

Я возразилъ:

— Мнѣ кажется, что толкованіе это немного произвольно... Не значило ли „лю“ просто: старый оселъ! Притворяй покрѣпче двери...

— Ни-ни. Онъ бы это сказалъ совсѣмъ по другому. А вы знаете, какъ онъ пьетъ молоко?

Я поежился и попробовалъ сказать, что знаю.

Банкинъ обидѣлся.

— Откуда же вы можете знать, если вы еще не видѣли Петьки?

— Я, вообще, знаю, какъ дѣти пьютъ молоко. Это очень любопытно. Я видѣлъ это отъ семнадцати до двадцати разъ.

— Петька не такъ пьетъ молоко,—увѣренно сказалъ Банкинъ.

На половинѣ описанія петькинаго способа пить молоко, сторожъ попросилъ насъ удалиться, такъ какъ бульваръ закрывался. Желая сдѣлать сторожу пріятное, Банкинъ пообѣщалъ, что, когда его Петька научится ходить, онъ будетъ играть песочкомъ только на этомъ бульварѣ.

По свойственной всѣмъ бульварнымъ сторожамъ замкнутости, этотъ сторожъ не показалъ наружно, что онъ польщенъ, а загнавъ восторгъ внутрь, съ дѣланнымъ равнодушіемъ сказалъ:

— Пора, пора! Нечего тамъ.

Въ маленькомъ ресторанѣ, куда мы зашли выпить

по стакану вина, мнѣ удалось дослушать конецъ петькинаго способа пить молоко. Кромѣ того, мнѣ посчастливилось узнать много цѣнныхъ и любопытныхъ сторонъ увлекательной петькиной жизни, вплоть до самыхъ интимныхъ...

Изъ послѣднихъ я вынесъ странное убѣжденіе, что Банкинъ былъ удовлетворенъ и чувствовалъ себя счастливымъ только тогда, когда пиджакъ его или брюки были окончательно испорчены легкомысленнымъ поведеніемъ его удивительнаго отпрыска.

Истощившись, Банкинъ долго сидѣлъ, полный тихой грусти.

— За что вы меня не любите?

— Я васъ не люблю?—удивленно вскинулъ я плечомъ.—Съ чего это вы взяли?

— Вы меня не любите...—увѣренно сказалъ Банкинъ.—Вы не могли за это время собраться—зайти ко мнѣ и взглянуть на Петьку.

— Господи помилуй! Да просто не приходилось. Надняхъ зайду. Непремѣнно зайду.

— Правда?! Спасибо. Я вижу, вы полюбили моего Петьку, даже не видя его. Что же вы запоете, когда увидите!

Спину мнѣ разломило и глаза слипались.

Я попросилъ счетъ и, зная, что съ Банкинымъ мнѣ по дорогѣ, попробовалъ завязать разговоръ о самой безобидной вещи:

— Ночи теперь стали короче.

Банкинъ расхохотался.

— Да, да! Свѣтаетъ въ четыре часа. Просыпаюсь я вчера, смотрю—свѣтло. А онъ ручонку изъ кроватки высунулъ и пальцемъ... этакъ вотъ...

— Пойдемте!—сказалъ я.—А то мы не достанемъ извозчика.

— Успѣемъ. У него теперь самый сладкій сонъ. Повѣрите ли вы, что если его поцѣловать—онъ не просыпается.

— Это неслыханно, — пробормоталъ я. — Человѣкъ! Пальто.

II.

Однажды Банкинъ зашелъ ко мнѣ. Я познакомилъ его съ сидѣвшимъ у меня редакторомъ еженедѣльнаго журнала и привѣтливо спросилъ:

— Какъ поживаете?

— Онъ уже ходитъ,—подмигнулъ Банкинъ.—А вчера какой случай былъ...

— Такъ вы говорите, что теперь еженедѣльники не въ фаворѣ у публики?—обратился я къ редактору.—Скажите...

— А вы бросьте издавать еженедѣльникъ,—перебилъ Банкинъ.—Начните что-нибудь для дѣтей. Это будетъ имѣть успѣхъ. Да вотъ я вамъ разскажу такой примѣръ: есть у меня сынъ—Петька. Удивительно умный ребенокъ. И онъ...

— Вы, господа, поговорите здѣсь,—сказалъ я, вставая,—а мнѣ нужно будетъ на часокъ съѣздить. Вы ужъ извините.

Дня черезъ три я встрѣтилъ Банкина около итальянца,—продавца разной дряни изъ коралловъ и лавы.

— Это для взрослыхъ... Понимэ! Эй, какъ васъ.., синьоръ! Понимаете—для взрослыхъ. Иль грано! А мнѣ нужно что-нибудь для мальчика... Копренэ? Анфана! Понимаете, этакій анфанъ террибль! Славный мальчишка... Да не брелокъ! На чорта ему брелокъ, уважаемый синьоръ? Фу, какой вы безтолковый.

Я тихонько прошелъ мимо, но, возвращаясь обратно на трамваѣ, опять встрѣтилъ Банкина. Онъ промелькнулъ мимо меня на противоположномъ трамваѣ, увидѣлъ мое лицо, и до меня донесся его радостный, но совершенно непонятный мнѣ крикъ:

— А Петь... Въ кашу рук...

III.

Вчера я вышелъ на улицу, и первое лицо, которое мнѣ попалось,—былъ Банкинъ.

— А я за вами.

— Что случилось?

— Пойдемте. Посмотрите теперь на моего Петьку—ахнете! Вы помните, я вамъ разсказалъ въ трамваѣ о его—ха-ха! поступкѣ съ кашей—ха-ха!

— Помню,—сказалъ я.—Очень было смѣшно.

— Это что! Вы посмотрите, какія штуки онъ теперь выдѣлываетъ.

Впереди насъ шла нянька съ мальчикомъ лѣтъ трехъ.

— Постойте — вскричалъ Банкинъ, хватая меня за рукавъ.—Постойте!!

Я посмотрѣлъ на его поблѣднѣвшее лицо, дрожащія губы, слезы на глазахъ и—испугался.

— Что съ вами?!

— Ха-ха! Такой Петька будетъ. Черезъ два года. Ха-ха! Такъ же будетъ ножками: тупъ-тупъ! Постойте!

Онъ подошелъ къ нянькѣ и далъ ей двугривенный. Потомъ разспросилъ: сколько мальчику лѣтъ, чей сынъ, что ѣстъ и не капризничаетъ ли по ночамъ?

Потомъ присѣлъ передъ мальчикомъ на корточки и спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Ва-я.

— Ваня,—пояснила нянька.

— Ваня? Милый мальчикъ! Нянька... Можетъ, онъ чего-нибудь хочетъ?

Оказалось, что Ваня „чего-нибудь хотѣлъ“ только полчаса тому назадъ.

Это настолько успокоило Банкина, что онъ нашелъ въ себѣ мужество разстаться съ Ваней, и мы пошли дальше.

— Проклятый городъ,—сказалъ я.—Сколько пыли.

— Что?

— Городъ, я говорю, пыльный.

— Да, да...—разсѣянно подтвердилъ Банкинъ.

И задумчиво добавилъ:

— Воды онъ боится.

— Чего же ему бояться,—возразилъ я.—Только бы поливали!

— Да и поливаютъ. Если тепленькая вода—такъ онъ не кричитъ... и, если поливаютъ спинку, только морщитъ носъ и ежится,

IV.

Когда мы подошли къ квартирѣ Банкина, онъ открылъ ключомъ дверь, схватилъ меня за шиворотъ, втолкнулъ въ переднюю и, проворно вскочивъ вслѣдъ за мною, захлопнулъ дверь.

Я упалъ на ступеньки лѣстницы. Ушибъ ногу. Сѣлъ на нижней ступенькѣ и, потирая колѣно, со страхомъ спросилъ:

— Что я сдѣлалъ вамъ дурного?

— Петька простудиться можетъ,—объяснилъ Банкинъ.—Дуетъ.

Я всталъ и мы вошли въ первую комнату—столовую.

— Вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ,—указалъ Банкинъ, Петькѣ нянька даетъ молочко. Вотъ видите—стулъ.

Я осмотрѣлъ стулъ.

— Хорошій стулъ. Вѣнскій.

— Приготовьтесь,—хохоча счастливымъ, лучезарнымъ смѣхомъ, воскликнулъ Банкинъ.—Сейчасъ увидите *его*.

Я пригладилъ волосы, одернулъ сюртукъ, и мы, на цыпочкахъ, вошли въ дѣтскую.

— Вотъ онъ,—шепотомъ сказалъ Банкинъ, указывая на кроватку.

— Какой хорошенькій.

— Да это не то. Этотъ уголъ подушки! А вонъ онъ лежитъ за подушкой.

— Прелестный ребенокъ.

— Правда? Я зналъ, что вы сейчасъ же влюбитесь въ него... Помните, я вамъ разсказывалъ, что если я его цѣлую во время сна — онъ никогда не просыпается... Вотъ вы увидите.

Банкинъ подошелъ къ кроваткѣ, нагнулся и — вслѣдъ за этимъ раздался бѣшеный ревъ ребенка.

Вбѣжала госпожа Банкина.

— Опять ты его разбудилъ?! Вѣчно лѣзетъ съ поцѣлуями! Молчи, молчи, мое сокровище... Здравствуйте! Какъ поживаете?

— Благодарю васъ. Я совершен...

— Вы его хорошо разсмотрѣли? Неправда ли, очаровательный ребенокъ? Садитесь. Ну, какъ вы поживаете?

— Очень вамъ благодаренъ. Живу ниче...

— Видѣли ли вы когда-нибудь такого большого мальчишку?

За мою бурную, богатую приключеніями жизнь, я видѣлъ десятки ребятъ гораздо больше Банкинаго ребенка, но мнѣ неловко было заявить объ этомъ.

— Нѣтъ! въ жизни своей я не видѣлъ такого колоссальнаго ребенка!

— Правда? Ну, какъ вы поживаете?

— Я сов...

— Не плачь, милый мальчикъ! Вотъ дядя .. Онъ тебя возьметъ блямъ-блямъ. Правда, Аркадій Тимофеевичъ? Вы его возьмете блямъ-блямъ?

— Безъ сомнѣнія, — робко подтвердилъ я. — Если вы будете добры посвятить меня въ цѣль и значеніе этого... этой забавы, то я съ удовольствіемъ...

— Блямъ-блямъ? Неужели, вы не знаете? Это значитъ: покачать его въ колясочкѣ.

V.

Петька захныкалъ и, вытянувшись на рукахъ няньки, капризно поднялъ рученки кверху.

— Смотри, смотри! — воскликнулъ пораженный и умиленный Банкинъ,—на потолокъ показываетъ!!

Госпожа Банкина наклонилась къ Петькѣ и спросила:

— Ну, что, Петенька... Потолочекъ? Что Петенька хочетъ на потолочкѣ? Спросите его, Аркадій Тимофеевичъ: что онъ хочетъ на потолочкѣ?

Я несмѣло приблизился къ Петькѣ и, дернувъ его за ногу, спросилъ:

— Чего тебѣ тамъ надо, на потолкѣ?

Ребенокъ залился закатистымъ плачемъ.

— Онъ боится васъ,—объяснилъ Банкинъ. Еще не привыкъ. Петенька!.. Ну, покажи дядѣ, какъ птички летаютъ?! Ну, покажи! Представьте, онъ рученками такъ дѣлаетъ... Ну, покажи же, Петенька, покажи!

Петьку окружили: мать, отецъ, нянька, кухарка, пришедшая изъ кухни, и сзади всѣхъ—я.

Они дергали его, поднимали ему руки, хлопали ладонями, подмигивали и настойчиво повторяли:

— Ну, покажи же, Петенька... Дядя хочетъ посмотрѣть, какъ птички летаютъ!

Полетъ птицъ, и даже въ гораздо лучшемъ исполненіи, былъ мнѣ извѣстенъ и раньше, но я считалъ долгомъ тоже монотонно тянуть вслѣдъ за кухаркой:

— Покажи, Петенька!.. Покажи...

Наконецъ, ребенку такъ надоѣли, что онъ поднялъ рученки и оттолкнулъ отъ себя голову няньки.

Снисходительные родители признали этотъ жестъ за весьма удачную имитацію птичьяго полета, и такъ какъ я не оспаривалъ ихъ мнѣнія, то мы приступили къ новымъ экспериментамъ надъ задерганнымъ горемычнымъ Банкинымъ отпрыскомъ.

— Хотите,—спросилъ Банкинъ,—онъ скажетъ вамъ по нѣмецки?

— Я по нѣмецки плохо понимаю, — попробовалъ сказать я, но госпожа Банкина возразила:

— Это ничего. Онъ все-таки скажетъ. Дайте ему

только въ руки какую-нибудь вещь... Ну, пенснэ, что ли... Онъ васъ поблагодаритъ по нѣмецки.

Со вздохомъ я вручилъ Петькѣ свое пенснэ, а онъ сейчасъ же засунулъ его въ ротъ и сталъ сосать, словно надѣясь высосать тотъ отвѣтъ, который отъ него требовали...

— Ну, Петенька... Ну, что нужно дядѣ по нѣмецки сказать?

— Ну, Петенька...—сказалъ Банкинъ.

— Что нужно...—продолжала нянька.

— По нѣмецки сказать?—подхватила кухарка.

— Ну же, Петенька, — поощрилъ его Банкинъ, дергая изо рта пенснэ.

— Ззз...—капризно пропищалъ Петька.

— Видите? Видите? Данке! Онъ вамъ сказалъ: данке! А какъ нужно головкой сдѣлать?

Такъ какъ госпожа Банкина (о, материнское сердце!). зайдя сзади, потихоньку ткнула въ Петькинъ затылокъ, вслѣдствіе чего его голова безпомощно мотнулась,—то всѣ признали, что Петька этимъ страннымъ способомъ совершенно удовлетворительно поблагодарилъ меня за пенснэ.

— Вѣжливый будетъ, каналья, — одобрительно сказалъ Банкинъ.

— Крррa... — сказалъ Петька, поднимая лѣвую руку подъ угломъ сорока пяти градусовъ.

Всѣ всколыхнулись.

— Что это онъ? Что ты, Петенька?

Прослѣдили по направленію его руки и увидѣли, что эта воображаемая линія проходила черезъ три предмета: спинку кресла, фарфоровую вазочку на этажеркѣ и лампу.

— Лампу,—засуетился Банкинъ.—Дать ему лампу!

— Нѣтъ, онъ хочетъ вазочку,—возразила кухарка.

— Зу-зу-у...—пропищалъ Петька.

— Вазочка, — безапелляціонно сказала нянька. — Зу-зу—значитъ, вазочка!

Петькѣ дали вазочку. Онъ засунулъ въ нее палецъ и, скосивъ на меня глаза, бросилъ вазочку на полъ.

— На васъ смотритъ! — восторженно взвизгнулъ Банкинъ.—Начинаетъ къ вамъ привыкать!..

VI.

Передъ обѣдомъ Банкинъ приказалъ вынести Петьку въ столовую и, посадивъ къ себѣ на колѣни, далъ ему играть съ рюмками.

Водку мы пили изъ стакановъ, а когда Петьку заинтересовали стаканы—вино пришлось пить изъ молочниковъ и сахарницы.

Подметая осколки, нянька просила Петьку:

— Ну, скажи—лю! Скажи дядѣ—лю!

— Какъ вы думаете... На кого онъ похожъ? — неожиданно спросилъ Банкинъ,

Носъ и губы Петьки напоминали таковыя же принадлежности лица у кухарки, а волосы и форма головы смахивали на нянькины.

Но сообщить объ этомъ Банкину я не находилъ въ себѣ мужества.

— Глаза — ваши, — увѣренно сказалъ я,—А губы—мамины!

— Что вы, голубчики!—всплеснулъ руками Банкинъ.—Губы мои!

— Совершенно вѣрно. Верхняя ваша, а нижняя—матери.

— А лобикъ?

— Лобикъ? Вашъ!

— Ну, что вы! Всмотритесь!

Чтобы сдѣлать Банкину удовольствіе, я долго и пристально всматривался.

— Вижу! Лобикъ—маминъ!

— Что вы, дорогой! Лобикъ дѣдушки Павла Егорыча.

— Совершенно вѣрно. Темянная часть—дѣдушкина, надбровныя дуги ваши, а височныя кости—мамины.

Послѣ этой френологической бесѣды Петьку трижды заставляли говорить: данке.

Я чувствовалъ себя плохо, но утѣшался тѣмъ, что и Петькѣ не сладко.

VII.

Сейчасъ Банкинъ, радостный, сіяющій изнутри и снаружи, сидитъ противъ меня.

— Знаете... Петька-то!.. Ха-ха!

— Что такое?

— Я отнимаю сегодня у него свои золотые часы, а онъ вдругъ—ха-ха—говоритъ: «Папа дуракъ»!!..

— Вы знаете, что это значитъ?—серьезно спросилъ я.

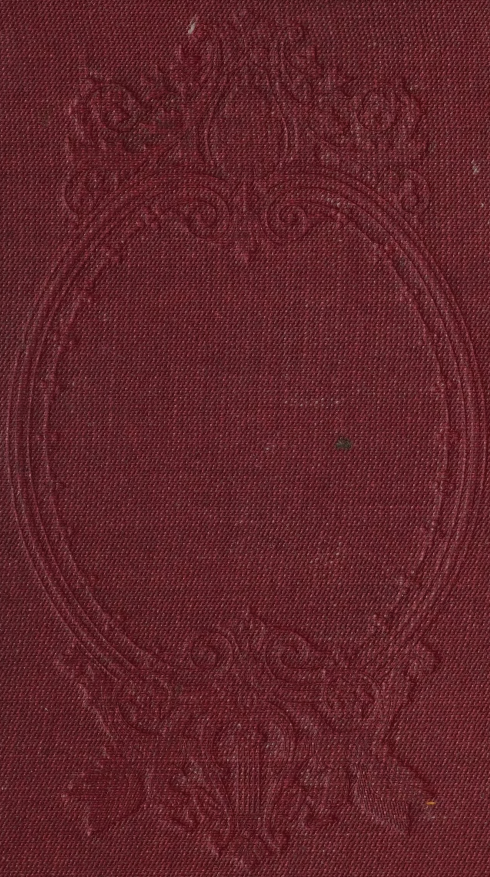
— Нѣтъ. А что?

— Это значитъ, что въ ребенкѣ начинаетъ просыпаться сознательное отношеніе къ окружающему.

Онъ схватилъ мою руку.

— Правда? Спасибо. Вы меня очень обрадовали.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Дебютантъ	7
Корень зла	14
Коса на камень	17
Сплетня	23
Дуракъ	29
Измѣна	35
Жалкое существо	40
Другъ	45
Люди четырехъ измѣреній	50
Новоселье	55
Оскорбленіе дѣйствіемъ	62
Исторія одного разсказа	66
Первый дебютъ	71
Поѣздка въ театръ	77
Пьяный	83
Служитель музъ	87
Исторія одной картины	92
Настоящіе парни	96
Катька	112
Солидное предпріятіе	115
Жертва цивилизаціи	121
Бойкій разговоръ	125
Въ ресторанѣ	130
Камень на шеѣ	134
Легенда стараго озера	142
Воздухоплавательная недѣля въ Коркинѣ	146
Виньетки	152
Дуэль	159
Пинхусъ Розенбергъ	170
Наслѣдственность	174
Дитя	179
Тихое помѣшательство	187

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA CHAPEL HILL
0003424565